



ИСТОРИЯ
ДОНСКАГО ВОЙСКА.

ОПИСАНИЕ
ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петер-
бургъ, Юня 21 дня 1833 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ОПИСАНІЕ
ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ,
ПРАВОВЪ

И
ОБЫЧАЕВЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Владимира Броневскаго.



ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

1834.

Slav 3445.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
3 JUL 1924

ОПИСАНІЕ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ.

I. СТАТИСТИКА.



ПОЛОЖЕНІЕ И ПРОСТРАНСТВО.

Земля Донскихъ Казаковъ лежитъ въ полу-денной сторонѣ Россійской Имперіи, между 55° и 63° восточной долготы, и 46° и 52° сѣверной широты. По настоящему раздѣленію Россіи, Донская земля граничитъ: съ Воронежскою, Саратовскою, Астраханскою Губерніями, областію Кавказскою, Землею войска Черноморскаго, частію Азовскаго моря и Екатеринославскою Губерніею. Граничная черта, означающая нынѣ окружность Донской земли, Высочайше утверждена на картѣ, въ 1786 г.

Самое большое протяженіе оной отъ Сѣверо-Востока къ Юго-Западу, содержитъ въ себѣ 590

версть, а въ ширину отъ Сѣверо-Запада къ Юго-Востоку около 410 версть. Вся поверхность земли заключаетъ въ себѣ около 2850 квадратныхъ географическихъ миль; на каждую же геогр. милю приходится по 170 чел. жителей.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

Вся Донская земля въ 1802 году, раздѣлена на семь уѣздовъ, названныхъ *Сыскными начальствами*. Въ Сыскныхъ начальствахъ соединена власть Уѣздныхъ и Земскихъ судовъ. Большія села, называвшіяся прежде городками, называются теперь *Станицами*; а деревни безъ церквей *Хуторами*. — Сыскныя начальства имѣютъ слѣдующія названія.

1. Черкаское сыскное начальство.

Въ немъ: городъ *Новочеркасскъ*, здѣсь находится главное Войсковое Правительство и всѣ присутственныя мѣста и другія заведенія, въ Губернскихъ городахъ находящіяся. Къ Черкаскому округу принадлежатъ Станицы:

	число жит. обою пола.		число жит. обою пола.
1 Старо-Черкаская, прежде, бывший главный городокъ	5300.	5 Грушевская	1073.
2 Аксайская	3247.	6 Кривянская	1514.
3 Сретинская	931.	7 Махинская	1326.
4 Александровская .	825.	8 Ново-Кагалницк.	1079.
		9 Мечетинская	1110.
		10 Егорлыцкал	840.

	число жит. обоих полов.		число жит. обоих полов.
11 Маныцкая	2025.	13 Гниловская	1927.
12 Татарская	796.	14 Елизаветовская	1964.

2. ПЕРВОЕ ДОНСКОЕ СЫСНОЕ НАЧАЛЬСТВО.

1 Ведерниковская , <i>въ ней находится сыскн. Началь.</i>	1769.	12 Бесергеновская	2721.
2 Нижне-Михалевск.	1664.	13 Богаевская	1966.
3 Траиллинская	1555.	14 Екатерининская	2018.
4 Кагальницкая	1640.	15 Усть Быстринская	3414.
5 Верхне-Михалев- ская	2118.	16 Верхне - Кундрю- чевская	2270.
6 Семикарагорская	2193.	17 Нижне - Кундрю- чевская	4395.
7 Кочетовская	3901.	18 Кумшатская	1892.
8 Золотовская	1105.	19 Романовская	1754.
9 Бабская	1325.	20 Верхне-Каргаль- ская	1542.
10 Раздорская, <i>пер- вое изъ деревннхъ селеній на Дону.</i>	3773.	21 Камышовская	1202.
11 Мелеховская	2246.	22 Быстринская	1025.
		23 Нижне - Каргаль- ская	1119.

3. ВТОРОЕ ДОНСКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

1 Верхне - Чирская <i>Сыскн. Нач.</i>	7248.	8 Голубинская	882.
2 Новогригорьевск.	2539.	9 Пяти-Избянская	4173.
3 Старогригорьевс.	3155.	10 Нижне-Чирская	11368.
4 Свротинская	2676.	11 Кобылянская	4502.
5 Иловлинская	4051.	12 Есауловская	7469.
6 Качалинская	3267.	13 Потемкинская	3826.
7 Трехъ-Островян- ская	3548.	14 Верхне-Курмоюр- ская	4070.
		15 Нагавская	2083.

	число жит. обоих полов.		число жит. обоих полов.
16 Нижне-Курмояр- ская.....	2768.	18 Филиповская....	897.
17 Гушинская.....	1743.	19 Терновская.....	337.
		20 Цыганская.....	3374.

4. Усть-медведицкое начальство.

1 Усть-Медведиц- кая Сыск. Нач... 6364.	11 Островская..... 4805.
2 Казанская..... 6796.	12 Глазуновская.... 4805.
3 Мичулинская.... 9062.	13 Скуратинская... 3453.
4 Вьшнинская..... 9460.	14 Кепинская..... 2159.
5 Еланская..... 4451.	15 Арчадинская.... 2978.
6 Усть-Хоперская . 5598.	16 Этеревская..... 2267.
7 Распоинская... 5464.	17 Раздорская..... 2601.
8 Клецкая..... 5359.	18 Орловская..... 1558.
9 Перекопская.... 2972.	19 Заполянская.... 1798.
10 Кременская.... 5173.	20 Малоцельская... 2665.
	21 Березовская.... 3731.

5. Хоперское начальство.

1 Алексеевская Сыск. Нач..... 1960.	13 Усть-Бузулуцкая . 1728.
2 Федосеевская... 3386.	14 Правоторовская . 1633.
3 Булановская.... 2322.	15 Яминская..... 1118.
4 Слащовская.... 3560.	16 Лукьяновская... 922.
5 Остроуховская .. 1351.	17 Карловская..... 1787.
6 Кумыженская... 4482.	18 Мартыновская... 1660.
7 Луковская..... 2099.	19 Михайловская... 9397.
8 Бурацкая..... 1400.	20 Камовская..... 1793.
9 Тишанская..... 1825.	21 Добринская..... 2099.
10 Акишевская.... 1580.	22 Урюпинская..... 2394.
11 Золотовская.... 4025.	23 Левикинская.... 1209.
12 Аршеновская... 2045.	24 Безземляновская. 1052.
	25 Тецименская... 2590.

	ЧИСЛО ЖИТ. ОБОЕГО ПОЛА.		ЧИСЛО ЖИТ. ОБОЕГО ПОЛА.
26 Филоновская	6012.	29 Ярыженская	2522.
27 Березовская	1289.	30 Дурновская	1233.
28 Чарновская	1749.		

6. ДОНЕЦКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

1 <i>Каменская Сыск- Нах.</i>	6293.	4 Гундоровская	5370.
2 Луганская	7179.	5 Калитвенская	5239.
3 Митякинская	8249.	6 Усть - Бьлокалит- венская	4708.

7. МІУССКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

Сыскное Начальство находится въ слободѣ *Гр-лодаевкѣ*, принадлежащей Полковнику Мартынову. Въ Міускомъ Начальствѣ, нѣтъ ни одной Казачьей станицы и оно все состоитъ изъ слободъ и поселковъ, въ коихъ живутъ крестьяне, принадлежащіе Донскимъ чиновникамъ. *Слободами* называются тѣ селенія, кои имѣютъ церкви; подъ именемъ *поселковъ* разумѣются деревни безъ церквей, въ коихъ однакожь болѣе 10 дворовъ; *хутора* же суть деревни, менѣе 10 дворовъ въ себѣ заключающія. Нынѣ въ Міусскомъ начальствѣ крестьянскихъ жилищъ считается: слободъ 66, поселковъ и хуторовъ 512.

Въ каждой изъ вышепоименованныхъ станицъ находится церковь, въ нѣкоторыхъ же есть и по двѣ; церкви большею частию деревянные. Въ каждой также станицѣ, находится домъ *Стани-*

наго Правленія, гдѣ бываютъ общественныя сходки Казаковъ, для исполненія какихъ либо предписаній Войсковаго начальства, для раздѣла лѣтомъ сѣнокосныхъ степей и проч. Здѣсь же, подобно какъ въ Россіи на мірскихъ сходкахъ, производится расправа въ ссорахъ и другихъ малозначительныхъ случаяхъ.

Нынѣ всѣ Казачьи жилища состоятъ: изъ одного города, 114 станицъ и 1753 хуторовъ. Кроме 12 станицъ, находящихся при малыхъ рѣчкахъ, всѣ прочія поселены по берегамъ большихъ рѣкъ, а именно: по Дону 53 станицы, по Донцу 9, по Медвѣдицѣ 11, по Хопру 20, и по Бузулуку 10. Въ Усть-Медвѣдицкомъ начальствѣ, при станицахъ Кременской и Усть-Медвѣдицкой, находятся монастыри, при первой, *Вознесенскій* мужескій, при второй *Преображенскій* дѣвичій.

ВОДЫ.

Азовское море есть главное въ семь краю водохранилище, небольшая часть коего находится во владѣніи войска Донскаго. Въ сіе море впадаютъ посредственно или непосредственно всѣ рѣки и рѣчки, протекающія въ Донской землѣ.

Главная рѣка здѣсь Донъ, отъ которой и страна получила свое названіе. Рѣка сія, въ древнія времена называлась *Танаисъ*, или *Тана* что на языкахъ

Арабскомъ и отъ него происходящихъ означаетъ нарицательное имя всякой рѣки. Въ томъ же смыслѣ называли Донъ: Татары *Тинъ*, Турки *Тень*, а Славяне по сходству звуковъ называли его *Донъ*. Начиная отъ границъ Воронежской Губерніи, до самаго впаденія въ Азовское море четырьмя устьями, Донъ въ полную воду вездѣ судоходенъ; лѣтомъ же при низкой водѣ, по причинѣ многихъ мелей, грузы могутъ быть отправляемы только на малыхъ лодкахъ и судахъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, значительнѣе другихъ, съ правой стороны: *Сверный Донецъ*, или просто *Донецъ*, съ побочными рѣками *Калитвою* и *Быстрою*; а съ лѣвой *Хоперь*, *Медвѣдица*, *Иловля*, *Саль*, *Маныхъ* и *Кагальникъ*. Хоперь и Медвѣдица, въ время весеннихъ водъ судоходны. *Миусъ* и *Кальмиусъ* изливаются прямо въ Азовское море. Изъ многихъ озеръ примѣчательны два соленыхъ: *Новое соленое* и *Старое соленое*, оба лежатъ въ верхнихъ частяхъ Маныча, не имѣющаго почти теченія, лѣтомъ онѣ мѣстами высыхаетъ, и только въ весеннее время наполняется водою изъ Дона. Кромѣ сего есть множество небольшихъ рѣкъ и озеръ, которыя въ общежитіи приносятъ жителямъ большую пользу. Многія мѣста и урочища, особенно въ окрестностяхъ Азова, и по нынѣ сохранили Татарскія названія. Темирникское озеро и Аксайская станица, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, получили свое названіе отъ Темиръ-Аксака. *Сандбекъ*, *Чулукъ*, *Чалтырь*, *Каякъ*, *Саликъ*, *Коура* суть прозвища также Татарскія. *Кобляковка* произошла

отъ Кобяка, и *Кизитеренка* отъ Кизитера имя свое получила.

ВИДЪ И ПОЧВА ЗЕМЛИ.

Видъ Донской земли весьма разнообразенъ: въ ней нѣтъ главныхъ горныхъ хребтовъ, а входятъ въ нее большую частію съ сѣверной стороны значительныя отрасли, простирающіяся между большими рѣками, по направленію ихъ теченія. Таковыя суть: *a)* Между Дономъ и Донцомъ; *b)* между Дономъ и Хопромъ; *c)* между Хопромъ и Бузулукомъ; *d)* между Бузулукомъ и Медвѣдицею и *e)* по правой сторонѣ Донца. Прочія мѣста составляютъ почти совершенно ровную, сухую и безлѣсную степь, поверхность коей по большой части состоитъ изъ песчаной, частію соленой и тощей глины, а черноземъ попадаетъ по низменнымъ мѣстамъ.

Впрочемъ качество почвы весьма разнообразно, и въ цѣлой массѣ, можетъ быть раздѣлено на три полосы: *первая* заключается въ округѣ Хоперскомъ и частію въ Усть-Медвѣдицкомъ: она возвышеннѣе другихъ, не весьма изобильна водами, отъ чего и не столько плодородна какъ другія; *вторая* полоса заключаетъ въ себѣ весь правый берегъ Дона; здѣсь самыя тучныя и плодороднѣйшія земли находятся въ округахъ: первомъ и второмъ Донскихъ, Черкасскомъ и Міус-

скомъ ; и *третья* полоса заключается въ Задонскихъ степяхъ, простирающихся на лѣвой сторонѣ Дона. Сія часть самая безводная, и почва ея повсемѣстно содержитъ въ большемъ количествѣ растворенную соль, а потому менѣе первыхъ двухъ способна къ хлѣбопашеству.

КЛИМАТЪ.

Климатъ здѣшній, вообще умѣренный. Зимы бываютъ легкія, непродолжительныя; морозъ въ 25° по Реом. почитается явленіемъ рѣдкимъ; обыкновенная же стужа простирается отъ 5 до 10 градусовъ. Лѣтнія жары восходятъ отъ 8° до 30°, но за то вечера бываютъ довольно пріятные и прохладные. Иногда, но рѣдко, въ Мартѣ лежитъ еще снѣгъ. Апрельъ есть пріятный мѣсяцъ; но самый жаркій; Іюль. Въ Сентябрьѣ и даже въ Октябрьѣ бываетъ тепло; Декабрь и Генварь настоящіе зимніе мѣсяцы. По временамъ года вѣтры дуютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Зимою*, т. е. въ Декабрьѣ, Генварѣ и Февралѣ, преимущественно восточные и юго-восточные. *Весною*, т. е. въ Мартѣ, Апрельѣ и Маѣ, восточные и Западные. *Лѣтомъ*, въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ, западные. *Осенью*, въ Сентябрьѣ и Октябрьѣ опять начинаются восточные; въ Ноябрьѣ, восточные и западные. Осенью же часто также дуютъ и сѣверные и сѣверо-восточные и сѣверо-западные вѣтры.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Въ царствѣ ископаемомъ достойны примѣчанія : каменный уголь, черный карандашъ, затвердѣлый глинистый шиферъ или аспидъ, различныхъ видовъ известковый камень, кремень, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свинцовыя и желѣзныя руды ^(а), поваренная и глауберова соль, и слюда. Горы или лучше значительныя возвышенности, идущія по направленію большихъ рѣкъ, состоятъ изъ мѣлу, мергеля и глины; но есть нѣсколько и первозданныхъ, въ которыхъ недавно открытъ родъ мрамора, принимающаго полировку.

Въ царствѣ прозябаемомъ : всякій хлѣбъ, ленъ, пенька; деревья лѣсныя: дубъ, илимъ, кленъ, ясень, липа, осокоръ и множество другихъ. Небольшія лѣсныя дачи, состоящія изъ мелкаго чернаго лѣса, находятся только въ Міускомъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ округахъ; недостатокъ лѣса для топлива съ избыткомъ замѣняется камышемъ, бурьяномъ и кизякомъ ^(б). Строевой лѣсъ употребляется привозный. Деревья плодовые: яблони, груши, сливы, вишни, грецкой орѣхъ, каштанъ, тернъ, тутовья, персиковыя и абрикосовыя деревья растутъ на открытомъ воздухѣ. Виноградъ

(а) Въ имѣніи Генерала Луковкина, недавно открыты желѣзная и свинцовая руды; изъ коихъ послѣдняя содержитъ значительное количество серебра.

(б) Такъ называется сухая толстостебельная трава, растущая на поляхъ необработанныхъ. Кизякъ есть высушенный скотскій калъ.

и нѣкоторыя нѣжныя плодовые деревья на зиму укрываются. Арбузы, дыни и различные огородныя овощи растутъ во множествѣ; есть также довольно мануфактурныхъ и медицинскихъ растѣній. Изъ дико-растущихъ болѣе примѣчательны: печерица, шампіоны, сморчки, ежевика, маковица или жидовская вишня; бузина, дягильникъ, хрѣнь, щавель и тому подобныя травы. Дикія яблоки и груши, тернъ, хмѣль, кизиль, шиповникъ и барбарисъ растутъ по лѣсамъ. Поля украшаются: тюльпанами, макомъ, барскою сѣвсю, піонами, рожамъ и другими цвѣтами въ великомъ множествѣ.

Въ царствѣ *животныхъ*: всякій домашній скоть, а у Калмыковъ есть много и верблюдовъ; дикія лошади въ маломъ числѣ. Изъ звѣрей: волки, лисицы, зайцы, суслики и множество другихъ; изъ дикихъ птицъ есть во множествѣ гуси, утки, бабы птицы, колпицы, лебеди, аисты, бѣлыя цапли, орлы, филины, совы, сычи, скопы, ястреба, жаворонки, скворцы, дрозды, щеглы, чижики, коноплянки, соловьи, малиновки, щуры, сорокопуды, полевые пѣтушки и множество другихъ, какъ хищныхъ, такъ и пѣвчихъ птицъ. Земноводныхъ здѣсь весьма немного, и знатнѣйшія изъ нихъ суть: круглая черепаха, жабы, лягушки, разныхъ видовъ ящерицы, ужи, сѣрая змѣя, и имѣяница.

Азовское море, какъ сажалка, наполнено рыбою, которой великое множество входитъ ежегодно въ

Донъ. Къ сожалѣнію, не смотря на многіе указы и постановленія, рыба вылавливается въ гирлахъ и нижнихъ частяхъ рѣки, такъ, что вверхъ, особенно въ побочныя рѣки, доходить въ маломъ количествѣ. Рыбы здѣсь водятся различныхъ породъ: осетры, бѣлуги, сѣврюги, стерляди, шипы, тарань, лещи, судаки, рыбцы, сомы, чахонь, сельва, сазаны, караси, лини, язи, головли, шуки, пискари, и множество другихъ. Рыбный промыслъ доставляетъ низовымъ жителямъ значительный доходъ. Кромѣ домашняго продовольствія, рыба въ большемъ количествѣ развозится въ Малороссійскія и Польскія Губерніи и даже въ Кавказскую область до Пятигорска. Для ловли рыбы употребляются обыкновенные неводы, сѣти, сежи и вентера. Наибольшее количество рыбы ловится въ Черкасскомъ и Міусскомъ округѣ; по всему же войску поймано (1832 г.) 1,033,955, изъ коихъ употреблено 446,512, вывезено 537,423 пуда.

Изъ насѣкомыхъ извѣстнѣйшіе суть: 1) жесткокрылыя, 2) полу-жестко-крылыя, 3) чешуекрылыя, 4) сѣтчато-крылыя, 5) жилко-крылыя, 6) двукрылыя и 7) безкрылыя.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ И ВѢРА.

Послѣ паденія владычества Татаръ Волжскихъ, въ началѣ XVI столѣтія, въ опустѣвшей странѣ поселились Русскіе выходцы изъ свободныхъ тог-

да крестьянъ, и разнаго званія людей. Нынѣшніе жители Донской земли, состоятъ изъ трехъ главныхъ племенъ: 1) изъ *Русскихъ*: Казаковъ, какъ коренныхъ жителей, и вновь переселенныхъ крестьянъ, принадлежащихъ Донскимъ чиновникамъ; 2) *Калмыковъ* и 3) *Татаръ*; именно:

Казаковъ, обоего пола	389,371.	
Крестьянъ, — — —	153,766.	<small>Въ томъ числѣ 76,281 муж. п.</small>
Калмыковъ, — — —	16,413.	
Татаръ, — — —	803.	

Итого . . . 560,353 ч. ^(a)

Нынѣ Казаки раздѣляются на четыре разряда: 1) на *Малолѣтковъ*, то есть, такихъ, которые не достигли 19-лѣтняго возраста; 2) на *Несовершеннолѣтнихъ*: Въ сей разрядъ поступаютъ всѣ юноши, коимъ совершится 19 лѣтъ; они присягаютъ на вѣрность службы, вносятся въ списки, и остаются два года въ домахъ, а послѣ сего срока вступаютъ въ разрядъ служилыхъ Казаковъ; 3) собственно на *Служилыхъ* Казаковъ; къ сему разряду принадлежатъ всѣ тѣ, кои отправляютъ дѣйствительную службу, по очереди; и наконецъ 4) на *Отставныхъ*, то есть, такихъ, кои, за увѣчьемъ, или по болѣзнямъ, получили отставку. Первый и послѣдній разряды называются: *Неслуживыми*;

(a) Всѣ Статистическія изчисленія, подлежащія измѣненію, заимствованы изъ Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ, и принадлежать 1832 году, въ которомъ сочиненіе писано.

второй и третій разрядъ именуется: *служащими*. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Казаки, при объявленіи войны выступали въ походъ въ числѣ 25 тысячъ; но въ послѣдствіи число сіе измѣнилось, по мѣрѣ нужды, такъ, что въ отечественную 1812 года войну, во всѣхъ арміяхъ Казаковъ состояло подъ ружьемъ до 60 тысячъ человѣкъ.

Калмыки ⁽²⁾ и Татара несутъ службу на равнѣ съ Казаками, входятъ въ составъ войска Донскаго и пользуются всѣми преимуществами онаго. Татара живутъ при городѣ Новочеркасскѣ, особою станицею, *Татарскою* называемою, и на рѣкѣ Манычѣ въ селеніи *Дарьевскѣ*. Татара исповѣдаютъ Магометанскій законъ, имѣютъ свою мечеть и подвѣдомы Оренбургскому Муфтію. Съ точностію нельзя опредѣлить когда Татара поселились на Дону. Въ царствованіе Петра Великаго о нихъ упоминается, какъ о принадлежащихъ уже обществу Казаковъ. Сами же они полагаютъ свое происшествіе на Донъ, еще въ то время, когда между Раздорами и Азовомъ никакихъ жилищъ не было; но сему трудно повѣрить. Разность религіи и близость Азова, гдѣ подъ Турецкимъ владычествомъ могли они жить спокойнѣе, поставляли водворенію ихъ на Дону непреодолимую преграду.

Всѣ Казаки и крестьяне, какъ Русскіе, исповѣдуютъ вѣру Грекороссійскую. Между Казаками

(2) О Калмыкахъ приписанныхъ къ Донскому войску, см. особую статью.

есть много старообрядцевъ или раскольниковъ, слѣдующихъ сектъ: *Поповщина, Безпоповщина, Духоборцы и Скитники*. Самые мудрѣйшіе изъ старообрядцевъ, суть не что иное, какъ люди, едва умѣющіе читать и превратно понимающіе тексты и слова Священнаго Писанія. Пустые ихъ толки, были бы совершенно безвредны для общезнѣнія, если бы они, держась только оныхъ и старыхъ своихъ обычаевъ, не отчуждали себя отъ общества упорнымъ сопротивленіемъ всякому просвѣщенію и улучшеніямъ. Бывшіе между раскольниками, вѣтхозавѣтной Еврейской ереси, такъ называемые *Малаканы*, какъ болѣе соблазнительные, и такими, даже отъ собратій своихъ признаваемые, въ 1830 году въ числѣ 150 семействъ переселены въ Карабахскую провинцію. Къ сожалѣнію, въ числѣ чиновниковъ есть еще и теперь нѣсколько стариковъ, строго держащихся старыхъ обычаевъ, старыхъ книгъ и любящихъ иконы Фряжскаго письма, то есть такія, въ коихъ лики святыхъ не имѣютъ подобія человѣческаго образа. Хотя сіи немногіе, внутренно не терпятъ иныхъ сектъ, и Русскихъ иногда въ досадѣ называютъ *Москалями*, или вообще именуютъ ихъ *Еллинами*, что по ихъ разумѣнію значить хуже нежели бусурманы; и хотя также какъ и простые люди они уклоняются отъ просвѣщенія, якобы противнаго православію; однако же стараются не обнаруживать себя и прямо не хотятъ называться раскольниками. Стыдъ сей уже означаетъ начало исправленія. На землѣ Донскаго войска, нынѣ

числится 330 церквей, изъ коихъ 117 каменныхъ, всѣ хорошо содержатся, а нѣкоторыя богато украшены. Въ 1830 году, здѣсь учреждена Епархія: Епархiальный Епископъ именуется *Черкасскимъ* и *Ставропольскимъ*.

ПРЕИМУЩЕСТВА.

Сверхъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимаго, земля обмежеванная и нынѣ въ настоящихъ границахъ подробно измѣренная, почитается собственностію принадлежащею войску; а потому никто изъ владѣльцевъ, ни продать, ни заложить земли не можетъ. Каждый Казакъ, надѣленный значительнымъ участкомъ плодородной земли, не платитъ Государству ни какихъ податей, и обязанъ за то, всегда быть готовымъ на службу, имѣя свое оружіе, одежду и двухъ коней. Сверхъ того, въ дѣйствительной службѣ и въ походѣ получаютъ они провіантъ, фуражъ и жалованье Гусарскимъ полкамъ по старому окладу положенное. Простой Казакъ за отличіе и храбрость производится въ Офицеры, и съ первымъ чиномъ получаетъ дворянское достоинство, съ правами оному присвоенными. Рядовые Казаки втораго и третьяго разряда до 60 лѣтъ считаются на службѣ, отправляя оную также какъ и чиновники по очереди и по наряду начальства. Кромѣ отставныхъ за увѣчьемъ и болѣзнями, прежде сего срока,

оказавшіеся неспособными къ дѣятельной службѣ, употребляются для внутренней службы, въ судебныхъ палатахъ, при полиціи и проч. Казакъ, которому по очереди достается на службу, можетъ нанять за себя другаго; охотниковъ изъ числа отставныхъ и небогатыхъ весьма довольно. Главныя статьи ихъ преимуществъ состоятъ въ позволеніи ловить рыбу, звѣрей; безденежно доставать соль изъ Манычскихъ озеръ, курить вино, и изъ другихъ, подробно означенныхъ въ росписи войсковыхъ доходовъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Казакъ сѣютъ хлѣба мало, и не болѣе какъ сколько требуется для домашняго продовольствія; но чиновники, у которыхъ есть крестьяне, въ довольномъ количествѣ продаютъ въ Таганрогѣ пшеницу, называемую здѣсь *арнауткою*. Главнѣйшій доходъ Казаки получаютъ отъ скотоводства и рыбной ловли, не требующихъ большихъ трудовъ и постоянныхъ усилій. Кромѣ нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ, на коихъ выкуривается не болѣе 150,000 ведръ въ годъ, въ Донской землѣ нѣтъ никакихъ фабрикъ и заводовъ. Казаки не прилежатъ къ ремесламъ и художествамъ, такъ, что въ самой столицѣ ихъ, Новочеркасскѣ, нѣтъ самыхъ нужныхъ мастеровыхъ; и тѣ, которые есть, всѣ иногородные. Казаки почти также лѣнны въ работѣ какъ и Малороссіане,

и также смѣтливы и переимчивы въ механическихъ искусствахъ какъ и Великороссіане; но получая отъ одного скотоводства достаточное содержаніе, небрегутъ о домоводствѣ, и большую часть времени проводятъ въ праздности и гульбѣ. Сельское хозяйство нѣкоторый доходъ доставляетъ только тѣмъ изъ нихъ, которые, имѣя наличныя деньги, могутъ платить поденщикамъ, приходящимъ въ значительномъ числѣ изъ Россіи для полевыхъ работъ, по 2 р. 50 к. въ день, кромѣ пищи. За всѣмъ тѣмъ, здѣшніе богатые помѣщики, владѣя огромными участками, составляющими иногда до 40,000 десятинъ плодородной земли, по сравненію съ другими губерніями, менѣе благодѣтельствованными климатомъ и природою, получаютъ весьма незначительный доходъ.

Казаками и помѣщичьими крестьянами, посѣяно было въ 1832 году озимаго 91,486 и яроваго 359,643 четверти. Урожай хлѣба былъ, озимаго самъ-другъ, и яроваго самъ-третей. Пчеловодствомъ предпочтительно занимаются крестьяне Мѣусскаго округа; сборъ меду по всѣмъ округамъ весьма незначителенъ, и онаго ежегодно собирается около 8,000 пудовъ. Значительныя ярмарки въ войскѣ Донскомъ бываютъ: 1. въ станицѣ Урюпинской въ день Покрова; 2. въ станицѣ Михайловской въ день Богоявленія; 3. въ слободѣ Криворожской въ Троицынъ день; 4. въ Новочеркасскѣ въ Троицынъ день, на Воздвиженіе и въ Покровъ; 5. въ Нижне-Черкасской станицѣ на Воз-

движеніе. На Урюпинской ярмаркѣ въ 1832 году продано разныхъ товаровъ на 2,360,000 рублей; на Михайловской на 1,019,510 рублей; на Криво-рождской ярмаркѣ, гдѣ главный торгъ производится шерстью, рогатымъ скотомъ и лошадьми, изъ привезенныхъ товаровъ продано на 243,840 р., рогатаго скота, лошадей и овецъ продано на 230,730 рублей. На Новочеркасскихъ ярмаркахъ, гдѣ главный торгъ производится хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ и лошадьми, товаровъ привезено на 4,800,000 рублей, продано на 650,000 рублей. На Нижне-Черкасскую ярмарку, шелковыхъ, бумажныхъ, и холщевыхъ товаровъ привезено на 1,999,745 рубль, продано на 670,580 рублей.

СКОВОДСТВО.

Конскіе заводы. Улучшеніе конскихъ заводовъ, составляетъ первый предметъ хозяйства, необходимаго для службы Казаковъ, и мы займемся имъ съ нѣкоторою подробностію, а какъ скотоводство составляетъ главный промыслъ, то и о сей отрасли хозяйства соберемъ все нужныя свѣдѣнія.

По рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Дону до рѣки Донца, лошади не росли, но довольно складны, легки и сильны. Лошади же съ заводовъ по Донцу и вверхъ Дона, происходятъ отъ заводскихъ жеребцовъ сосѣдственныхъ Губерній, почитаются негодными для Казачьихъ полковъ; они хуже настоящихъ Русскихъ лошадей

особенно Битюцкихъ и потому низкою цѣною продаются извощикамъ.

Лучшія пастбищныя мѣста для лошадей находятся, по правую сторону Дона, начиная отъ Донца до Калміуса, и по берегу Азовскаго моря, въ мѣстахъ возвышенныхъ, сухихъ и при текучихъ чистыхъ водахъ. По лѣвую сторону Дона, по рѣкамъ Салу, Куберлямъ, Манычу и прочимъ, луга имѣютъ влажную почву, воды соленія и дурнаго запаха, множество насѣкомыхъ лѣтомъ беспокоятъ животныхъ, отъ чего лошади перераждаются въ слабыхъ, короткошеихъ и головатыхъ; но здѣшнія лошади вообще ростомъ выше другихъ.

Доброта лошадей, зависитъ болѣе отъ содержанія ихъ. Арабъ, Персіянинъ и Турокъ ѣздятъ на кобылѣ, за которою слѣдуетъ жеребенокъ. На годоваломъ жеребенкѣ начинаютъ ѣздить слегка, что и продолжаютъ до совершеннаго возраста. Сіи народы приучаютъ лошадей своихъ постепенно къ ношенію тягости, такъ, что по достиженіи ими надлежащаго роста, онѣ скачутъ по 30 верстъ и болѣе съ тяжелымъ сѣдломъ и уборомъ безъ малѣйшаго для нихъ вреда. Арабскія лошади въ песчаныхъ и каменистыхъ пустыняхъ проводятъ нѣсколько дней безъ корма и питья. Черкескія и другія Азіатскіе наѣзники, часто увозятъ добычу на большое пространство, не слезая съ лошади по цѣлымъ суткамъ. Англичане также держатъ своихъ скаковыхъ лошадей въ черномъ тѣлѣ, но

содержать ихъ съ большимъ раченіемъ и постепенно приучаютъ къ трудамъ. Черкескія лошади, питаются всегда въ полѣ, переносятъ непогоды легко, и скачутъ большія разстоянія безъ вреда; но какъ количество ихъ слишкомъ велико, то каждая лошадь, и не можетъ получить воспитанія, подобнаго Арабской, а посему въ силѣ и особенно для ношенія тягостей, должны имъ уступать. Впрочемъ лучшія Черкескія наѣздничьи лошади выдерживаются также, какъ и Арабскія.

Опытъ показалъ, что улучшать лошадиныя заводы на Дону преимущественно должно отъ Азіатскихъ породъ, какъ то Арабскихъ, Персидскихъ, Черкескихъ, Анатольскихъ и Хивинскихъ. Англійскими лошадьми улучшить заводы не возможно потому, что скаковой чистой породы жеребцовъ изъ Англій за границу не выпускаютъ, а отъ такихъ, какіе продаются у насъ, выходятъ лошади, годныя только для парада и прогулки. Мартынова заводъ, разведенный отъ Англинскихъ, почитается лучшимъ для упряжныхъ, а для ремонтныхъ кавалерійскихъ и особенно для казачьихъ полковъ, лошади его не покупаются. Поздѣевъ испортилъ свой заводъ, почитавшійся лучшимъ на Дону, породою тяжелыхъ Мекленбургскихъ жеребцовъ. Безъ сомнѣнія Арабскіе жеребцы могутъ дать наилучшихъ лошадей, но высокая на нихъ цѣна, и невозможность приобрѣтать ихъ прямо изъ Аравіи, климатъ, содержаніе и многія другія причины, поставляютъ тому почти непреодолимая

препятствія. По сему нынѣ всѣ заводчики стараются улучшить свои заводы другими Азіатскими породами и безъ сомнѣнія въ томъ успѣютъ.

Нынѣ Графа Платова заводъ подѣ тавромъ Р. почитается лучшимъ на Дону, и происходитъ отъ породы Закубанскихъ лошадей, улучшенныхъ Персидскими и Хивинскими жеребцами, которыхъ покойный Графъ Матвей Ивановичъ имѣлъ случай достать въ 1796 году, во время бывшей съ Персіею войны. Кирсанова подѣ тавромъ *Ж* почитается лучшимъ послѣ завода Платова и происходитъ отъ Черкесскихъ и Татарскихъ лошадей, улучшенныхъ жеребцами Платова завода. Харитоновъ заводъ, подѣ тавромъ *ВВ*, породы Черкеской, улучшенъ жеребцами Платова завода, и хотя первымъ двумъ уступаетъ на скачкахъ, но за то лошади красивѣе. Заводъ Гг. Иловайскихъ, изъ породъ лошадей Калмыцкихъ, Татарскихъ и Черкесскихъ, даетъ лошадей рослыхъ и статныхъ; въ большомъ количествѣ покупаемыхъ для ремонтовъ. Другіе заводчики имѣютъ лошадей посредственныхныхъ, частію отъ небреженія или незнанія, частію отъ обстоятельствъ непредвидимыхъ или отъ примѣси Европейскихъ и Бахмутскихъ тяжелой породы жеребцовъ. Лошади Платова завода продаются по 350 рублей кругомъ за голову, прочія въ соразмѣрности дешевле, такъ что лошади худшихъ заводовъ продаются по 100 и по 80 рублей въ разницу.

Для смотрѣнія за табунами нанимаются Калмыки, полагая на сто лошадей одно семейство, на 500 три; на 1000 пять, а на 1500 и 2000 шесть семействъ считается достаточнымъ. Кромѣ частныхъ заводовъ, принадлежащихъ помещикамъ, занимающихся улучшеніемъ породы лошадей, обитатели Хоперскаго, втораго Донскаго и Усть-Медвѣдицкаго имѣютъ огромные табуны, остающіеся безъ всякаго присмотра и раченія о нихъ. Во всѣхъ Войсковыхъ округахъ считается до 257,211 лошадей, въ томъ числѣ 123,328 матокъ.

Рогатый скотъ на Дону трехъ породъ: 1^а *Калмыцкой Дербетовой орды*. Скотина сей породы мясиста и красива, на зиму обростаеъ густою шерстью, легко переноситъ климатъ; ибо по инстинкту, также какъ лошади и овцы, раскапывая копытомъ снѣгъ, удобно достаеъ траву и питаеъ ею въ полѣ всю зиму, исключая продолжительныхъ мятелей, и *шеренговъ*, (такъ называется здѣсь, если на снѣгъ выпадетъ дождь и поверхность снѣга замерзнетъ), тогда скотина вдругъ лишаеъ пропитанія. Въ сей крайности, гдѣ случится камышь или кустарникъ, тамъ только гурты спасаюъ отъ голодной смерти. Сей породы разведена лучшая скотина у Бугучева за Донцемъ. 2^а *Венгерская* порода, заимствована съ Днѣпра, уступаеъ первой породѣ потому, что не можетъ зимою питатьеъ въ полѣ; притомъ хотя быки рослы, но не мясисты. 3^а *Голландская* порода, еъ наиболѣе способнѣйшая къ усовершенствованію Донскаго

рогатаго скота; но какъ сія порода требуетъ большихъ построеній, и тщательнаго присмотра, то здѣшнія хозяева по неимѣнію къ тому средствъ, предпочитаютъ ей Калмыцкую породу, которая, не зная хлѣва, и лѣто и зиму гуляетъ въ полѣ, не требуя отъ хозяина ни пищи, ни большаго присмотра. Голландская порода, разведенная Г. Мартыновымъ, почитается лучшею на Дону.

По старинному обычаю телятъ не употребляютъ въ пищу; притомъ здѣшнія коровы такъ приучены, что безъ теленка молока не даютъ. Судя по количеству дойныхъ коровъ, масло выбивается только для домашняго расхода, а въ продажѣ его мало и оно дорого, сыровъ вовсе не дѣлаютъ. Сія отрасль промышленности предприимчиваго человека могла бы обогатить, ибо по дешевизнѣ молока, съ небольшою издержкою на устройство завода на иностранный образецъ, можно было бы выдѣлывать великое количество масла, котораго сбытъ въ Россіи и отпускъ за границу доставилъ бы значительныя выгоды. По великому употребленію сыра въ Моревъ, Архипелагъ и Италію, продажа онаго на мѣстѣ въ Таганрогъ могла бы доставить еще значительнѣйшія выгоды. Соленіе мяса, для нашего Черноморскаго флота и особенно для Англійскаго, пребывающаго въ Мальтѣ, могла бы составить обширную отрасль промышленности для Донскаго края.

По причинѣ малаго населенія и великаго числа разводимаго здѣсь скота, хозяева не могутъ заго-

товить достаточнаго количества сѣна. Калмыки, которые всѣхъ другихъ Донскихъ жителей богаче скотомъ, не заготавливаютъ сѣна; въ Миускомъ и Донскихъ начальствахъ заготавливаютъ онаго на шесть недѣль; а въ верхнихъ частяхъ Дона, по Хопру и Медвѣдицѣ на четыре мѣсяца. Гдѣ болѣе осторожности, тамъ менѣе и бѣдъ встрѣчается. Если въ продолженіи обыкновенной здѣшной зимы случатся частыя метели и шеренги, то отъ недостатка сѣна много скота погибаетъ. Во время пребыванія моего въ Новочеркасскѣ въ 1832 году, зима при глубокомъ снѣгѣ и при 20° мороза, по несчастію продолжалась до пяти мѣсяцовъ и бѣдствіе неотвратимое, подобно землетрясенію, навело ужасъ на всѣхъ жителей. Калмыки болѣе всѣхъ потерпѣли убытка, и многіе другіе хозяева лишились почти всего своего богатства, цѣлыя стада пали; лошади и рогатый скотъ сами собою, по инстинкту, перешедъ Донъ, устремились къ Сѣверу и къ удивленію спаслись; нашедъ тамъ менѣе снѣга и болѣе благоприятную для нихъ погоду.

Рогатаго скота было въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ 215,922 головы; во второмъ Донскомъ 201,308; всего же войску принадлежащаго 840,683 головы и въ томъ числѣ 396,154 матки. Въ теченіи года отпущено рогатаго скота въ Столицы и другіе города Россіи 20,056 штукъ. Пара быковъ продается отъ 80 до 150 и рѣдко по 200 рублей. Голандской цѣнятся дороже Калмыцкаго,

а сей Венгерскаго. Скотъ обыкновенно продается на мѣстныхъ ярмаркахъ. Острогожскіе, Воронежскіе, Тульскіе и Московскіе купцы занимаются сими промыслами. Продажа рогатаго скота доставляетъ Казакамъ, не смотря на случающіяся изрѣдко бѣды, наибольшія выгоды; ибо издержки для присмотра за нимъ весьма незначительны: не болѣе трехъ Калмыковъ нанимаются для пастыбы 500 скотинъ.

Овцы: Качество травы и воды, наибольшее имѣетъ вліяніе на породу, вкусъ мяса и волну овецъ, разведеніе почти единообразно; а содержаніе весьма различествуетъ по породамъ. *Испанскія* овцы, не смотря на различіе климатовъ, съ успѣхомъ разводятся почти во всей Европѣ; напротивъ *Крымскихъ*, дающихъ дорогія мерлушки и родящихся только на Тарханкутѣ, нигдѣ еще не удалось развести. Калмыки, владѣя солончаками, подобными Тарханкутскимъ, могли бы обогатить себя разведеніемъ Крымскихъ овецъ; но сіи люди ничего вновь не предпринимаютъ, такъ что отъ времени Атиллы и въ образѣ ихъ жизни не примѣтно никакихъ измѣненій.

На Дону удобно плодятся слѣдующія породы овецъ: 1^а *Мериносы*, любятъ траву сухую, ароматическую, растущую на высотахъ. Лучшія пастбищныя мѣста для сей породы Испанскихъ овецъ находятся въ Міускомъ начальствѣ, по берегу Азовскаго моря, по нагорной сторонѣ Дона и вообще на мѣстахъ возвышенныхъ. Мериносы тре-

буютъ особаго присмотра и лучшаго питанія; зимою они не могутъ ходить въ полѣ, а потому должно для нихъ строить теплыя пріюты и содержать ихъ въ чистотѣ. По сей причинѣ только зажиточные помѣщики имѣютъ ихъ, и то еще не въ большемъ числѣ. Мериносы стригутся одинъ разъ въ годъ весною, даютъ до 4 фунтовъ волны, коей пудъ продается по 30 рублей; слѣдственно каждая овца даетъ до 3 рублей дохода въ годъ — доходъ значительный.

2* *Шленскія*, не столь нѣжны какъ мериносы, но требуютъ такого же присмотра и содержанія. Стригутся одинъ разъ въ годъ, пудъ волны ихъ продается по 20 руб., и каждая овца даетъ по 2 руб. дохода въ годъ.

5* *Калмыцкія* съ курдюками, разводятся въ большомъ количествѣ Калмыками. Сія порода и зимою питается въ поле разгребая снѣгъ, и только на случай мятелей и шеренгъ требуетъ до 6 пудъ сѣна на каждую овцу, которыя даютъ до 3 фунтовъ шерсти, за пудъ коей платится около 2 руб. 50 копѣекъ. Ягнячьи мерлушки добротою много ниже Крымскихъ, отъ 1 руб. 50 коп. до 2 рублей.

4* *Боложскія* овцы, хотя меньше даютъ дохода, но ихъ разводятъ болѣе, потому, что мясо ихъ вкуснѣе другихъ породъ; волна же ихъ продается по 3 руб. 50 коп. за пудъ.

5* *Русскія*, для хозяйства крестьянскаго считаются выгоднѣйшими; онѣ сносятъ нечистоту и

плохой кормъ и волна ихъ способности для крестьянской одежды. Воложскіи и Русскія овцы съ выгодою плодятся въ Сѣверныхъ начальствахъ, и также какъ и Калмычскія стригутся два раза въ годъ, въ Маѣ и Августѣ. Русскія овцы даютъ $3\frac{1}{2}$ фунта шерсти, коей пудъ продается по 3 рубл.

Какъ Сѣверная сторона Донскаго края болѣе населена, а скотоводство вообще менѣе, то не смотря на продолжительнѣйшую зиму, скотъ отъ холода и голода не гибнетъ, и хозяева получаютъ болѣе доходъ, нежели какой можно получить на низовыхъ мѣстахъ. Для 1000 овецъ на нимаютъ пять Калмыковъ. На мѣстахъ, гдѣ паеутся овцы, лошади могутъ питаться только по крайней нуждѣ, ибо овцы оставляютъ по себѣ мало корму. Овцы въ водопоѣ не разборчивы, а рогатая скотина и того менѣе и питается съ овцами безъ отвращенія и вреда. Въ 1832 году было овецъ въ округахъ: Хоперскомъ 521,907, второмъ Донскомъ 520,774, Усть-Медвѣдицкомъ 481,163, во всѣхъ же округахъ земли Войска Донскаго 2,110,539, въ томъ числѣ 1,092,640 матокъ. Шерсти собрано по всему войску 217,775 пудъ.

Не смотря на огромное скотоводство и значительный, отъ онаго получаемый доходъ, пора бы, кажется, думать о улучшеніи породъ скота, особенно лошадей, а доходъ случайный умножить средствами болѣе постоянными и вѣрными. Не мѣстныя обстоятельства, не малое населеніе, и

даже не незнаніе; а *хвастливость* и упрямство, свойственныя всякаго рода охотникамъ, тому причиною. Здѣсь каждый заводчикъ старшій чиномъ, также какъ и хозяинъ изстари существующаго завода, почитаетъ свой скотъ первымъ на Дону. Увѣренность ихъ въ семь отношеніи столь велика, что произнося ложь нелѣпую, неправдоподобную, они думаютъ, что говорятъ самую истинну, а посему никакого противурѣчія и добраго совѣта, терпѣть и выслушать не могутъ. И такъ вмѣсто того, чтобы имянитые и богатые заводчики, подавали другимъ средства къ улучшенію, или сами пользовались бы совѣтами людей болѣе ихъ свѣдущихъ, требуютъ безусловнаго одобренія своимъ бреднямъ, и кто хочетъ быть у нихъ въ милости, или сохранить ихъ къ себѣ благорасположеніе, тотъ необходимо долженъ перевозить породу ихъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

По симъ-то причинамъ, не взирая на стараніе Атамана Графа Платова и немногихъ просвѣщенныхъ охотниковъ, публичная скачка, съ цѣлію улучшенія заводовъ, необходимая для войска, къ сожалѣнію и до сего времени на Дону не существуетъ. Бываютъ скачки между двумя, тремя приятелями, въ которыхъ приглашаемыя знатоки участвовать не хотятъ и не смѣютъ, дабы публично не обличить низкое достоинство своихъ лошадей. Жаль, очень жаль, что бесполезныя ихъ затѣи и превратныя толки очумляютъ всякое

доброе намѣреніе и вредятъ выгодамъ частнымъ и общимъ. Многіе помѣщики нѣжатъ на конюшняхъ статныхъ жеребцовъ, и не видя отъ нихъ никакой пользы, даже не взирая на уменьшеніе дохода и порчу своего табуна, непоколебимо остаются при своемъ заблужденіи и пристрастіи. Въ заключеніе сказаннаго съ прискорбіемъ должно замѣтить, что большая часть Донскихъ заводчиковъ, довольствуясь случайнымъ барышнемъ, содержатъ великое количество разнороднаго безобразія лошадей, предоставляя присмотръ и леченіе ихъ одной природѣ. Объ овцахъ и рогатомъ скотѣ еще болѣе не брегутъ.

ВИНОДѢЛІЕ И САДОВОДСТВО.

Просвѣтитель Россіи, строитель всякаго порядка и благосостоянія подданныхъ, Императоръ Петръ Великій, бывъ на Дону и замѣтя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почву, способную для произращенія винограда, выписалъ изъ Франціи лозы, мастеровъ Бургонцевъ и приказалъ насадить оныя около Цымлянской станицы. Казакамъ, еще не привыкшимъ къ хозяйственнымъ занятіямъ, разведеніе винограда казалось дико и неспоручно, однакожь не смотря на дѣло для нихъ небывалое, Донское вино находится нынѣ въ большомъ употребленіи. Такъ Петръ Алексѣевичъ умѣлъ начатое кончатъ. Винодѣльцы здѣшнія весьма плохо разумѣютъ свое дѣло, а корыстолюбивые про-

мысленники, заботясь болѣе о скорѣйшемъ сбытѣ вина, разливаютъ его по бутылкамъ, не давъ ему надлежащимъ образомъ перебродить и отстояться. По сей причинѣ, продаваемое въ Россіи Донское вино слабо, водянисто и скоро киснетъ.

Атаманъ, Графъ М. И. Платовъ, для улучшенія винодѣлія, на войсковое иждивеніе выписалъ Бургондцевъ, которые въ Раздоринской станицѣ учредили заводъ. Мастера сіи, чтобы упрочить и дать хорошій вкусъ вину, не прежде двухъ и трехъ лѣтъ выпускали его изъ своего погреба. Къ сожалѣнію, столь полезное заведеніе, по причинамъ, почти общимъ для всѣхъ казенныхъ и общественныхъ предпріятій, скоро уничтожилось. Лучшее Донское вино можно теперь найти только у хозяевъ, хранящихъ его для собственнаго употребленія; въ продажѣ его мало.

Иностранецъ не повѣритъ всему тому, что о дѣяніяхъ Петра гласитъ Исторія; но ему стоить ступить на Русскую землю и онъ уже съ нимъ встрѣтится и всему повѣритъ. Безъ суевѣрія можно сказать, что сей Великій Царь не умиралъ. Во всемъ великомъ и полезномъ, спустя сто лѣтъ, мы видимъ его руку, собственный его трудъ или совѣтъ и духъ. Протекутъ тысячелѣтія, и быть можетъ тогда подвиги его назовутъ баснословными; ибо хотя мы и въ бликомъ отъ него разстояніи, но онъ намъ кажется уже болѣе Греческаго Геркулеса. Безъ сомнѣнія память его будетъ незабвенна до тѣхъ поръ, пока единая Русская

душа будетъ существовать на земномъ шарѣ. Дѣйствительно Петръ Алексѣевичъ и въ маломъ былъ великъ и всякая мысль, по видимому простая, ничтожная, выходя изъ головы его, претворялась въ высокую и въ послѣдствіи становилась благодѣяніемъ. Такъ, во время Персидскаго похода, Императоръ, изъ дули, которую онъ кушалъ, подаль стоявшему на часахъ Казаку нѣсколько сѣмячекъ, сказавъ ему: „Пріѣдешь домой, посади, такъ и у васъ будутъ такіа дули.“ Казакъ исполнилъ приказъ Государя и въ степи, гдѣ, конечно, отъ сотворенія міра не было древеснаго хлыста, явились сады, въ коихъ и понынѣ хранится особый родъ Персидскихъ дуль, называемыхъ *Царскими*. Простые Казаки собственно еще не занимаются садоводствомъ; они болѣе пекутся о бакчахъ и огородахъ, какъ болѣе для нихъ нужныхъ. Впрочемъ помѣщики и нѣкоторые изъ зажиточныхъ Казаковъ имѣютъ сады небольшіе, не капитальные, но производящіе хорошіе плоды въ достаточномъ количествѣ для домашняго обихода. По недостатку лѣса Донской край кажется пустымъ, дикимъ; и потому-то всякому любителю природы на поверхности земли голой и открытой, при палящемъ солнцѣ отрадно найти прохладу подъ тѣнію дерева, своими руками насажденнаго.

Не смотря на неумѣнье, дешевизну и плохоту вина; Казаки многочислѣнней на Дону Нижне-Чирской станицы, получаютъ значительный доходъ.

Сады ихъ, расположенные по нагорной сторонѣ рѣки, расположены въ длину на 12 верстъ; сады Цымлянскѣй станицы простираются на 8 верстъ. Въ Черкасскомъ округѣ садовъ не много, въ другихъ только зажиточные чиновники занимаются винодѣліемъ и садоводствомъ для домашняго обихода. Плодовые сады, вообще не доставляютъ ни какихъ доходовъ.

СУДОХОДСТВО.

Рѣка Донъ очищается отъ льда иногда въ концѣ Февраля, а большею частію въ теченіе Марта. Полная вода стоитъ до половины Іюня, и до первыхъ чиселъ Іюля. Для перевоза товаровъ, употребляются на Дону слѣдующихъ названій и мѣръ барки: *Мокшаны*, *Блѣны*, *Блѣзерки* и *Коломенки*, длиною отъ 16 до 20 сажень; полубарки отъ 10 до 14 сажень. Суда сіи во время наводненія въ осадкѣ (въ грузу) бываютъ отъ 6 до 9 четвертей; а въ межень (малую воду) 3 четверти и одинъ аршинъ съ вершкомъ. *Дошанники*, мѣрою въ 7 сажень грузятся до одного аршина и до пяти четвертей; лодки отъ 5 до десяти сажень длиною грузятся отъ 5 до 8 четвертей; плоты въ полную (полную) воду въ осадкѣ бываютъ до 8 четвертей, а въ меженную 3 четверти.

Во время разлитія рѣки, суда приходятъ изъ верховыхъ станицъ Нижне и Верхне Мамаютскихъ, Донецкой, и другихъ ниже оныхъ по Дону

расположенныхъ станицъ. Изъ станицъ же, выше по Дону находящихся, также и изъ Воронежа теперь суда рѣдко и при полной водѣ отпускаются. Большая часть барокъ отходить изъ *Кагалинской* станицы, гдѣ сосредоточивается вся торговля. Малыя грузовыя суда снизу возвращаются къ Качалину не въ большомъ числѣ. Грузы, привозимые на баркахъ для распродажи въ низовыхъ станицахъ, пристають у Аксая; количество же всѣхъ вообще товаровъ, провозимыхъ далѣе, зависитъ отъ требованій за границу. Возьмемъ для примѣра 1829 годъ и покажемъ, на какую сумму въ продолженіе навигаціи сего года, доставлено товаровъ въ Аксайскую станицу и провезено далѣе въ Нахичевань и Таганрогъ.

Въ теченіе навигаціи 1829 года, въ Аксайскую станицу прибыло: 25 барокъ, 2 полубарки, 2 дощеника, 2 лодки и 47 плотовъ. На нихъ привезено разнаго лѣсу для строенія домовъ и лодокъ, деревянной посуды, разныхъ деревянныхъ издѣлій для телѣгъ и упряжи, лубковъ, дровъ, угольевъ, глиняной и другой посуды, желѣзныхъ издѣлій, и вообще всего нужнаго для Донскихъ жителей, суммою на 704,609 руб. 91 коп. Въ семь числѣ на значительнѣйшую сумму привезено товаровъ слѣдующихъ названій: *муки ржаной* 53,083 четверти на 228,499 руб.; *смолы* 59,425 пудовъ на 60,186 руб.; и *холста* 40,000 аршинъ.

Мимо Аксайской станицы прошло внизъ по рѣкѣ 111 барокъ; 8 полубарокъ; 4 дощеника; 182

лодки и 45 плота; а вверхъ къ Качалинской пристани отправлено только 11 барокъ и 4 лодки. Грузы, назначенные для Нахичевана, Таганрога, Керчи, Одессы и другихъ Россійскихъ портовъ, состояли изъ того же званія товаровъ, какіе привезены были къ Аксайской пристани, въ томъ числѣ въ Елисаветовскую станицу и селеніе Кривую Косу привезено соли Маньчской 2900 и 5945 пудовъ Крымской. Въ семь году на Успенскую въ Таганрогъ ярмонку привезено товаровъ на полтора милліона рублей, и по причинѣ съ Портою войны, продано только на 240 тысячъ рублей, въ Ростовъ же и Нахичеванъ привезено на 5,870,000 рубл. продано на 3 милліона.

СУДОСТРОЕНИЕ.

Строеніе мореходныхъ Казачьихъ судовъ весьма несовершенно. Строитель, или такимъ себя называющій, не имѣя ни малѣйшихъ свѣдѣній въ кораблестроеніи, строитъ лодку на глазомѣръ по прежнимъ образцамъ, неправильнымъ и безобразнымъ. Приходящіе изъ Россійскихъ городовъ плотники, которые прежде рубили только дрова и избы, по удивительной своей смѣтливости, строятъ лодку, никогда прежде ее не видавъ. Донскія лодки бываютъ различной величины, самыя большія, судя по наружности поднять могутъ до 200 lastовъ ^(*). Они строятся безъ палубъ, съ одною

(*) Полагая въ lastъ 68 пудъ.

или двумя мачтами, на коихъ поднимаются огромныя холстинныя паруса, на носу имѣется третій треугольный парусъ. Мачта поддерживается со сторонъ двумя парами *валтъ*; веревки, коими поднимаются паруса, удерживаютъ мачту сзади;— а якорный канатъ подъ парусами держитъ мачту спереди ^(а). Лѣсъ на строеніе употребляется безъ разбора: гнилой, тонкой и корявой; въ главныхъ скрѣпленіяхъ иногда кладутъ ветловой или осиновою, а въ ненужныхъ мѣстахъ дубовой; притомъ все снабженіе, какъ то: парусина, канаты и проч. употребляются самаго плохаго, дешеваго издѣлія.

На такой безобразной машинѣ, принявъ грузъ на значительную сумму, хозяинъ, часто безграмотный Казакъ, съ 10 или 20 мореходами, тоже съ лошади на корабликъ сей перешедшими, безъ карты и компаса пускаются въ море;— и тамъ, по истинѣ, бережетъ ихъ молитва и покровительство Св. Чудотворца Николая. Донская лодка можетъ плыть однимъ только попутнымъ вѣтромъ (*фордевиндомъ* и полнымъ *бакш-тагомъ*); при всякомъ боковомъ несетъ ее въ сторону, *лагировать* она не можетъ; а потому гдѣ глубина и грунтъ позволяетъ бросаютъ они якорь. Видя лодки сіи посреди Азовскаго моря стоящими неподвижно при самомъ благопріятномъ и умѣренномъ боковомъ вѣтрѣ, подумаешь, что онѣ, претерпѣвъ какое ли-

(а) По морскому *фалъ* служитъ вмѣсто бакштага, а якорный канатъ вмѣсто *штала*.

бо бѣдствіе, исправляются; но узнавъ настоящую сему причину, не знаешь досадовать или сожалѣть должно о сихъ ветхозавѣтныхъ, подобныхъ Финикіянамъ мореходахъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда Архангельскіе мужички строятъ прекрасныя купеческія суда и продаютъ ихъ иностранцамъ; когда неповоротливыя наши Фянины строятъ легкія *лайбы*, въ скрѣпленіе которыхъ не входитъ ни одного желѣзнаго гвоздя, видѣтъ Казаковъ съ ихъ лодками, слѣпо предающихся опасностямъ, сердце стѣсняется, воображая, сколько сихъ храбрыхъ людей должно погибнуть отъ недостатка свѣденій, давно уже другимъ извѣстныхъ и обыкновенныхъ.

Для распространенія и улучшенія мореплаванія на Азовскомъ морѣ, въ 1802 году, въ бозѣ почившій Императоръ Александръ Павловичъ, повелѣлъ строить удобнѣйшія для перевозки грузовъ суда, названныя *Каботажными*, и на строеніе оныхъ отпущены были значительныя суммы. Повелѣніе сіе, долженствовавшее обогатить Таганрогъ и Донской край, осталось безъ исполненія; во первыхъ, отъ сопротивленія Таганрогскихъ торговцевъ, почему-то видѣвшихъ въ *каботажномъ* судостроеніи подрывъ себѣ и пагубу; во вторыхъ, за недоставленіемъ корабельныхъ мастеровъ и другихъ средствъ; наконецъ отъ неохоты Казаковъ заводить чтолибо новое, нежеланіе на лучшее судно издержать болѣе денегъ; и паче всего чтобы не быть принужденными нанять

знающаго шкипера, покупать карту и компасъ и вмѣсто паклеваго, хорошій пеньковый канатъ. Казаки сами собою не могли улучшить своего судостроенія, не могли сдѣлаться *шкиперами* и *боцманами*; ибо въ сихъ званіяхъ недостаточно одного навыка и опытности, но необходимы иъ-которыя первоначальныя теоретическія и практическія мореплавательныя познанія. Не должно удивляться, что Казаки съ такимъ же равнодушіемъ смотрятъ на небо ихъ покрывающее, какъ и на иностранныя корабли, приходящіе въ Таганрогъ, не понимая, для чего на нихъ столько рей, парусовъ и снастей. Также хладнокровно смотрятъ они на прекрасныя *Требакули*, мужичками управляемыя и у насъ же въ Херсонѣ строимыя, которыя со всѣми удобствами мореходнаго суденышка, могутъ безопасно плавать въ океанахъ, ибо всѣ сіи предметы кажутся имъ премудростію, для нихъ недосыгаемою и потому излишнею.

По вышеобъясненнымъ причинамъ, строеніе каботажныхъ судовъ, не смотря на понужденія, совсѣмъ прекратилось и не сдѣлано было къ тому почти никакого начала; но съ 1826 года указъ 1802 года началъ приводится въ исполненіе и теперь собственно каботажныхъ судовъ, построенныхъ по плану и прилично снабженныхъ, считается до 500. Въ 1829 году одинъ Славянинъ изъ Далмаціи построилъ небольшой прекрасный *бригъ-полякру* съ одно-деревковыми мачтами. Весьма

могло бы быть полезнымъ, если бы по близости Таганрога или Нахичевана поселили небольшую колонию изъ Славянъ Далмацкихъ, Рагузинцевъ и Босо ди Катарцевъ, которые, почитаясь въ Средиземномъ морѣ отличными корабельными мастерами и матросами, по сходству языка могли бы доставить всѣ средства къ улучшенію нашего судостроенія на Дону, и мореплаванія на Азовскомъ морѣ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ безлѣсной сторонѣ и древо просвѣщенія, насажденное Правительствомъ, не глубокіе пустило еще корни. Въ здѣшней Войсковой Гимназіи, считается 89 учащихся, а въ 8 Уѣздныхъ и 3 Приходскихъ училищахъ всего 926 учениковъ, число, въ сравненіи съ народонаселеніемъ, весьма незначительное; ибо на каждыя 500 челоѣкъ приходится по одному только ученику, полагая въ томъ числѣ весь женскій полъ безграмотнымъ. Въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ дворянскихъ дѣтей нѣтъ; не многіе изъ благородныхъ болѣе достаточныхъ родителей отправляютъ дѣтей своихъ въ Харьковскій университетъ и Пансіоны, и кромѣ 8 юношей на войсковомъ иждивеніи воспитывающихся въ Московскомъ Университетѣ и Медико-Хирургической Академіи, прочія обучаются по домамъ, одной Русской грамотѣ. Столь малое раченіе высшаго сословія въ образованіи дѣтей своихъ,

не должно приписывать старообычливости и неувѣренности въ пользу просвѣщенія, а совершенному недостатку нужныхъ къ тому пособій, и должно признаться отчасти скупости.

Недостатокъ порядочнаго первоначальнаго ученія, на Дону, болѣе нежели гдѣ либо замѣняется такъ называемымъ просвѣщеннымъ *навыкомъ*. Нѣкоторые изъ образованныхъ мужей, получившихъ хорошее воспитаніе, замѣчаютъ, что *навычное* просвѣщеніе въ настоящее время, въ продолженіе не многихъ годовъ, сдѣлало большой шагъ и оказало значительные успѣхи. Дѣйствительно въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія, Казаки исходили Европу и вдоль и поперекъ: были въ Парижѣ и Арзерумѣ; въ Адрианополѣ и Торнео; и гдѣ ни были, вездѣ могли много насмотрѣться, и перенять что либо для себя полезное. Между простыми Казаками довольно есть грамотныхъ, а между дворянствомъ, хотя и есть малограмотные, которые не могутъ еще обойтись безъ секретаря; но много есть и такихъ, кои чтеніемъ и обращеніемъ въ лучшихъ обществахъ, сами себя образовали.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что дамы, хотя не съ большимъ Малороссійскимъ удареніемъ но очень пріятно говорятъ по Русски, и это именно потому, что въ обществахъ Французскій языкъ не употребляется. Желательно однакожъ, чтобы молодымъ людямъ, столь способнымъ и жаждущимъ науки, и особенно прекрасному полу, столь нравственному и наклонному ко всему изящному,

доставлены были способы къ лучшему образованію.

ДОХОДЫ ВОЙСКА.

Войсковые Атаманы употребляли общественную сумму такъ, что доходовъ не доставало на расходы; деньги тратились произвольно и выдавались заимообразно безъ обезпеченія. Дабы остановить всякіе беспорядки по сей части допущенные, Комитетомъ учрежденнымъ для устройства Донскаго Войска, въ 1827 году даны точныя и постоянныя правила, за исполненіемъ которыхъ поручено имѣть тщательное смотрѣніе Войсковому Прокурору отъ Правительства назначаемому. Съ сего только времени отъ всѣхъ и всякаго чина расходчиковъ начали требовать отчеты, и строгое наблюденіе за оными, вскорѣ показало слѣдствія самыя удовлетворительныя, что лучше объяснится выпискою изъ одного годоваго отчета.

Отправлено въ Сохранную казну:

Въ 1827 году	256,555 р.	
— 1828 —	102,412—	19 к.
— 1829 —	50,803—	56 —
— 1830 —	146,543—	59 $\frac{3}{4}$ —
	556,514 р.	34 $\frac{3}{4}$ к.

Въ приходѣ состояло къ 1 Января 1831 года:

Наличной суммы, оставшейся
отъ прошедшаго года 274,783 р. 26 $\frac{3}{4}$ к.

Въ Сохранной казнѣ, суммы
отчисленной изъ Войсковыхъ до-
ходовъ ежегодно по 100 тыс.
рублей на строеніе Собора. . . 289,786 р. 64 к.

Оставшихся отъ покупки про-
віанта 128,747— 52½ —

Долговъ по разнымъ предме-
тамъ. 580,064— 67½ —

Наличной суммы по питейной
части 835,340— 32 —

2,108,704 р. 42¾ к.

Въ теченіе 1831 года въ при-
ходъ поступило:

По питейной части акциза, за
проданное вино 1,089,269 р. 57¾ к.

Годовое жалованье и за бу-
дары по Указамъ Царей съ дав-
нихъ лѣтъ производимое 21,311— 60 —

Вмѣсто хлѣбнаго жалованья
по Указамъ Царей съ давнихъ
лѣтъ производимое 90,000— „ —

Съ лавокъ и мѣстъ на ярмар-
кахъ 7,810— „ —

За откупъ войсковыхъ степей^(*) 11,025— „ —

За откупъ войсковыхъ терезей 1,243— 35 —

(*) По послѣднему измѣренію въ одномъ Усть-Медвѣдицкомъ Начальствѣ,
найдено болѣе 600,000 десятинъ сихъ степей пустопорожныхъ.

За табунщиковъ Калмыковъ . . .	45,950 р. „ к.
Отъ торговаго общества ^(*) вповь учрежденнаго за коммерческія книги	4,520— „ —
Лажныхъ отъ промѣна серебряной монеты	5,458— 90 —
Съ иногородныхъ промышленниковъ, акцизныхъ съ цѣны товара, съ рубля по 10 коп.	2,759— „ —
Выручено за проданный ветхій лѣсъ, медикаменты, неспособныхъ лошадей, воловъ и проч.	565— 66½ —
За игральныя карты, порубленный войсковою лѣсъ, корчемную соль и съ Московскаго двора	853— 55½ —
Оставшихся и возвращенныхъ отъ расходовъ прошедшаго года	17,846— 26¼ —
Итого . 3,407,277 р. 33¾ к.	

Изъ сего ежегодно расходуется на жалованье Чиновникамъ, на содержаніе Гимназій, училищъ, типографій, воспитанниковъ, находящихся въ Московскомъ Университетѣ и Медико-Хирургической Академіи, госпиталей, Антеки, Ботаническаго

(*) Оное должно состоять изъ 500 кунцовъ, Казачьяго званія; но сего числа еще нѣтъ.

сада, двухъ монастырей, почты, полиціи, острога, команды находящейся на устьяхъ Дона для воспрепятствованія ловли рыбы въ запрещенныхъ мѣстахъ, на исправленіе артиллерійскаго обоза, войсковыхъ строеній и прочаго. Всего 905,046 р. 44 $\frac{1}{2}$ к.

Затѣмъ къ 1 Января 1832 года за расходомъ остается . . 2,502,230—89 $\frac{1}{4}$ —

Такимъ образомъ, при хорошемъ порядкѣ и надзорѣ, капиталъ, Донскому Войску принадлежащій, въ теченіе пяти лѣтъ увеличился въ десять разъ. Столь быстрое приращеніе капитала дастъ возможность приступить ко многимъ улучшеніямъ и конечно откроетъ другіе способы къ умноженію доходовъ отъ многихъ предметовъ, еще не тронутыхъ.

II. О КАЛМЫКАХЪ ВООБЩЕ,

И ОСОБЕННО

О КОЧУЮЩИХЪ НА ДОНСКОЙ ЗЕМЛЕ.



До сего времени мы имѣли весьма невѣрныя и сбивчивыя свѣдѣнія о Калмыкахъ, и вообще о всѣхъ племенахъ, вышедшихъ изъ Азіи. Почтенный Отецъ Іакинфъ, переводами съ Китайскаго языка, первый изъ Европейцовъ пополнилъ сей недостатокъ, и не только разрѣшилъ многія сомнительныя мѣста древней Исторіи Восточныхъ народовъ; но и познакомилъ со многими, чего мы не знали. Пользуясь его достовѣрнымъ Историческимъ обозрѣніемъ о Калмыкахъ, по совмѣстному ихъ жительству съ Казаками, и для вѣщаго поясненія Исторіи Донскаго войска, я полагаю приличнымъ помѣстить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о Калмыкахъ, приписанныхъ къ Донскому войску, и вообще о всѣхъ Калмыкахъ, кочующихъ въ предѣлахъ Кавказской области и Астраханской губерніи.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАЛМЫКОВЪ.

Калмыки, или *Калмаки*, какъ ихъ называютъ Туркестанцы, суть коренные жители *Чжуньгарии* ⁽⁴⁾, Монгольскаго племени. По указанію Китайскихъ лѣтописей въ третьемъ столѣтіи до нашей Эры, въ нынѣшнемъ Тарбагтайскомъ округѣ обитали Монголы подѣ владычествомъ дома *Хунновъ* (*Гунновъ*), а округъ Илской занятъ былъ народомъ *Сэ*, потомъ *Юэжи* и *Усунь*, одинъ за другимъ выходившихъ отъ сѣверозападной границы Китая, и вытѣснявшихъ другъ друга далѣе на западъ. Въ первомъ столѣтіи по Р. Х. *Хунны*, обитавшія въ *Халхѣ*, съ родовичами своими удалились на западъ за Алтай; но и здѣсь, тѣснимые своими непріятелями, которыхъ Китайскій Дворъ неутомимо вооружалъ на нихъ, пошли далѣе на западъ и около 577 года напали на Аланъ, Готевъ и Римлянъ. Въ исходѣ четвертаго вѣка, когда *Хунны* удивили Европейскіе народы своею лютостію, и Атила учредилъ свою столицу на берегахъ Адриатическаго моря; то отъ предѣловъ Китая, вновь пришло въ Тарбагтай, гдѣ прежде обитали *Хунны*, сильное Монгольское поколѣніе *Тулэ* ⁽⁵⁾. Сіе поколѣніе, раздѣлившись на 15 новыхъ колѣнъ, вскорѣ распространилось на востокъ до вершинъ Селенги, а на сѣверъ до рѣки Тунгузки.

(4) Чжуньгарія отъ Монгольскаго слова *Чжунь-Гарь* по выговору *жжуньхъ*, и *Цзунь-гарь* по произношенію сѣверныхъ Монголовъ, въ переводѣ значить: *восточная сторона*.

(5) *Тулэ*, въ переводѣ значить: *высокая гора*.

Въ 401 году, пришло отъ границъ Китая самое сильное и многочисленное племя *Жужань*, которое покорило Халху и Чжунгарію. Изъ сихъ переселеній, слѣдуетъ, что предками нынѣшнихъ Калмыковъ, почитать должно Монгольскія поколѣнія *Усумь*, *Тулэ* и *Жужань*; а не собственно Гунновъ, которые, какъ изъ предъидущаго видно, могутъ назваться родными братьями Калмыковъ.

Означивъ истинное происхожденіе Калмыковъ, мы умолчимъ о происшествіяхъ того великаго переворота, коего ужасная сила ниспровергла всѣ престолы Азіи, и потопила оныя въ крови защитниковъ. Славные подвиги *Чингисъ-Хана* и *Тэмурь Аксака* не относятся къ предмету, нами избранному, скажемъ только, что когда одинъ изъ потомковъ Чингисовыхъ, *Тогонь-Тэмурь*, по причинѣ междоусобія принужденъ былъ, оставя престолъ Китайской Имперіи, удалиться въ свою отчизну Монголію (въ 1367 г.), то три сильныя Чжунгарскія поколѣнія: *Чорось*, *Хошоть*, *Торготь*, и въ послѣдствіи присоединившіяся къ нимъ *Дурботь*, заключили между собою союзъ, подъ названіемъ *Ойратъ* ^(*), противу *Элютая*, занимавшаго при приѣмникѣ Тогонь-Тэмурь Ханѣ *Гольци* должность *Тайцзи* ^(†). Каждое изъ четырехъ союзныхъ колѣнъ, имѣло своего независимаго Хана, которые Хана Чороскаго дома, именуя *Ойратскимъ*, признавали

(*) Ойратъ, значить ближній, союзники.

(†) Тайцзи, по Русски переименованный въ *Тайши*, значить Князь и Верховный Леккеръ.

главою союза. Въ 1449 году, Ойратскій Хань *Эсэнь*, въ Кадганской долинѣ, въ одномъ сраженіи побилъ полмилліона Китайскихъ ратниковъ, такъ, что съ Китайской стороны не осталось въ живыхъ ни одного Полководца, ни одного Министра, всѣ потонули въ крови ратниковъ своихъ, самъ Императоръ взятъ въ плѣнъ. Съ смертію *Эсэня*, измѣннически убитаго въ 1453 году, могущество *Чжунгарскихъ Ойратовъ*, можно сказать, умерло. Съ паденіемъ *Эсэня*, *Ойраты* отказались отъ участія въ общихъ дѣлахъ цѣлаго народа, и ограничили кругъ дѣйствій своихъ предѣлами собственныхъ владѣній. По сей причинѣ внутреннія происшествія ихъ отъ *Эсэня* до *Хара-Хулы* въ продолженіе 150 лѣтъ мало извѣстны.

ЯВЛЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ НА ГРАНИЦѢ СИБИРИ.

1620 года.

Въ правленіе *Хара-Хулы* Ойраты предприняли расширить свои владѣнія, не оружіемъ, а новымъ образомъ завоеванія — *разселеніемъ*. Въ слѣдствіе сего *Гуши-Хань* пошелъ съ частію *Хошотовъ* на юго-востокъ, и занялъ земли Тангута около озера Хухонора, потомъ завладѣлъ и Тибетомъ. *Хо-Урлукъ* съ *Торготами* ^(а) обратился на западъ, и

(а) Родоначальникомъ Торготскаго поколѣнія былъ *Узукань*, отъ коего въ шестомъ колѣнѣ родился *Махаци Мунке*. Послѣ сего слѣдовалъ на престолъ

въ 1620 году распростеръ свои кочевья отъ береговъ Оби до вершинъ Тоболя. Столь нечаянное появленіе многочисленнаго народа, изумило пограничныхъ Сибирскихъ Воеводъ, которые въ продолженіе 1621 и 1622 годовъ ничего не предпринимая, старались обстоятельно развѣдать о внутреннемъ состояніи сихъ пришельцевъ, которыхъ называли *Калмаками*, Турецкимъ названіемъ сего народа. *Хо-Урлукъ*, почитая земли прежняго Кучумова Царства давнею собственностію *Элютовъ*^(а), пришелъ основать на оныхъ новое Государство, подобно какъ Гуши-Ханъ основалъ въ Хухонорѣ. *Хо-Урлукъ*, чувствуя, что при своихъ военныхъ пособіяхъ онъ не въ состояніи брать укрѣпленныхъ мѣстъ, защищаемыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, долго и постоянно хранилъ мирное расположеніе къ Россіи. Но другіе Торготскіе Князья, по обычаю кочевыхъ народовъ, для полученія подарковъ, подъ ничтожными предлогами стали учашать посольствами къ Сибирскимъ воеводамъ, даже въ Уфу, и изъявляли большое желаніе видѣть Москву. Подобными посольствами Киргизцы, Теленгуты и Урянхайцы давно уже наскучили Россійскому Двору; почему въ 1623 г. не позволено было Калмыцкимъ Посланникамъ

сынъ его, *Байго Урлукъ*, Байгоевъ сынъ былъ *Улиганъ Урлукъ*; Чолгановъ сынъ *Хо Урлукъ*, современникъ главнаго Ойротскаго Хана *Батора Хонь-Тайци*, прадеда известнаго у насъ *Аюки-Хана*.

(а) Такъ назывались по имени знаменитаго Тайци-Элютѣя, бывшаго потомъ Ханомъ Чжунгарскимъ.

посѣтитъ Москву, а приказано удовлетворить ихъ желаніямъ въ пограничныхъ Сибирскихъ городахъ. Сія мѣра чрезвычайно оскорбила Торготскихъ Князей; но они не осмѣливаясь явно обнаружить неприязнь противу Россіянъ, обратили все мщеніе на Сибирскихъ Татаръ, подавшихся Россіи. Помня право прежняго надъ ними Татарами владычества, они стали собирать съ нихъ ясакъ; грабили, разоряли, увлекали въ неволю, и постепенно, далѣе и далѣе проникали во внутренность Россійскихъ владѣній. Сибирскіе воеводы, почитая неблагоразумнымъ остановить ихъ сію силу, представили Россійскому Двору, откуда происходила сія неприязнь инородцевъ къ Россіянамъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ уважилъ сіе представленіе, и въ 1652 году снова дозволилъ укрѣпить мирныя связи съ Калмыками чрезъ взаимныя посольства.

Въ слѣдствіе сего дозволенія, нѣкто, сынъ Боярскій, былъ посланъ изъ Тюмени къ Калмыкамъ, въ качествѣ посла. *Хо-Урлукъ*, радостно и ласково принялъ давно желаннаго посла, увѣрялъ его, что онъ желаетъ жить въ дружествѣ съ Россією, и отправилъ съ нимъ въ Тюмень своихъ пословъ утвердить сіе увѣреніе клятвою. Изъ сего Посольства ясно открылось, что кромѣ желанія подарковъ, Калмыки желали у Русскихъ вымѣнивать на свой скоть необходимыя для себя вещи; и сія нужда принуждала ихъ дорожить дружествомъ Россіянъ. Не смотря на миролюбіе Хана,

Удѣльные Князья, какъ владѣльцы независимые, въ 1634 году съ 2,000 конницы напали на Русскихъ промышленниковъ, запрещая имъ брать соль изъ Ямышевскаго озера. Ободренные симъ небольшимъ успѣхомъ, *Омбо* и *Ялци*, сыновья одного изъ Удѣльныхъ Князей *Куйши-Тайцзя*, опустошили Тарской уѣздъ, и рѣшились на невозможное для нихъ — взять Тару. При сей необычайной для Калмыковъ осадѣ, понесли они большую потерю въ людяхъ, по прибытіи же помощи изъ Тобольска, Тарскіе жители вышли изъ укрѣпленія, разбили ихъ въ открытомъ полѣ, и отняли у нихъ всю добычу, полученную ими при семъ набѣгѣ. Другой отрядъ Калмыковъ, подъ начальствомъ *Далай-Тайцзя* вторгся въ Тюменской уѣздъ, и произвелъ въ немъ много убійствъ и грабежей; но остерегся, и не подступая подъ городъ, спокойно возвратился во свояси съ полною добычею. Сибирскіе воеводы, получили повелѣніе утѣшить Калмыковъ общимъ на нихъ нападеніемъ: почему, соединивъ Тобольцевъ, Тарцевъ и Тюменцовъ при Ишимѣ, въ 1635 году, выступили въ походъ; но долго блуждая въ степи, нигдѣ не могли найти ихъ.

ПОСЕЛЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ МЕЖДУ ВОЛГОЮ И ЯКОМЪ.

1636 годъ.

Торготы, изъ малоудачныхъ своихъ набѣговъ въ Сибири, увидѣли, что имъ трудно оспорить у

Россіи господство надъ Сибирью, а оставаться на границахъ оной, при недостаткѣ привольныхъ пастбищъ, было невозможно. По сей причинѣ *Хо-Урлукъ*, вознамѣрился, оставя Сибирскую границу, поселиться на степи между Яикомъ и Волгою, о положеніи коей заблаговременно собралъ нужныя свѣдѣнія. Для достиженія предположенной цѣли, еще за долго до переселенія къ Волгѣ, *Хо-Урлукъ* вступилъ въ тайную связь съ Ногайскимъ Мурзою *Султаномъ*, чрезъ котораго старался склонить и другихъ Ногайцевъ отложиться отъ Россіи. Ногайцы, вѣрные своей клятвѣ, не согласились содѣйствовать его замысламъ, и Калмыцкій Ханъ, предпринялъ оружіемъ принудить ихъ къ тому. Но какъ первое его нападеніе въ 1633 году, не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій, то онъ отъ предѣловъ Сибирскихъ двинулся къ вершинамъ Эмбы и Ора со всѣмъ своимъ кочевьемъ. Покоривъ многія племена Туркменцевъ и Чжембулукскихъ Татаръ, кочевавшихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря и за рѣкою Эмбою; покорилъ онъ своей власти и Ногайцевъ, которые въ числѣ 40,000 кибитокъ жили на степи между Яикомъ и Волгою. Такимъ образомъ намѣреніе Ойротскаго Хана *Хара-Хулы*, расширить свои владѣнія разсѣленіемъ, отчасти исполнилось. Ойротскіе владѣнія занимали всю среднюю Азію между Сибирью и Индією, Китайскими владѣніями и Волгою. Глава союза, *Баторъ - Хонъ - Тайцзи*, правилъ сѣверною Чжунгарією, на югѣ *Гуши-Ханъ* повелѣвалъ Тибетомъ; а *Хо-Урлукъ* съ 30,000 латни-

ковъ и 50,000 кибитокъ воинственнаго поколѣнія Торготовъ, достигшій предѣловъ Россіи и будучи въ связи съ *Боторъ Ханомъ*, намѣревался по видимому, итти по слѣдамъ Гуиновъ, и повторить злодѣйства Татарскихъ полчищъ, еще памятныхъ Россіянамъ. Но времена уже были не тѣ—безсмѣнныя войска, военная пограничная стража Донцовъ и огнестрѣльное оружіе, ручались за спокойствіе Европы.

ПОРАЖЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ НА АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ.
въ 1643 годѣ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, желая успокоить свое Государство продолжительнымъ миромъ, постоянно слѣдовалъ своей миролюбивой политикѣ: ничего не предпринимать, гдѣ можно что либо потерять, какъ развѣ въ крайнемъ случаѣ; а потому, и здѣсь старался выгодными предложеніями, ласкою, подарками, преклонить Калмыковъ подъ свою власть. *Хо-Урлукъ* съ своими сыновьями, *Дайиномъ* и *Илдыномъ*, ходилъ въ 1640 году съ Яика въ Чжунгарію, куда владѣтели Сѣверной Монголіи, Халкаса и Хухонора приглашены были для разсмотрѣнія, и утвержденія *Степнаго Уложенія*, составленнаго главнымъ Ойротскимъ Ханомъ *Баторомъ Хонъ-Тайцзи*. Въ 1641 году, Тобольцы и Тюменцы, намѣревались напасть на Калмыцкаго Хана, на возвратномъ его

пути изъ Чжунгаріи; но не нашли его на томъ мѣстѣ, на которомъ предполагали застать. *Хо-Урлукъ*, по возвращеніи въ новое свое независимое Государство, не думалъ о подданствѣ Россійской Державѣ. Царь истощивъ всѣ миролюбивыя средства, дабы предупредить послѣдствія отъ скопленія многочисленнаго воинственнаго народа при своихъ границахъ, повелѣлъ смирить ихъ оружіемъ и искусствомъ войскъ своихъ. Калмыки, быстрыми, внезапными своими набѣгами, причинявшіе подданнымъ Россійскимъ великій вредъ; наконецъ, въ 1643 году войсками, составившими Астраханскій гарнизонъ были разбиты на голову. На семь сраженій, *Хо-Урлукъ* съ большею частію сыновей и внуковъ погибъ, и въ слѣдъ за симъ и Улусы его были истреблены; и Калмыки, смиренные полезнымъ для нихъ страхомъ, долго не смѣли беспокоить пограничныхъ нашихъ обывателей. Симъ единымъ пораженіемъ навсегда было обезпечено спокойствіе сей страны; ибо Калмыки опытомъ убѣдились, что имъ гораздо выгоднѣе ночью, подкравшись, нечаянно что либо утащить, или, выскочивъ изъ за куста кого либо въ распахъ зарѣзать, нежели сражаться съ Русскими войсками въ открытомъ полѣ и брать ихъ укрѣпленія съ одною саблею въ рукахъ.

КАЛМЫКИ ПРИСЯГАЮТЪ НА ВѢЧНОЕ ПОДДАНСТВО
РОССІИ. 1655 года.

По смерти Хо-Урлука наслѣдовалъ ему старшій его сынъ *Шукуръ-Дайгинь*. Сей Ханъ ходилъ въ Хлассу (Ласса) для принятія благословенія отъ Далай-ламы; на возвратномъ пути изъ Тибета заѣзжалъ въ Чжунгарію, чтобъ взять съ собою внука своего *Аюку*, воспитывавшагося у Ботара-Хонь-Тайцзи, который также былъ ему дѣдъ съ матерней стороны. *Шукуръ-Дайгинь*, началъ дѣйствовать смѣлѣе отца своего: Сей Ханъ не довольствовался покореніемъ зависѣвшихъ отъ Россіи Ногайцевъ, кочевавшихъ на Яикской степи; но сталъ возмущать другихъ Татаръ, кочевавшихъ на правомъ берегу Волги, которые по наущенію Хана учинивъ разныя неистовства подъ Астраханью, Темниковымъ и другими Украинными городами, отъ страха мести бѣжали на луговую сторону и добровольно поддались Калмыкамъ. Хотя милосердый Царь еще въ 1643 году объявилъ симъ виновнымъ всепрощеніе, и приглашалъ ихъ возвратиться на прежнія кочевья; но они вмѣстѣ съ Калмыками, не преставали до 1655 года производить набѣги на Астрахань, грабили, жгли, разоряли учуги, убивали и въ плѣнъ уводили поданныхъ Россіи, Черкесь и Татаръ Ногайскихъ, Идисанскихъ и Юртовскихъ (т. е. осѣдлыхъ). *Шукуръ-Дайгинь*, зная, что разбой, учиненные его Калмыками, не останутся безъ возмездія, прибѣгнувъ къ посредству политики, свойственной кочевымъ

народамъ. По обычаю предковъ, почитая клятву и вѣрность, средствами къ полученію подарковъ, а клятвонарушеніе и вѣроломство пустыми словами, спѣшилъ чрезъ посредство Бодрина и воеводы Князя Григ. Сунчалеевича Черкаскаго исходатайствовать себѣ милость быть подданнымъ Россіи. Въ слѣдствіе сего, 1655 года, въ присутствіи Дьяка Ивана Горохова, послы Дайчиновы клялися Царю Алексю Михайловичу въ вѣрности Калмыцкаго народа, и присягнули на вѣчное подданство. Калмыцкіе Князья *Дураль*, *Серинь-Тайци* и *Чуйкуръ* присягнули за Тайцзиевъ *Дайгина*, *Лецзана*, *Сань-жаба*, *Пунгука* и *Мэргэня*, за ихъ родственниковъ и всѣхъ Улусныхъ людей, и по повелѣнію Дайчинову шертною записью обязались: 1) Быть у Русскаго Царя въ вѣчномъ послушаніи. 2) Не имѣть сношеній и связей съ непріятелями и измѣнниками Россіи и не защищать ихъ. 3) По повелѣнію Государеву ходить съ Россійскими войсками противъ непріятелей Россіи, и на войнѣ служить безъ измѣны. 4) Не грабить, не убивать и въ плѣнъ не брать Россійскихъ подданныхъ, и отъ всѣхъ прежнихъ неправдъ отстать. 5) Всѣхъ взятыхъ въ семъ 1655 году, и прежде, Русскихъ подданныхъ, выдать и съ имуществомъ ихъ яредить въ Астрахань. 6) Измѣнниковъ Татаръ, которые перешли къ Тайшамъ въ Улусы, если кто изъ нихъ пожелаетъ возвратиться въ Астрахань, отпустить безъ задержанія; и впредь всякихъ подданныхъ Россіи не переманивать, и добровольно пришедшихъ не

принимать, а отсылать обратно. 7) Посланныхъ отъ Россійскаго Правительства въ Калмыцкіе Улусы по Государевымъ дѣламъ не безчестить и отпускать безъ малѣйшаго задержанія. Сія шертная записъ, представляетъ вѣрную картину того времени, и всего бывшаго и быть долженствовавшаго; изъ ней видно, что Калмыки для обезпеченія своей лѣнливой жизни, не обязались платить ясака; для удовлетворенія же кочевой своей склонности къ хищничеству, охотно присягнули служить противъ непріятелей Царскихъ.

Отъ сего времени начинается совмѣстное служеніе, взаимные грабежи, ссоры и союзы Калмыковъ съ Донскими Казаками: не повторяя того, что было описано въ Исторіи Донскаго войска (часть I, стран. 188 и слѣд.) упомянемъ здѣсь о томъ только, что Калмыками совершено отдѣльно отъ нашихъ Донцовъ; или что мною въ актахъ Донскаго войска не отыскано.

Россійскій Дворъ, принявъ въ подданство Калмыковъ, имѣлъ въ виду найти въ нихъ сильную помощь противъ враговъ своихъ на Юго-востокъ; и Калмыки, какъ увидимъ, оправдали сію надежду. Въ 1661 году, для воздержанія Крымцевъ отъ безпрестаннаго вторженія въ наши Украйны, когда Россійскій Дворъ, въ силу первой шертной записи, потребовалъ отъ Калмыцкихъ владѣльцевъ войскъ, то *Дайгинь* чрезъ повѣренныхъ заключилъ съ Дьякомъ Ив. Гороховымъ, слѣдующій военный договоръ: “ Отправить Калмыцкое войско на

Крымскихъ Татаръ, съ Крымскимъ Ханомъ никакихъ сношеній не имѣть; плѣнниковъ Крымскихъ отправлять въ Москву, военною добычею пользоваться Калмыкамъ, а возвращенныхъ ими изъ плѣну Россіянъ, представлять въ Астрахань, или въ ближайшіе Россійскіе города; за службу же довольствоваться, чѣмъ Государь пожаловать изволить. “ Внизу сей записи *Пунгукъ Тайцзи*, сынъ и наслѣдникъ Дайчина, своеручно приписалъ Калмыцкимъ письмомъ: „а съ Донскими Казаки *Федоромъ Буданомъ* по нашему *Дайгинову* и *Пунгукову* велѣнію вѣрился родственныи нашъ человекъ *Дазанъ-Кашка*, что промышлять надъ Крымскими людьми и надъ ихъ улусы ратнымъ нашимъ Калмыцамъ съ Донскими Казаки за одно, и хитрости межъ себя никакія не чинить. “

Калмыки до того не уважали святостію договоровъ, что Россійское Правительство въ томъ же году, вынуждено было поставить съ ними новый договоръ, и обязать къ исполненію онаго особою клятвою. На сей конецъ *Пунгукъ-Тайцзи* (Дек. 9) съѣхавшись съ Бояриномъ Гр. Сунчу. Черкасскимъ на урочищѣ Берекетѣ, далъ новую шерть за отца своего Дайчина, и за всѣхъ прочихъ Калмыцкихъ Тайшей, также и за Ногайскихъ, Идисанскихъ, Ямбулакскихъ, Майлибашскихъ и Зинзилинскихъ Мурзь, и шертуя цѣловалъ Бога своего *Борхана*, *Бигикъ* (священную книгу) и четки лизалъ, и къ горлу свою саблю прикладывалъ. Въ сей записи новторены были всѣ статьи первой шерти 1655

года, и къ онымъ присовокуплено: „Съ Турецкимъ Салтаномъ, съ Кэзыль-Башскимъ (Персидскимъ) Шахомъ, съ Крымскимъ Ханомъ и Азовскимъ Беемъ никакихъ сношеній не имѣть; съ неприязненными Россіи народами не соединяться, и оружіемъ и лошадьми не ссужать, и людей въ помощь не давать, какъ прежде сего они Крымскому Хану людей въ помощь давали и лошадей ссужали.“

ПРАВЛЕНІЕ АЮКИ ХАНА.

1672—1724 г.

Сколько лѣтъ управляя Калмыками *Шукуръ-Дайгинъ*, и по немъ сынъ его *Пунгукъ*, о томъ точныхъ свѣденій не имѣемъ; ибо въ то время Россійской Дворъ не имѣлъ еще вліянія на избраніе и утвержденіе Правителей Калмыцкаго народа. Но какъ изъ грамоты на Донъ 1672 года года Ноября 5^{го}, видно, что Калмыки *Аюки-Хана* вмѣстѣ съ Донскими Казаками воевали подъ Азовымъ, то изъ сего слѣдуетъ, что *Аюка* въ семь году, или не задолго предъ симъ вступилъ въ управленіе Калмыками. Сей *Аюка*, своею службою не столько пользы, сколько склонностію къ грабежу вреда Россіи причинившій, былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Калмыцкихъ Владѣтелей, который счастливыми своими разбойными подвигами сдѣлался на берегахъ Волги и Дона знаменитымъ.

Въ 1673 году, при открывшейся съ Портою войнѣ, Правительство, желая воспользоваться замѣченною способностію новыхъ своихъ подданныхъ, страстныхъ къ добычѣ и притомъ отлично храбрыхъ, вознамѣрилось противопоставить ихъ Крымскимъ и Кумыцкимъ Татарамъ. Для исполненія сего Бояринъ и Воевода Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, лично имѣлъ переговоры съ Ханомъ *Аюки*, въ слѣдствіе коихъ Ханъ присягнулъ за себя и за весь народъ, на вѣчное подданство Царю Алексѣю Михайловичу. Но какъ сближеніе наше съ Калмыками постепенно измѣняло взаимныя отношенія, то посему въ шертной записи 1673 года, Февраля 27 дня, учиненной при рѣкѣ Соленой въ 3 верстахъ отъ Астрахани, къ статьямъ шерти 1661 года, присовокуплены еще слѣдующія: 1) Пѣнныхъ Россіянъ, какой бы націи они ни были, выдать изъ Улусовъ съ полученіемъ окупа 2) Калмыковъ, ушедшихъ въ Россійскія города, исключая принявшихъ Христіанскую вѣру, возвратитъ въ Улусы. 3) Пѣнныхъ Христіанъ, вышедшихъ изъ Бохары, Ургенча и Хивы, пропускать чрезъ Улусы въ Россію безъ задержанія; и тѣхъ, которые найдутся въ Улусахъ, отпускать въ Россійскіе города. 4) Посылать людей къ Царскому Величеству по своимъ дѣламъ въ небольшомъ числѣ. 5) Имѣть Калмыкамъ торгъ съ Россіянами и въ Москву ѣздить для продажи лошадей. 6) *Аюки* съ Калмыками и своими Татарами итти на Кумыцкихъ Владѣльцевъ, частыми набѣгами вмѣстѣ съ Дѣбскими Казаками, трево-

жить Турецкой въ Азовѣ гарнизонъ; а послѣ того, тою же весною итти войною на Крымъ съ многочисленнымъ ополченіемъ. 7) За военную службу довольствоваться ему *Аюки* съ Тайшами тою наградою, какая прислана будетъ отъ Государя опричь годовыхъ окладовъ, которые получать по прежнему. А какъ незадолго предъ симъ Калмыцкіе *Тайши Аблай* и *Дуралъ* произвели грабительство въ Россійскихъ селеніяхъ; то при настоящей шерти еще обязали Хана Аюки выдать помянутыхъ Тайшей Россійскому Правительству.

ГРАБЕЖЪ ВЪ БАШКИРИИ И ПО ВОЛГѢ.

1676 — 1682 г.

Сія новая присяга, по свойственной полудикому народу легкомысленности, при первомъ благопріятномъ случаѣ была нарушена такъ, какъ бы Калмыки и не обязывались быть вѣрными. Когда въ 1676 году Башкирскій старшина *Сеитъ* возбудилъ всю Башкирію къ бунту, названному по его имени *Сеитовскимъ*, то Ханъ Аюки, безъ всякаго повода, кромѣ страсти къ хищничеству, почти со всѣми своими Тайшами и Ногайскими Мурзами устремился на грабежъ. Въ сіе-то время, хотя Аюка и посылалъ нѣсколько своего войска на Царскую службу, самъ онъ съ большею частію своихъ латниковъ, навелъ ужасъ на сосѣдственныя съ нимъ области, кромѣ Донской земли, къ

которой онъ не касался конечно по той причинѣ, что по сосѣдству было еще что грабить. Губерніи Казанская и Уфимская и нѣсколько селеній и учуговъ по берегамъ Волги разорены, купцы и промышленники ограблены, торговля остановлена, и множество обоего пола Русскихъ, Черемисъ и Башкирцевъ уведено Калмыками въ плѣнъ. Сіе разбойничество продолжалось до 1683 года, въ которомъ съ прекращеніемъ Башкирскаго бунта и Калмыки утихли.

Дабы оградить пограничныхъ поселенъ отъ разорительныхъ набѣговъ Калмыковъ, Правительство рѣшилось взять строжайшія мѣры. Для сего въ 1683 году, *Аюки* съ прочими Тайшами призванъ въ Астрахань, гдѣ на съѣздѣ при рѣчкѣ Соленой, въ присутствіи Боярина Князя Андрея Ивановича Голицина далъ *новую* присягу на вѣчное подданство Россіи и обязался: 1) служить Его Царскому Величеству вѣрно, какъ служили Ему дѣдъ *Аюки*, *Дайгинъ*, и отецъ его *Пунгукъ*. 2) Русскихъ людей, взятыхъ въ плѣнъ въ прошлыхъ годахъ до 1682 и въ 1682, собравъ въ Улусахъ своихъ, всѣхъ представить въ Астрахань; Башкирцевъ и Черемисъ отпустить на родину. 3) Строжайше наказать и ограбить производившихъ грабежи по Волгѣ. 4) Впредь ему *Аюки* съ Тайшами отнюдь набѣговъ не производить. 5) Мятежныхъ Башкирцевъ, если явятся въ Калмыцкіе Улусы, выдавать Рѣссійскому Правительству. 6) Если изъ Крыма, или изъ иныхъ какихъ

Государствъ присланы будутъ къ Калмыцкимъ Тайшамъ Послы, или листы по какимъ-либо дѣламъ, то, о присланныхъ лицахъ доносить и письма присылать къ Россійскому Двору. Пословъ, Посланниковъ и посланныхъ обратно безъ Царскаго Указа не отпускать, а въ отвѣтъ на присланныя листы безъ Царскаго повелѣнія не писать. Если же Царскому Величеству угодно будетъ, то тѣхъ Пословъ, Посланниковъ и присланныхъ къ себѣ, съ своими посланными, препровождать въ Москву, или въ Астрахань, куда приказано будетъ Царскимъ Указомъ. 7) Кто изъ Калмыковъ добровольно пожелаетъ принять Христіанскую Вѣру, тѣхъ Тайшамъ и Улуснымъ людямъ обратно не требовать, и Государя не просить объ нихъ.

РАЗОРЕНІЕ КИРГИЗСКОЙ ОРДЫ.

1686 г.

По строгомъ и точномъ исполненіи всѣхъ статей сего договора, Калмыки усмирены были такъ, что долго послѣ сего не было шертныхъ записей, которыми бы Калмыцкіе Тайши обязывались удерживаться отъ набѣговъ въ предѣлахъ Россіи. Но это случилось конечно потому, что *Люка* нашель выгоднѣйшимъ для себя обратить свое оружіе за Яикъ на Киргизъ-Казаковъ, которыхъ безщадно ограбилъ, и сверхъ того покорилъ своей власти Маньмолакскихъ Туркменцевъ. Послѣ сихъ

подвиговъ, прославившихъ имя его въ Средней Азiи, онъ получилъ, какъ думать должно, отъ Далай-Ламы, титулъ Хана; сдѣлался надменнѣе въ обращенiи и самовластиѣ въ управленiи подданными. При Дворѣ его явились Султаны Кубанскіе, Хивинскіе и Казачьи; даже *Абуль-Хайръ*, бывшій въ послѣдствіи Ханомъ въ Меньшой Къргизской Ордѣ, въ честь себѣ ставилъ служить при его Дворѣ.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Въ продолженіе счастливой для Калмыцкаго оружія войны съ Киргизами, пришли изъ Чжунгаріи въ Россію *Черные Калмыки*, (такъ въ Россіи тогда называли независимыхъ Калмыковъ), подъ предводительствомъ своего Тайцзiя *Цаганъ-Батора*; но къ какому поколѣнію сіи пришельцы принадлежали, и въ какомъ числѣ кибитокъ пришли, подробности о семъ въ то время были упущены изъ вида. Извѣстно только, что *Цаганъ-Баторъ* и дѣти его чрезъ посольство просили въ Москвѣ о принятiи ихъ въ подданство и о дозволеніи кочевать между Волгою и Дономъ; но Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ предписалъ Князю В. В. Голицину отвести имъ для кочевки степи на Луговой сторонѣ Волги при рѣкѣ Ахтубѣ ^(*).

Степь, орошаемая Волгою и Яикомъ, представляла

(*) См. Пол. Соб. Рос. законовъ Т. II. № 1245.

Кочевымъ народамъ много удобностей для пастушеской жизни, а близкое сосѣдство богатыхъ городовъ и селеній, столько льстило ихъ хищничеству, что, еще въ правленіе *Дайгина* пришли отъ Алтая къ Волгѣ *Хонотскій Тайцзи Хуньду-иль-Убаши* съ 3000 кибитокъ; около 1670 года, въ правленіе *Пунчуково, Дорджи-Рабтанъ*, родная тетка *Аюкина* съ тремя же тысячами кибитокъ; а въ 1675 или 1674 годахъ, *Дурботскій Сономъ-Серикъ-Тайцзи* съ сыномъ *Мункэ-Тэжуромъ*, привелъ съ собою 4000 кибитокъ. Такимъ образомъ укрѣпляемые новыми пришельцами, владѣтели Волжскихъ *Калмыковъ*, признавая себя подданными Россіи, не прерывали своихъ связей съ прочими *Ойратскими* Домами въ *Чжунгаріи* и сношеній съ Китаемъ и Тибетомъ: съ первыми по родству, съ послѣднимъ по религіи, а съ Китаемъ по дѣламъ политическимъ. Россійскій Дворъ зналъ о сихъ связяхъ, и не запрещалъ имѣть такія сношенія, которыя по существу своему не имѣли соприкосновенности съ политическими отношеніями Россіи къ другимъ Государствамъ. Почитая бесполезнымъ и утомительнымъ исчислять всѣ частныя, домашнія сношенія Волжскихъ *Калмыковъ* съ *Чжунгарцами*, упоминаемъ только о тѣхъ, которые были въ связи съ важными политическими происшествіями того времени на Востокъ.

Ханъ *Аюки* выдалъ за *Цеванъ-Рабтана*, *Чороскаго* Хана, дочь свою, которую одинъ изъ братьевъ препровождалъ въ *Чжунгарію*. Въ послѣдствіи

времени самъ Аюки ѣздилъ въ Чжунгарію, и привелъ оттуда на Волгу остатки Торготскаго поколѣнія, что и принудило главу Ойратовъ Цевань-Рабтана, исключить Торготовъ изъ четвернаго союза, и замѣстить ихъ поколѣніемъ *Хойтъ*. Въ 1701 году, Аюка, по убѣжденію матери своей *Дармы Балы*, родственницы главнаго Хана, собравъ отъ разныхъ удѣловъ 15,000 кибитокъ, подъ предводительствомъ сына своего *Саньжаба*, отправилъ въ Чжунгарію. Сіе военное вспоможеніе главѣ союза, бывшаго тогда въ войнѣ съ Китайскою Имперією, по прибытіи въ Или, навсегда тамъ осталось. Пекинскій Кабинетъ, не смотря на сей знакъ добраго, родственнаго согласія, вознамѣрился поссорить тестя съ зятемъ, и вооружить единоплеменные народы другъ противъ друга. Для достиженія сей цѣли, Китайское Министерство, нагло увѣрило Хана *Аюку*, будто *Цевань-Рабтанъ* ухищренно переманилъ къ себѣ *Сань-Чжаба*, и силою оставилъ у себя приведенныя имъ 15,000 кибитокъ, а его самаго выслалъ обратно въ Россію. Хотя вымысль сей, основанный на корыстолюбіи *Аюки*, и не удался; по политическая сія сдѣла, по свойству Восточной дипломатики, длилась десять лѣтъ, и кончилась тѣмъ, что Пекинскій кабинетъ за нѣсколько не дорогихъ подарковъ, получилъ отъ Аюки подробныя свѣдѣнія о Россіи; а Аюка избавилъ своего племянника *Рабжура* отъ десятилѣтняго насильственнаго Китайскаго гостеприимства.

Изъ Донской Исторіи читатели могли замѣтить,

что Аюкины Калмыки, вѣроятно по той причинѣ, что прочіе сосѣды были уже ими разорены, съ 1693 года стали нападать на Казачьи городки, самъ Ханъ пересылался съ Крымскимъ Ханомъ, доставлялъ свѣстныхъ припасы Азовскому Бею; а Казаки съ своей стороны еще прежде 1693 года начали принимать къ себѣ Калмыковъ на вѣчное житіе, и стали тревожить набѣгами Заволжскіе Улусы. Взаимныя разоренія во время малолѣтства Царей продолжались съ ожесточеніемъ, и Казаки и Калмыки грабили на Волгѣ и на большой дорогѣ купеческіе караваны, жгли, рѣзали другъ друга, такъ что по жалобѣ Донскаго Атамана отъ Калмыковъ Казаки сидѣли какъ бы въ осадѣ, и не смѣли въ полѣ на работу выходить; но Петръ Алексѣевичъ сдѣлался единодержавнымъ, покорилъ Азовъ и наѣзники смирились. Страхъ неминуемаго наказанія, положеннаго за набѣги договоромъ 1683 года, строгія мѣры осторожности и бдительный надзоръ Воеводъ Астраханскаго и Азовскаго, а паче внимательность Правительства къ нуждамъ Калмыковъ, столь скоро ослабили въ нихъ склонность къ безпорядкамъ и расположили ихъ къ повиновенію законамъ, что когда Петръ Алексѣевичъ предпринялъ первое путешествіе въ Голландію, то Ханъ Аюка такую уже пріобрѣлъ довѣренность, что ему предпочтительно повѣрено было охраненіе юго-восточныхъ предѣловъ Россіи. По сему случаю Бояринъ Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицинъ 1697 года Юля 17, заключилъ съ Ханомъ Аюки договоръ, коимъ положено:

1°. Въ случаѣ похода противъ Бухарцевъ, Каракалпаковъ, Киргизъ-Казаконъ снабжать Хана Аюку артиллеріею. 2°. Указами предписать въ Уфу, на Яикъ и въ Донскіе городки, чтобы Казаки и Башкирцы не заводили ссоръ съ Калмыками, и запретить имъ сіе подь смертною казнію. 3°. Ежегодно давать Хану Аюки по 20 пудовъ пороха и по 10 пудовъ свинца. 4°. За каждаго Калмыка крещенаго безъ особливаго Указа, платить по 30 рублей. 5°. Бѣглыхъ Калмыковъ, какъ одинокихъ, такъ и съ семействами, впредь не принимать и не крестить; въ противномъ случаѣ также платить по 30 рублей; и 6°. Дозволить ему Хану посылать своихъ людей для добычи въ Крымъ и на Кубань; а если они, отраженные сильнѣйшимъ непріателемъ, будутъ отступать къ Русскимъ городамъ, то не отгонять ихъ, а подавать имъ помощь.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ НА ДОНЪ.

За отсутствіемъ Государя, а паче по причинѣ возникшей между Калмыками смуты, договоръ сей не былъ въ точности исполненъ. Для Калмыковъ дозволеніе ходить въ Крымъ и на Кубань за добычею было важно; но Воеводы дозволяли имъ воевать съ Татарами только тогда, когда сіи нападали на наши Украинные города. Донскіе Казаки, полюбя сосѣдей за удалство, охотно принимали къ себѣ ихъ бѣглыхъ, которые, прельщаясь вольною Казачьею жизнію, изобиліемъ и при-

вольными лугами; другіе, избѣгая наказанія за содѣянные преступленія, уходили на Донъ отъ своихъ владѣльцевъ многими семьями съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Не смотря на запрещеніе, значительное Калмыковъ на Дону приращеніе началось съ 1699 года. Въ сіе время *Бааханъ-Тайши*, негодуя на притѣсненіе *Хана-Аюки*, испросилъ у Государя позволеніе перенести свои кочевья на Донъ къ Черкаску и отправлять службу наравнѣ съ прочими Донскими Казаками. Аюка задержалъ его жену и дѣтей, три раза силою или подговоромъ уводилъ къ себѣ за Волгу его Улусныхъ людей; и хотя по повелѣнію Государя въ 1706 году отпустилъ на Донъ жену и дѣтей *Баахана Тайши*, но Улусные его люди съ *Будуганомъ*, меньшимъ его сыномъ, не прежде какъ въ 1733 возвращены на Донъ, гдѣ и навсегда остались.

Неустройства, возникшія между Калмыками въ 1701 году, увеличили число искавшихъ вступить въ службу Донскаго Войска. Старшій сынъ Аюки, *Чакдоръ-Ужаба*, поссорясь съ отцомъ за жену, и соединясь съ братьями своими *Санжабомъ* и *Гунделекомъ*, принудили отца со ста только кибитками искать спасенія и защиты въ Яикскомъ Казачьемъ городкѣ. Самъ *Чакдоръ-Ужаба* съ братьями, дабы укрыться отъ строгости Россійскаго Царя и быть въ безопасности отъ войскъ Его, перешель на лѣвый берегъ Яика. Мятежныи дѣти, оставались тамъ до того времени, пока посланный отъ

Государя Бояринъ Князь Голицинъ не примирилъ ихъ съ отцемъ. Калмыки возвратились на прежнее жительство и по прежнему подчинили себя *Аюкь Хану*.

Аюка, недовольный Воеводами Астраханскимъ и Азовскимъ, стѣсняявшихъ его самовластіе и вольные удалые его промыслы, когда Чеченцы, Кумыки и Ногайцы напали въ 1707 году на Терскихъ Казаковъ, Ханъ Аюка не прислалъ обѣщанныхъ 3000 латниковъ; а въ слѣдующемъ 1708 году, пользуясь Буловинскимъ бунтомъ на Дону, и новымъ возстаніемъ Башкировъ, отпустилъ нѣсколько партій наѣздниковъ, которые, перешедъ на правый берегъ Волги, произвели великое опустошеніе въ Губерніяхъ Пензенской и Тамбовской. Сіи лютые грабители подъ предводительствомъ *Мункэ-Тэмурэ* Тайцзи, выжгли болѣе ста селъ и деревень и въ плѣнъ увели множество людей обоего пола, которыхъ распродали въ Персію, Бохару, Хиву и на Кубань. Сей разбой вынудилъ Правительство обязать Хана *Аюки* новымъ договоромъ, заключеннымъ 1708 года Сентября 30 дня, на рѣкѣ Ахтубѣ Астраханскимъ и Казанскимъ Губернаторомъ Пет. Матв. Апраксинымъ. Симвъ договоромъ Аюка обязался: 1) Отнюдь не переходить на нагорную сторону Волги. 2) Послать на Терекъ 5000 конницы; и 3) Защищать всѣ низовые города отъ Астрахани до Казани. Наконецъ, тотъ же Бояринъ Апраксинъ у рѣчки Даниловки, 1710 г. Сент. 5 дня ^(а), обязалъ Хана дого-

(а) См. Собр. Росс. Законовъ. Т. IV. No. 2291.

воромъ, уже послѣднимъ. Кромѣ 5000 конницы, за три недѣли предъ симъ отправленныхъ противъ Башкирцевъ, отпустить на Донъ на вѣчное жительство *Мункэ Тэмура* Тайшу со всѣмъ его Улусомъ. Симъ 10,000 Калмыкамъ, принадлежавшимъ къ *Дурботскому* поколѣнію (по Русскому произношенію Дербетовой Орды), отведены кочевья по рѣкѣ Манычу.

Право, полученное Калмыками, производить набѣги на народы, тѣмъ же ремесломъ кормившихся, но не зависившихъ отъ Россіи, произвели послѣдствія, какихъ должно было ожидать. Кубанскій Султанъ *Бахты-Гирей*, въ началѣ 1715 года, нечаянно напалъ близъ Астрахани на Хана *Аюки* и захватилъ собственныя его кибитки со всѣмъ имуществомъ. Самъ *Аюки* съ семействомъ едва спасся уходомъ къ отряду Россійскихъ войскъ, которыхъ Князь Александръ Бековичъ Черкасскій вывелъ изъ Астрахани къ протоку Бохдѣ, для прикрытія Хана. Сія войска стояли въ строю, когда Кубанскіе Татары проходили мимо ихъ; и хотя Ханъ просилъ Бековича стрѣлять по нихъ; но Князь отказалъ ему въ томъ, подъ предлогомъ, что безъ Царскаго Указа не можетъ учинить сего. Злобствующій Ханъ тотчасъ придумалъ средство отмстить Бековичу. Онъ тайно извѣстилъ Хивинскаго Хана, что сей Князь подъ видомъ посольства идетъ въ Хиву съ войскомъ, и Хивинцы по сему извѣстію скрытно приготовились къ встрѣчѣ Бековича. Извѣстно, что сей воинъ со всѣмъ

отрядомъ своимъ погибъ въ Хивѣ самымъ несчастнымъ образомъ.

Вскорѣ послѣ сего Ханъ *Аюки* примирился съ *Бахты-Гиреемъ*, и въ 1717 году, когда возникъ бунтъ во владѣнiяхъ послѣдняго, то онъ посылалъ ему на помощь Калмыцкое войско подъ предводительствомъ своего сына *Чакдоръ-Джаба*. Сей полководецъ, разоривъ Улусы мятежниковъ, обратно взялъ на Волгу *Четысановъ* и *Чжанбулаковъ*, которыхъ Кубанцы въ набѣгъ 1715 года увели съ собою съ Волги. Того же 1717 года, *Бахты-Гирей* учинилъ набѣгъ на предѣлы Губернiй Пензенской и Симбирской, произвелъ тамъ великое опустошенiе въ селенiяхъ и увелъ съ собою нѣсколько тысячъ человекъ въ неволю ^(а). Когда же Начальники Волжскихъ городовъ, мимо которыхъ Кубанцы проходили, требовали отъ *Аюки* войска для защиты, то Ханъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ сдѣлать сего безъ Указа, такъ какъ нѣкогда *Бековичъ* не смѣлъ безъ Царскаго повелѣнiя стрѣлять въ Кубанскихъ Татаръ, когда они грабили *Калмыковъ* подъ Астраханью. Должно замѣтить, что при семъ набѣгѣ *Бахты-Гирей* указателями служили *Калмыки*, которыхъ *Чакдоръ-Джаба* оставилъ ему до 170 человекъ.

Въ 1723 году, по наущенiю второй жены Хана, произошло вторичное въ Калмыцкомъ народѣ воз-

(а) Дояской Атаманъ *Фроловъ* разбилъ Султана и отнял у него всю добычу. См. Ист. Д. В. Ч. I. стр. 278.

мущеніе, которое кончилось разореніемъ Улусовъ *Чакторъ-Чжабовыхъ* дѣтей *Дасанга, Бакадал* и другихъ. Въ семь же 1723 году, Государь Императоръ Петръ Великій повелѣлъ всѣхъ кочующихъ на Дону Калмыковъ оставить въ Казачьемъ званіи, а впредь никого уже не принимать. Наконецъ, знаменитый Ханъ Аюка, до глубокой старости предприимчивый, дѣятельный и отважный, не перенесъ послѣдней дѣтской неблагодарности, и на 90 году отъ рожденія скончался въ 1724 году. По умоначертанію народовъ, живущихъ грабежемъ, Калмыки лишились въ немъ великаго человѣка, и потеря сія тѣмъ чувствительнѣе была для нихъ, что ослушные его дѣти, сдѣлавшись недостойными наследовать ему, лишили народъ послѣдняго признака самобытной независимости.

ПРАВЛЕНІЕ ХАНА ЧЕРЕНЬ-ДУНДУКЪ.

1724 — 1735 г.

По смерти Хана Аюки, минуя дѣтей его и внуковъ, наименованъ и по волѣ Царскаго Величества поставленъ Намѣстникомъ Ханства Калмыцкаго *Черень-Дундукъ* ^(а), пожалованный 1731 года въ Ханы. Знатнѣйшіе между Калмыцкими владѣльцами *Дундукъ-Омбо*, принявшій Христіанскую

(а) Съ сего времени, за неимѣніемъ болѣе достоверныхъ свѣденій, заимствуемъ изъ статьи о Калмыкахъ, доставленной Офицеромъ Донскаго Войска А. К. Кузьмъ, и напечатанной въ Сѣверномъ Архивѣ 1824 въ Мартѣ.

вѣру *Петръ Тайшинъ* и прочіе внуки Аюки Хана, были весьма недовольны симъ назначеніемъ. Сіи прямые наслѣдники Ханства, бывъ подкрѣплены нѣкоторыми другими Тайшами, собрали войско, и встрѣтившись съ войсками Хана Черень-Дундукъ между Чернояромъ и Астраханью, разбили его на голову, ограбили, и всѣхъ его Улусныхъ людей, равно какъ и принадлежавшихъ его союзникамъ, забрали и по себѣ подѣлили. *Дундукъ-Омбо*, опасаясь за дерзкій свой поступокъ Царскаго гнѣва и справедливаго наказанія, ушелъ на Кубань; а Владѣлецъ *Доржи-Назаровъ* ^(а), съ сыномъ своимъ *Лубжею*, за Яикъ. Князю Борятинскому поручено было, или помирить враждующихъ, или наказать дерзновенныхъ. *Доржи* благоразумно покорился обстоятельствамъ, съ довѣренностію принялъ предложеніе именемъ Императора Всероссийскаго ему предложенное, и со всѣми находившимися при немъ людьми и имуществомъ возвратился на прежнее мѣсто жительства. *Дундукъ-Омбо*, болѣе на себя надежный, воспротивился, и потерялъ многихъ своихъ и бывшихъ съ нимъ владѣльцевъ Улусныхъ людей, которыхъ Князь Борятинской отдалъ во временное владѣніе Хану *Черень-Дундукъ*. Сей Ханъ, по видимому, недовольный распрвою Русскаго Князя, захотѣлъ самъ расчесться съ своими недругами, напалъ на *Доржи-Тайши* и отнялъ у подвластныхъ ему Калмыковъ скоть и домашній ихъ скарбъ. Несогласія снова

(а) Вѣроятно также какъ и *Петръ Тайшинъ* крещеный.

возгорѣлись, и нѣкоторые изъ владѣльцевъ, не желая лить свою кровь для выгодъ безразсуднаго Хана, опять бѣжали съ своими Улусами къ *Дундукъ-Омбо* и въ другія пограничныя мѣста.

Дундукъ-Омбо, отважный и предприимчивый, кочуя на Кубани, могъ сдѣлаться опаснымъ для Россіи, какъ по качествамъ своимъ, такъ и потому, что онъ кочевалъ на мѣстахъ скудныхъ пастбищами. Но не смотря на такую нужду, всѣ старанія Князя Борятинскаго, склонить его къ переходу къ Волгѣ, остались тщетными. Гордясь преимуществами своего ума, онъ не хотѣлъ повиноваться Хану, ниже себя родомъ и умомъ. Дабы убѣдить сего непреклоннаго кочеваго рыцаря въ выгодахъ послушанія Правительству, кроткому и притомъ сильному, вмѣсто горделиваго Боярина, посланъ былъ къ нему въ 1734 году Донской Старшина *Данило Ефремовъ*, человѣкъ вкрадчивый, льстивый, лично съ Тайшею знакомый, и что всего важнѣе: знакомый съ кочевымъ коварствомъ и нравами. Гордый *Омбо* предлагалъ Россіи, въ замѣнъ своей покорности, самыя затѣйливыя условія; но довольный уступчивостію хитраго Ефремова, постепенно, непримѣтно для себя, самъ уступилъ ему во всѣмъ, сказавъ: что дѣлаетъ то единственно изъ дружбы къ нему.

ПРАВЛЕНІЕ ДУНДУКЪ-ОМБО.

1735 г.

Возвратясь со всѣми своими подданными на прежнее кочевье, *Дундукъ-Омбо* въ 1735 году пожаловашь Намѣстникомъ Ханства; а Ханъ *Черень-Дундукъ*, за слабое управленіе и допущенные имъ безпорядки, былъ отрѣшенъ. Такимъ образомъ власть Хановъ была ограничена, самоуправство смягчено и переходъ отъ дикой вольности къ совершенной подчиненности произошелъ безъ потрясеній, безъ пролитія крови и безъ дальнихъ разсужденій.

Въ то время, какъ Старшина *Ефремовъ* убѣждалъ *Дундукъ-Омбо* перейти къ Волгѣ, зять его *Гунга-Даржи*, сынъ *Дурботоваго* владѣльца *Четери*, съ 2000 Калмыцкихъ наѣзтниковъ, перешлыъ Донъ, нечаяннымъ нападеніемъ схватилъ 76 кибитокъ близъ самаго *Черкаска* кочевавшихъ, забралъ въ плѣнъ въ разныхъ станицахъ 246 Донскихъ Казаковъ, и собравъ болѣе 18 тысячъ разнаго скота, безъ потери, и съ богатою добычею ушелъ за Турецкую границу. Изъ крѣпости *Свѣтлыя Анны*, и изъ *Черкаска* посланы были въ погоню 1000 человекъ, но въ сборѣ запоздали и враговъ догнать не могли. Хотя при замиреніи все забранное было возвращено, но этотъ набѣгъ доказываетъ, что Калмыки едва ли не превосходили нашихъ Донцовъ въ искусствѣ разорять своихъ сосѣдей; ибо по толкованію всѣхъ *охотни-*

ковъ до жураго, украсть и уйти не бывъ пойманнымъ, почитается превъше всякаго знанія, всякой славы.

Въ 1736 году, *Дундукъ-Омбо* съ 25,000 Калмыковъ и Донскихъ Казаковъ, вмѣстѣ съ лихимъ походнымъ Атаманомъ Краснощокowymъ и пріятелемъ своимъ Старшиною Ефремовымъ, по Высочайшему повелѣнію ходилъ войною на Кубань; и тамъ противу удалыхъ Черкесовъ и нашихъ бѣглецовъ *Некрасовцовъ*, отличился такимъ проворствомъ и сметливостію ^(*), что въ Петербургѣ всѣ наши Нѣмецкіе учителя не могли опомниться отъ удивленія; и Дворъ, не смотря на уваженіе къ ученой тактикѣ Фельдмаршала Миниха, не могъ не замѣтить его неповоротливости, не могъ не отдать преимущества распоряженіямъ полудикаго, природою образованнаго Князя степей. За сію службу и подвигъ изумительной въ отношеніи быстроты, расчета маршей и отважности, *Дундукъ-Омбо* кромѣ другихъ наградъ пожалованъ Ханомъ.

Въ продолженіе вышеописанныхъ несогласій, смуть и внутреннихъ мятежей, происходившихъ между Калмыками, число ихъ на Дону непрерывно умножалось. Правительство Донское, дорожа ихъ приходомъ, въ 1736 году исходатайствовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣхъ Калмыковъ, зашедшихъ на Донъ во время мятежей, оставить навсегда при Войскѣ Донскомъ.

(*) См. Ист. Дон. Войска Ч. II. стр. 12.

ПРАВЛЕНИЕ ДУНДУКЪ-ДАШЕ.

1742 г.

Калмыцкіе владѣльцы, сими переселеніями раззоряемые, не могли быть довольны распоряженіемъ, въ 1736 году имъ объявленнымъ; они противились тому упорно и взаимныя нападенія, разбои и грабежи продолжались съ ожесточеніемъ. Огорченные Тайши не хотѣли безъ спора и драки уступить своей собственности; Казаки почитали долгомъ защищать пришедшихъ къ нимъ для вольной жизни и совмѣстной службы. Дабы остановить сіи гибельные для обѣихъ сторонъ безпорядки, намѣстникъ Ханства *Дундукъ-Даше*, въ 1742 году отправился въ С. Петербургъ, для испрошенія, что бы всѣхъ ушедшихъ на Донъ и Яикъ Калмыковъ съ 1731 года, повелѣно было возвратити на прежнія мѣста. Удовлетвореніе по сему прошенію, предоставлено было обыкновенному судебному порядку, и между тѣмъ, какъ забираемы были чрезъ мѣстныхъ начальства надлежащія *справки*, разбои и набѣги приводили въ ужасъ мирныхъ жителей, рѣзня продолжалась, неудовольствіе росло. Процессъ длился 12 лѣтъ, въ теченіе коихъ Калмыцкіе Князья, не смотря на строгое запрещеніе своего Правительства и храброе сопротивленіе Донскаго войска, успѣли многихъ изъ своихъ бѣглецовъ, однихъ силою, другихъ ласковымъ убѣжденіемъ, возвратити въ свои Улусы. Наконецъ, въ 1753 году, на про-

пеніе Хана *Дундукъ-Даше* послѣдовало рѣшеніе, коимъ повелѣно: „Согласно указа 1736 года, всѣхъ зашедшихъ на Донъ Калмыковъ, какъ находящихся въ дѣйствительной военной службѣ, и отправляющихъ оную наравнѣ съ Донскими Казаками, оставить при Войскѣ. Ушедшихъ же съ Дону въ Калмыцкіе Улусы, возвратитъ на Донъ обратно; если же Калмыцкіе Тайши сихъ ушедшихъ или сведенныхъ, добровольно не выдадутъ, и въ послѣдствіи найдутся въ ихъ Улусахъ такіе Калмыки, которые откочевали на Донъ до 1736 года, то войску Донскому позволено будетъ учинить *баранту*, то есть, взять силою столько Калмыковъ, сколько отъ Казаковъ бѣжало къ владѣльцамъ. Тѣхъ же, кои пришли на Донъ послѣ 1736 года, Казаки должны безъ утайки возвратитъ ихъ владѣльцамъ. А дабы побѣги на будущее время совершенно прекратитъ, то Калмыкамъ, ѣдущимъ изъ улусовъ на Донъ, получать пашпорты за подписаніемъ Хана или его намѣстника; а живущимъ на Дону и желающимъ по дѣламъ своимъ ѣхать въ Ханскіе Улусы, брать пашпорты за подписаніемъ Войсковаго Атамана. Если же и за симъ кто либо изъ Калмыковъ явится безъ таковыхъ пашпортовъ на Дону, или въ Улусахъ Ханскихъ, у таковыхъ, по отобраніи лошадей и всего имущества, какое съ нимъ будетъ найдено, отсылать за карауломъ на прежнія мѣста.“

Во исполненіе сего указа, въ 1754 году присланному отъ Хана *Дундукъ-Даше*, повѣренному

сдано Торгоутовъ и Дербетовъ 366 кибитокъ, въ коихъ считалось мужскаго и женскаго пола 1515 душъ. Сею рѣшительною мѣрою переходы Калмыковъ совершенно остановлены, дѣла о бѣжавшихъ Калмыкахъ кончились, и въ войсковыхъ дѣлахъ упоминается только о тѣхъ, кои по прошеніямъ Войсковыхъ Атамановъ высшимъ Правительствомъ были причисляемы къ Войску; но таковыхъ вновь поселяемыхъ на Дону было весьма не много.

Въ 1758 году, по покореніи Чжуньгарскихъ *Элотовъ* Китайцами, и по окончательномъ уничтоженіи союза *Ойратовъ*, *Шерынь Тайцзи* съ 10,000 кибитокъ, оставя свое отечество, прибылъ къ берегамъ Волги, гдѣ и поселился между своими родичами.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ КИТАЙ И НА ДОНЪ.

Къ числу знаменитѣйшихъ происшествій Калмыцкаго народа принадлежитъ уходъ ихъ съ Ханомъ *Убашею* въ 1771 году, въ числѣ 70,000 кибитокъ къ предѣламъ Китайской Имперіи на прежнее мѣсто жительства въ Илсскій Округъ; потомъ откочеваніе большаго Дербетова Улуса изъ степей Астраханской губерніи на земли войска Донскаго, случившееся въ 1788 году. Недостатокъ пастбищныхъ мѣстъ, частые споры и драки, а можетъ быть и умысленныя обиды и притѣсненія, претерпѣваемые ими отъ Донскихъ

Казаковъ , принудили ихъ въ 1794 году отойти опять за Волгу, гдѣ по Высочайшему повелѣнію отведены имъ были подъ кочевье земли. И здѣсь недовольные притязательными распоряженіями мѣстнаго начальства, они опять пришли на землю войска Донскаго ; и, согласно желанію ихъ, по Имянному повелѣнію , состоявшемуся 1798 года Августа 30 дня, были причислены съ владѣльцемъ ихъ *Экремъ - Хонгуковымъ* къ войску Донскому, для отправленія службы наравнѣ съ Казаками.

Въ 1799 году, по Высочайшему повелѣнію, даному на имя Войсковаго Атамана, Генерала отъ Кавалеріи Орлова 1^{го}, въ Дербетовой ордѣ учреждено было правленіе, состоявшее изъ одного Генералъ-Маіора, одного Штабъ-Офицера и самаго владѣльца Дербетовой Орды. Правленію сему предписано : 1) Сдѣлать поголовную перепись всемъ Калмыкамъ, съ назначеніемъ каждому лѣтъ. 2) Раздѣлить на части и опредѣлить къ онымъ начальниковъ изъ Калмыковъ. 3) Наблюдать между ими порядокъ и благоустройство, рѣшать ихъ ссоры и проч. 4) Правленію сему быть подъ распоряженіемъ Войсковой канцеларіи. 5) Два опредѣленные чиновника должны имѣть смотрѣніе за поведеніемъ владѣльца и Калмыковъ.

ПЕРЕХОДЪ БОЛЬШОЙ ДЕРБЕТОВОЙ ОРДЫ СЪ ДОНА
ЗА ВОЛГУ.

1800 годъ.

При первомъ приступѣ къ выполнению сей Высочайшей воли, встрѣтились препятствія странныя, неожиданныя. При всей доброй волѣ, исполненіе первой статьи утомило и чиновниковъ и Калмыковъ; ибо большая часть послѣднихъ не знали сколько кому отъ роду лѣтъ; Казаки же, не зная по Монгольски переименовали Калмычьи имена и прозвища по своему такъ, что перепись пришлось бросить въ огонь. По Калмычьему понятію лучше ограбить и убить, нежели принуждать чело-вѣка стоять на вѣчной стражѣ для соблюденія благоустроенія и порядка, пастухамъ едва ли нуж-наго. Народу безпечному, и лѣнивому, праздность и скитаніе предпочитающему всякому другому зем-ному благу, вводимый порядокъ крайне не по-правился. Новость сія показалась Калмыкамъ не токмо оскорбленіемъ, но даже тяжкимъ притѣс-неніемъ. А какъ къ тому, Донскіе чиновники, вмѣ-сто возможнаго снисхожденія, изъ усердія къ службѣ хотѣли въ точности исполнить данное имъ порученіе, то по симъ причинамъ, главный изъ духовныхъ особъ, *Сабанъ Бакша*, ушелъ съ своимъ *Хуруломъ* и со всѣми *Шабинерами* (под-властные монастырю Калмыки) въ Астраханскую степь. Сему примѣру послѣдовали и нѣкоторые владѣтели, которымъ вводимый порядокъ надобъль скорѣе другихъ. Побѣги продолжались безпре-

рывно, такъ что Калмычье Правительство, учрежденное отъ Войска Донскаго, не могло остановить ихъ, и увидѣло наконецъ, что вскорѣ не для кого будетъ хлопотать о порядкѣ. О сихъ обстоятельствахъ было доведено до свѣденія Государя Императора, отъ Коего въ 1800 году Юня 13^{го} дня, поручено Астраханскому Губернатору Генерал-Лейтенанту Кнорингу 2^{му}, слѣдующее : „ Если Калмыки не согласятся возвратиться на прежнее свое кочевье, то оставить ихъ въ маломъ Дербетѣ, ибо для Государства никакой разницы не дѣлается, кочуютъ ли они на маломъ, или на большомъ Дербетѣ, лишь бы не выходили изъ Нашихъ границъ. “

По обнародованіи сей Высочайшей воли, весь большой Дербетовый улусъ откочевалъ въ степь Астраханскую. Такимъ образомъ, Донское войско лишилось 9,457 добрыхъ конниковъ, храбростию отличныхъ, къ службѣ всегда готовыхъ и ревностныхъ, и какъ необходимыхъ для хозяевъ пастуховъ и коноваловъ войску весьма полезныхъ. О нихъ-то знаменитый Атаманъ Фроль Миняевъ, въ отпискѣ къ Царю сказалъ : „ *Куда же мы вмѣстѣ съ ними (Калмыками) поидемъ, они будутъ наши крыль и бодрость, а непріятелемъ страхъ и досада.* “

О КАЛМЫКАХЪ ВООБЩЕ.

Политическое образованіе Государства изъ четырехъ Монгольскихъ поколѣній, соединившихся

союзомъ, подъ названіемъ *четырехъ Ойратовъ* извѣстныхъ, было весьма не прочно. Хотя верховная власть по наружности и сосредоточивалась въ одномъ лицѣ *Чороскаго* Хана, но сей повелитель, въ дѣлахъ относившихся до всего народа союзомъ соединеннаго, не могъ ничего важнаго предпринять безъ согласія прочихъ трехъ Хановъ и высшаго Духовенства. Всѣ четыре Хана управляли своимъ отдѣльнымъ поколѣніемъ не зависимо, и каждый удѣльный Князь управлялъ своимъ участкомъ, также независимо. Эта Феодальная управа, нетерпѣвшая единодержавія, раздѣленіемъ ослабляла силы Государственного тѣла такъ, что при малѣйшей ссорѣ, неудачной войнѣ, могущественнѣйшіе народы исчезали одни за другими; одно только славное ихъ имя сохранено Исторіею. Такъ погибли Скифы, Гунны, Авары, и по той же самой причинѣ сильные *Ойраты* исчезли съ лица земли, и уже забыты — потому что мало зла людямъ учинили.

Волжскіе наши Калмыки, какъ и всѣ кочевые народы, не знающіе ни земледѣлія, ни ремесль, и живущіе однимъ скотоводствомъ, не имѣли никакой законной управы; судопроизводство совершалось у нихъ словесно. Принятые обычаи служили закономъ при рѣшеніи дѣлъ, и сіи обычаи напослѣдокъ изложены въ *Степномъ Уложеніи*, изданномъ въ 1640 году. Въ семъ Уложеніи, какъ въ зеркалѣ, отражается кочевая нравственность; въ немъ ясно изображаются обычаи, образъ мыслей,

способы жизни и степень просвѣщенія Монгольскаго народа.

Смертная казнь опредѣлена въ двухъ только случаяхъ: 1) Кто оставитъ своего владѣтеля во время битвы, того убить и ограбить. 2) Кто усмотритъ приближеніе сильнаго непріятеля, и о томъ не увѣдомитъ другихъ, того со всѣмъ семействомъ также раззорить и умертвить.

Телесныя наказанія, лишеніе чести, невольничество и ссылка вовсе исключены; вмѣсто сего введено взысканіе скотомъ въ пользу обиженной стороны. Наказаніе по военной части и за воровство тяжелѣе прочихъ.

Отцеубійство наказывается лишеніемъ жены, дѣтей и всего имущества. А если отецъ убьетъ сына, то лишается только всего имѣнія.

О вѣроисповѣданіи, училищахъ и наградахъ за добродѣтели ни слова не сказано; а за обиды, нанесенныя духовнымъ лицамъ, положено двойное наказаніе противу прочихъ. Замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ законовъ *Степнаго Уложенія*, есть постановленіе, чтобы въ каждый годъ сорокъ юртъ сдѣлали себѣ двой лать, такъ, что бы по истеченіи 20 лѣтъ, каждая юрта имѣла полную броню. Впрочемъ, не смотря на простоту степныхъ законовъ, мѣра преступленій опредѣляется въ нихъ обстоятельствами, умышленностию и неумышленностию.

Не смотря на то, что Монголы около осьми

столѣтій имѣють собственное письмо, и Духовенство ихъ занималось Астрономією, Медициною и Живописью, весьма впрочемъ несовершеннымъ образомъ, весь народъ вообще не имѣеть еще никакого понятія о наукахъ, Художествахъ и ремеслахъ. Великій ихъ законодатель *Баторъ-Хонь-Тайцзи*, творецъ Степнаго Уложенія, имѣлъ столь малое образованіе, что всѣ его великія дѣла ограничались построеніемъ для себя небольшой крѣпостцы, и въ небольшихъ опытахъ земледѣлія. Сынъ его, *Галданъ-Бошокту* образовавшійся въ Хлассѣ, хотя имѣлъ высшія соображенія; но, не находя возможности превратить своихъ подданныхъ въ земледѣльческій народъ, завоевалъ восточный Туркестанъ, только для того что бы получать оттуда хлѣбъ и ткани, — два предмета, по которымъ народъ его находился въ зависимости отъ Китая. Сей Государь ввелъ въ употребленіе собственную мѣдную монету.

Калмыцкіе Хань, вели такую же пастушескую жизнь и жили въ такой же кибиткѣ, какъ и самый бѣдный изъ ихъ подданныхъ, они кушали изъ такихъ же деревянныхъ корытъ; и славный ихъ *Баторъ-Хонь-Тайцзи*, въ 1635 году, при сношеніяхъ съ Воеводами Сибирскими, просилъ подарить ему, какъ вещи чрезвычайно дорогой и дивной: непроницаемаго пулями панцыря, винтовки, десять свиней, двѣ Индѣйки и десять постельныхъ собачекъ. Сіе невѣжество, сія простота, безпечность и праздность, содѣлывали Ойратовъ,

также какъ и нашихъ Приволжскихъ Калмыковъ, до совершеннаго ихъ подданства Китаю и Россіи, склонными къ хищничеству, попрошайству; корыстолюбивыми, легкомысленными, лукавыми, вѣроломными.

Волжскіе Калмыки раздѣлялись для внутренняго управленія на *Аймаки*, Аймаки на *Цзайсаны*; *Шабинерами* назывались подвластные монастырю Калмыки. По состоянію же, раздѣлялись они на военныхъ и духовныхъ. Первое изъ нихъ раздѣлялось на дворянъ и податныхъ, которые платили небольшой оброкъ своимъ владѣльцамъ. Ханъ довольствовался доходомъ отъ своего удѣла; Государство не имѣло общественной казны, и потому у всѣхъ Монгольскихъ поколѣній не было ни одного общественнаго заведенія.

О КАЛМЫКАХЪ, ПРИПИСАННЫХЪ КЪ ДОНСКОМУ
ВОЙСКУ.

Калмыки, приписанные къ Донскому войску, кочуютъ на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ по рѣкамъ Салу, Куберсъ, Гасицнамъ, Манычу до устья большаго Егорлыка, по Кагальнику, Ельбузѣ и рѣчкѣ Эй. Донскіе Калмыки дѣлятся на *Улусы*, Улусы на *Сотни*, Сотни на *Хутуны*. Улусовъ считается три: *Верхній*, *Средній* и *Нижній*; Верхній Улусъ состоитъ изъ *четырехъ Сотенъ*, Средній изъ *двухъ*, а Нижній изъ *четырехъ Сотенъ*. Кромѣ сихъ есть

еще особья три Сотни, подъ названіемъ: *Верхняя Тараникова*, *Нижняя Тараникова* и *Бялева*. Къ каждой сотнѣ приписано отъ 10 до 15 *Хутуновъ*, а въ каждомъ Хутунѣ считается отъ 10 до 25 *кибитокъ* или семействъ.

Улусы удерживаютъ одно только древнее названіе: въ нихъ нѣтъ никакой власти, которая управляла бы принадлежащими къ нему Сотнями. Напротивъ, каждая Сотня отдѣльно управляется своимъ *Сотникомъ*, избираемымъ по общему согласію всѣхъ Калмыковъ, къ той Сотнѣ приписанныхъ; въ помощь ему дается *Пятидесятникъ*, также какъ и Сотникъ избираемый. Сотникъ наблюдаетъ очередь при командированій Калмыковъ на службу, прекращаетъ споры и драки, между ими случающіеся. Для разбора тяжёбныхъ дѣлъ, въ каждой сотнѣ избираютъ изъ среды себя *Судей*, честнаго поведенія, которые и рѣшаютъ дѣла судомъ словеснымъ, руководствуясь старыми обычаями и *Степнымъ Уложеніемъ*.

Всѣ сотни состоятъ подъ главнымъ управленіемъ чиновника, назначаемаго *Войсковымъ Атаманомъ*, который называется *Приставомъ* надъ Калмыками.

Калмыки слѣдуютъ *Буддическому* исповѣданію, у нихъ *Далай-Лама* то же, что у Католиковъ Папа. Донскіе Калмыки имѣютъ своего *Ламу*, другіе ихъ священнослужители называются: *Бакшы*, *Гилжонъ* и *Гшчули*. Духовенство Калмыцкое знаетъ свою грамоту, и по навыку, или по наслышкѣ охотно

занимается леченіемъ больныхъ, которыхъ, впрочемъ весьма небольшое число достается въ ихъ руки. Оно постоянное имѣетъ сношеніе съ Тибетомъ, и получаетъ изъ города Лассы, Священные книги, четки, лекарства, ноты, рѣзныя кумиры и утварь для своихъ *Хуруловъ*, такъ называются войлочные палатки, въ коихъ отправляютъ они свое богослуженіе. Безобразные идолы и оглушающая церковная музыка Калмыковъ, для зрѣнія и слуха ужасны. Музыкальные ихъ инструменты состоятъ изъ барабановъ, или лучше, лупкошекъ, изъ нѣчто похожаго на литавры, тарелки, колокола; трубы же, или рога столь огромны, что нѣсколько человѣкъ держать ихъ на плечахъ при играніи. Надобно имѣть Калмыцкій вкусъ и Калмыцкія уши, чтобы выдержать такую гармонику.

Подвижные дома Калмыковъ, называемые *кибитками*, при небольшемъ улучшеніи, могутъ быть удобнѣе всякой лагерной палатки. Устроеніе ихъ состоитъ изъ тонкихъ деревянныхъ рѣшетокъ и жердей, покрываемыхъ войлоками, и обставляемыхъ *саканами*, или цѣновками, изъ камыша и травы дѣлаемыми. Наружный видъ кибитки представляетъ невысокій цилиндръ, сверху покрытый конусомъ. Кибитка имѣетъ только одну дверь, для входа и для свѣта; а на вершинѣ конуса отверстіе для выхода дыма. Устроеніе ихъ такъ немногосложно, что Калмыкъ менѣе нежели въ полчаса, можетъ домъ свой снять, уложить на

двуколесную свою *арбу* (телегу) или на вьюкъ , и опять поставить.

Калмыки, причисленные къ Донскому войску, питаются однимъ мясомъ и молокомъ , пребывая всегда на открытомъ воздухѣ , и проводя время въ совершенной почти праздности, наслаждаются завиднымъ здоровьемъ. За всѣмъ тѣмъ, хотя между ими и есть по силѣ чудные богатыри, но не многіе изъ нихъ достигаютъ глубокой старости; ибо, подобно Гуннамъ, ѣдятъ всякую мертвечину, пьютъ много *кумиса* и отъемной Русской сивушки, а въ работахъ, укрѣпляющихъ силы здороваго человѣка, совсѣмъ не упражняются. Кромѣ войлоковъ и самаго грубаго издѣлія, для кочеваго обихода потребнаго, не знаютъ они никакого рукодѣлья: Промышленность ихъ ограничивается мѣною скота, продажею лошадей, чего слишкомъ достаточно для содержанія ихъ семействъ, даже съ нѣкоторою для ихъ быта роскошю. По описанію, Калмыки очень походятъ на Гунновъ и отчасти на Китайцовъ: глаза имѣютъ малые, волосы какъ смоль черные, ротъ большой, носъ маленькій, сплюснутый, скулы выдавшіеся, цвѣтъ лица желто-оливковый; росту малаго, широкоплечи, нескладны. По наружности они задумчивы, и когда находятся въ спокойномъ расположеніи духа, кажутся неповоротливыми; но отъ природы умомъ не обижены, въ дѣлахъ смѣливы, въ сраженіяхъ храбры и предприимчивы, и въ прісмотрѣ за скотомъ такъ искусны, что всѣ Донскіе заводчики

безъ Калмыцкихъ табунщиковъ и пастуховъ обойтись не могутъ; и не смотря на то, что за этихъ пастуховъ вносится въ войсковую казну по 140 рублей ежегодно, кромѣ особенной условной имъ платы, они предпочитаютъ всѣмъ другимъ. По образу жизни, походной, скитающейся, въ которой не примѣтно и первыхъ началъ гражданскаго образованія, полу-дикой сей народъ имѣетъ свои добродѣтели. Честность и праводушіе суть тѣ почтенныя качества, за которые Казаки уважаютъ ихъ и весьма дорожатъ ихъ товариществомъ. Нравы Калмыковъ нынѣ совершенно измѣнились: По кочевому умоначертанію, они могутъ теперь называться самымъ лѣнивымъ самымъ счастливымъ народомъ на земномъ шарѣ, и притомъ самымъ мирнымъ, послушнымъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ инородныхъ (кромѣ Казанскихъ Татаръ) подданныхъ Имперіи Россійской. Калмычки, въ противоположность мужчинамъ, очень трудолюбивы; но при отвратительномъ безобразіи, ужасно неопрятны. Онѣ служатъ мужьямъ своимъ какъ невольницы, къ чему женскій полъ обрѣченъ у всѣхъ непросвѣщенныхъ народовъ. Дѣти ихъ до 14 лѣтняго возраста, подобно Цыганамъ, но только лѣтомъ, бѣгаютъ по степи и вокругъ своихъ кибитокъ нагія.

III. СТАРИННЫЕ ОБЫЧАИ.

РЫЦАРСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВ^(а).

Въ первомъ періодѣ историческаго существованія *казахства вольнаго, безстрашнаго*, до возшествія на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, Донцы вели жизнь рыцарскую, полудикую, почти кочевую; земледѣлія они не знали, хозяйствомъ не занимались, питались рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ, набѣгахъ и грабежѣ; и дѣйствуя подобно партизанамъ, всю жизнь проводили подъ открытымъ небомъ на бивакахъ.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣки Аксаи до границъ нынѣшней Воронежской Губерніи, въ глуши лѣсовъ, между болотъ были разсѣяны небольшія Казачьи городки. Они состояли изъ шалашей и землянокъ наскоро построенныхъ; ихъ обносили плетнемъ, обвѣшаннымъ терномъ съ присыпнымъ

(а) Все относящееся до Донскаго быта замѣтую изъ свѣдѣній доставленныхъ мнѣ Г. Кирсановымъ, изъ сочиненія Г. Сухорукова, напечатаннаго въ Русской старинѣ; изъ старинной книги: Описаніе Дона и канала, предполагаемаго для соединенія Волги съ Дономъ, съ картою, изданіемъ Его Царскаго Величества напечатанной въ Амстердамѣ въ 1703 году. Соч. Вице-Адмирала Крюйса; и отчасти изъ преданій еще свѣжихъ, близкихъ къ намъ происшествій, рассказанныхъ мнѣ стариками.

валомъ. Такія укрѣжденія были достаточны для отраженія нападеній небольшихъ конныхъ отрядовъ. Казаки не заботились о красотѣ и удобности землянокъ своихъ, дабы, какъ говаривали ихъ праѣды, *не игралъ на нихъ глазъ вражескій*; и при нашествіи сильнаго врага оставляли ихъ безъ сожалѣнія. „Пускай, говорили они, бусурманы жгутъ городки наши, мы въ недѣлю выстроимъ новые; и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы возобновлять ихъ.“

Съ весны, нѣкоторая часть Казаковъ, изъ всѣхъ городковъ собиралась въ Раздорахъ, а потомъ въ Черкасскѣ. Во все лѣто до глубокой осени располагались они близъ города станомъ и составляли такъ называемое *главное войско*. Отсюда, по общему совѣту, отправлялись во всѣ стороны небольшіе отряды для поисковъ. Въ семь воинскомъ станѣ наблюдалась самая строгая воинская осторожность; двойная цѣпь пикетовъ, и дальнихъ конныхъ разъѣздовъ охраняли войско, которое всегда было готово, какъ для нападенія, такъ и для отраженія. Мѣстное положеніе Черкасска, затопляемаго вѣшнею водою и въ послѣдствіи обнесеннаго землянымъ валомъ вооруженнымъ пушками, представляло непреодолимый оплотъ отъ покушеній непріятельской конницы, не имѣвшей артиллеріи.

Въ семь *главномъ войскѣ* кипѣла вѣчная дѣятельность: при первой вѣсти о вторженіи непріятеля въ предѣлы Донской земли, или въ Украину

Войскою или Походный Атаманъ, съ нѣсколькими сотнями отважныхъ наѣздниковъ немедленно устремлялся въ тылъ врагу, сторожилъ его на перевозахъ, при бродахъ, или скрываясь въ скрытыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, на возвратномъ его пути, внезапнымъ натискомъ, отбивалъ у него добычу и плѣнниковъ. Вместе съ выступленіемъ главнаго войска, нѣсколько отрядовъ отъ 50 до 200 человекъ вихремъ неслись въ Тавриду, къ Ногаямъ, или подъ Азовъ. Украдкою, цѣликомъ чрезъ степь, направляясь по звѣздамъ и по солнцу, всегда почти ночью, или во время бури и суроваго ненастья, нападали они въ располхъ на своихъ противниковъ. Пользуясь ихъ смятеніемъ, Казаки быстро протекали Улусы музульманскіе, громили, жгли, грабили все, что попадалось имъ подъ руку, и прежде нежели уstraшенный врагъ могъ опомниться и собраться для отраженія, удалые молодцы отмстивъ имъ сторицею, возвращались въ войско съ табунами коней и прелѣстными плѣнницами.

Въ проворствѣ, ловкости и во всѣхъ воинскихъ хитростяхъ, употребляемыхъ при наѣздахъ, Казаки далеко превосходили, столь же дерзкихъ, храбрыхъ и неутомимыхъ своихъ соперниковъ. Вообще въ этихъ поискахъ, какъ говорится, *Казакъ шель въ травѣ съ травою ровень*: высокій ковыль, кустарникъ, оврагъ, заборъ, все способствовало всаднику невидимкѣ. Воины и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Переправу чрезъ широкія рѣки пе-

реняли они отъ Азіатцевъ: для сего клали сѣдло и вьюкъ на нѣсколько пучковъ камыша плотно связаннаго (что называлось *салою*), привязывали его веревкою къ шеѣ или къ хвосту лошади, самъ же Казакъ держась за узду, пускался съ конемъ вплавь. *Вожаки*, слѣдовавшіе впереди, умѣли отличать на травѣ слѣдъ непріятельской конницы, такъ что по *Сакмѣ* ^(а) узнавали, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда пошелъ, и когда именно прошелъ, сегодня, вчера, или третьяго дня.

Во время общей тревоги, Казаки собирались изъ 5^т и 6^т городковъ въ одинъ, укрѣплялись и отсиживались въ немъ. Гдѣ бы непріятель ни появился, вездѣ находилъ сопротивленіе; посыльные скакали во всѣ стороны и давали знать объ опасности. Станичные Есаулы, схвативъ знамя, во весь духъ неслись по улицамъ, сзывая Атамановъ молодцовъ на бой. Вѣстовая пушка или колоколь подавали знакъ къ тревогѣ. Старики и жены немедленно перегоняли стада и табуны на острова, или скрывали ихъ позади болотъ въ камышахъ; лодки приковывали къ берегу цѣпями или затопляли; все прочее имущество закапывали въ ямы, или погребя, по *займищамъ* ^(б) устроиваемые.

(а) Татарское слово, какъ многія другія, сдѣлавшееся у Казаковъ техническимъ.

(б) Займищемъ у Казаковъ называется прилегающій къ рѣкѣ лугъ, который внешнею водою покрывается.

Такимъ образомъ, Казаки, ведя жизнь удалую, (чтобы не сказать болѣе), почитали непріятелемъ всякаго, у кого можно было отнять *зипунь*, отъ чего и сами назывались *зипунниками*. Азовцы, самые неугомонные враги, были имъ всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 верстами пустаго пространства, они сталкивались съ ними на каждомъ шагу. По нѣскольку разъ въ годъ заключали между собою миръ и столько же разъ оный разрывали. Впрочемъ мирно не могли они долго жить и потому, что въ войнѣ заключался источникъ ихъ довольства и богатства. Иногда по настояніямъ Русскихъ Государей, (и то рѣдко) они сносили мѣсяцъ или болѣе *наглости* Азовцевъ; но считали это важнымъ пожертвованіемъ и всегда старались поставить на видъ Государю: „*что для него терпять миръ съ Азовцами, что онъ взялъ за себя всю волю ихъ на водѣ и на сушѣ; а у нихъ-то и лучшей зипунь былъ, чтобы повся дни подѣ Азовъ и на морѣ ходить; и что содержитъ долговременный миръ, они останутся босы и голодны.*“ Съ обоихъ сторонъ не дорожили дружбою, не уважали договоровъ и не рѣдко случалось, что перемиріе прекращалось въ тотъ самый день, когда было заключено; ибо войну предпочитали миру и потому еще, что во время мира должны были соблюдать точно тѣ же осторожности, какъ и во время войны. Только опасаясь опалы или какой другой грозы отъ Царей, Казаки принужденно заключали миръ. Они почитали безчестіемъ просить мира, говоря: „мы даемъ миръ, а просить его намъ непригоже.“

Всякій мирный договоръ былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и утверждался присягою *лушихъ Атамановъ*, а со стороны Азовцевъ шертованіемъ Князя (*Белъ*) и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало заложниковъ, угощало мировщиковъ и довѣренныхъ и одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и медомъ, отпускало обратно. Изъ Азова же, по повелѣніямъ Султана, при заключеніи общаго мира съ Россією, отпускали войску извѣстное число котловъ, соли, сѣтей и тысячу золотыхъ. Въ мирное время обѣ стороны соблюдали только наружные признаки дружбы, торговали, ѣзжали въ гости; но Казаки старались пользоваться малѣйшимъ поводомъ къ ссорѣ и часто драка пьянаго Казака съ Азовцемъ, возрождала войну. Какъ одною только войною они могли кормиться, то по сему оскорбленіе товарища принимали безчестіемъ цѣлому народу. Напримеръ, Азовцы, поймавъ на промыслѣ Казака, остригали ему усы и бороду, и война начиналась немедленно. Войсковою Атаманъ возвращалъ размирную, снова по приказанію Царя ссылался; снова мирились, ~~мѣдвнхъ~~ на обѣ стороны возвращали, и нѣсколько дней спустя, снова тѣмъ же начинали. Размирными чествовали однихъ только Азовцевъ, съ прочими бусурманами не было мира; ихъ били по всякъ день. Размирные обыкновенно оканчивались слѣдующимъ выраженіемъ: „*Нытъ все великое Донское Войско приговорили съ важи миръ нарушить; вы бойтесь насъ, а мы васъ станемъ остерегаться. А се письмо и печать Войсковая.*“

Не смотря на непрерывную почти войну и неукротимую ненависть, Донцы умѣли пріобрѣтать доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые за ласковое угощеніе, подкрѣпляемое деньгами и подарками, сообщали имъ всѣ вѣсти о предпріятіяхъ и замыслахъ Турковъ и Татаръ. Людей сихъ не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпіоновъ, или переметчиковъ; а называли добрыми пріятелями, *прикормленными* людьми. Напротивъ Азовскимъ Туркамъ рѣдко удавалось узнать, что дѣлается и думается въ Черкаскѣ; если же и удавалось что-либо развѣдывать, то не иначе, какъ чрезъ тѣхъ же прикормленныхъ людей, и немногихъ перебѣжчиковъ и *Охріанъ* (отступниковъ). Для вящшей осторожности, Казаки тщательно старались скрывать настоящее положеніе и топографію своей страны. По сей-то причинѣ Турецкихъ и Крымскихъ Пословъ провозя Дономъ въ Москву и обратно въ Азовъ, не выпускали изъ *Чердаковъ*; такъ назывались каюты, какія они строили на стругахъ своихъ для знаменитыхъ особъ. Вообще, Казаки старинныхъ временъ, жили настороживъ уши, жили съ умомъ; и не даромъ похвалялись они, говоря: *зипуны-то на насъ стрые, да умы бархатные.*

Заклучимъ статью сію достойнымъ примѣчаніемъ для рыцарскихъ временъ обычаемъ. Для стадъ своихъ и табуновъ, Донцы готовили на зиму сѣно, которое всегда оставалось въ лугахъ; ибо въ городкѣ было тѣсно и опасно отъ огня. Дабы оно

уцѣбло при набѣгахъ непріятельскихъ, Казаки со всѣми сосѣдами установили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь: разорйи и сожигай городки; бей людей, дѣлай всѣ возможные варварства, но сѣна не трогай.

СВОРЬ ВОЛЬНИЦЫ ВЪ ПОХОДѢ.

Необходимость жить и кормиться одною добычею, не позволяла Казакамъ различать, позволительно или нѣтъ ходить для грабежа, въ предѣлы собственнаго своего отечества; иногда и чувство самохраненія принуждало ихъ къ сему. Нужно, какъ говорится, законъ перемѣняетъ, и не должно удивляться, что даже въ строгое правленіе Петра Великаго, который все между ими устроилъ и направилъ къ лучшему, Казаки осмѣливались еще разбойничать на Волгѣ, и въ смежныхъ съ ними Россійскихъ областяхъ ^(*).

Казакъ, задумавъ погулять, или, какъ они говорили, *поохотиться*, ни у кого не спрашивалъ на то позволенія, и никто изъ начальствующихъ не запрещалъ ему того: обыкновенно выходилъ онъ въ своей станицѣ на сборное мѣсто къ Станичной избѣ, и кидая вверхъ шапку, громко восклицалъ: “Атаманы молодцы послушайте!... на Синё морь, на Черное поохотиться; на Кужу иль на Кубань рьку за ясырми (плѣнными); на Волгу

(*) См. Ч. I. стр. 214 и 256.

матушку рыбки половить; или подь Астрахань, на Низовье за добычью; или въ Сибирь пушистыхъ звѣрей пострѣлять ^(а).“ Желаютіе въ знакъ согласія, также бросали шапки вверхъ, и клали въ шапку глашатая деньги. По собраніи потребнаго числа охотниковъ, глашатай, называемый также *вожакомъ*, шель съ ними въ кабакъ, а въ послѣдствіе времени, когда на Донской землѣ построены были Церкви, въ *Голубецъ*, (такъ назывались бесѣдки, строимыя на кладбищахъ); гдѣ до сыта напившись, выбирали между собою Походнаго Атамана, опредѣляли куда итти и назначали день отправленія въ походъ. Люди богатые и чиновные, Станичные Атаманы, Есаулы и простые Казаки, на свой счетъ строили лодки, снабжали бѣдныхъ конями, оружіемъ, запасомъ и одеждою, съ условіемъ получить по возвращеніи ихъ половину изъ слѣдующей имъ добычи. Во время похода наблюдалась самая строгая подчиненность: Походный Атаманъ имѣлъ власть лишить живота всякаго изъ избравшихъ его; но по возвращеніи домой, послушаніе кончалось, Казаки безъ различія чиновъ расходились опять равными. Уважались только старшины, составлявшіе совѣтъ и Управу Донскаго Войска. Сіи почитались между ими людьми знатными, выборными, которые послѣ временъ

(а) Нравы на Дону нынѣ много измѣнились; охотниковъ уже нѣтъ, но память обряда, употреблявшагося при сборѣ вольницы въ походъ, хранится въ слѣдующемъ обычаѣ. По субботамъ мальчикъ верхомъ, имѣя вѣнчикъ подь мышкою, торжественнымъ шагомъ проѣзжая Станичною улицую, пронзительнымъ гласомъ вопіетъ: *Атаманы-молодцы, въ баню! въ баню!....*

Петра Великаго, составили первое звѣно Донскихъ Аристократовъ; и кто удостоивался званія Войсковаго старшины, тотъ уже переселялся въ Черкаскъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

О Х О Т Н И К И.

Охотниками, иначе *отвагами*, на Дону назывались удалые наѣзтники. Охотиться, разумѣлось у Казаковъ двойкимъ образомъ: „за неприятелями и за звѣрьми.“ Къ числу знаменитыхъ охотниковъ перваго рода принадлежать: *Ермакъ Тимофѣевичъ*, въ семь званіи ратовавшій на Волгѣ; который покореніемъ Сибири изгладилъ первое свое титуло, и содѣлался уже героемъ, нашимъ Кортесомъ, нашимъ Пизарромъ, болѣе сихъ именитыхъ Испанцевъ и достойнѣйшимъ образомъ стяжавшимъ славу и вѣчную память въ нашей Исторіи и Церкви. Въ семь же смыслѣ, *Стенька Разинъ*, *Прокофьевъ*, *Пугачевъ* и многіе другіе менѣ извѣстные, именовались также охотниками: собственно ворами и разбойниками назывались только тѣ, которые дерзнули бы охотиться противу собратій своихъ, или осмѣлились бы промышленать въ Россійскихъ областяхъ, когда Войсковое Правительство то имъ строго воспретило, и имѣло возможность воздержать ихъ отъ того. Казаки охотились болѣе малыми отрядами, отъ 5 до 50 человекъ, пѣшіе и конные, часто попарно и въ одиночку; и въ столь маломъ числѣ отбивали у

бусурманъ, съ коими вели вѣчную, непримиримую войну, табуны, скоть и брали *ясырей*, женъ и дѣтей, и все что попадалось подъ руку. Даже до времени Войсковаго Атамана Степана Даниловича Ефремова (1753 года), *добывались* Казаки безъ помѣхи; но съ сего времени охота у нихъ поуменьшилась; а нынѣ и вовсе прекратилась.

Въ числѣ послѣднихъ знаменитыхъ охотниковъ, почитался *Иванъ Матвѣевичъ Краснощоконъ*, наведшій страхъ и ужась по Кубани. Черкесы прозвали его *Аксакъ* ^(*). Чтобы показать, какого рода удальствомъ отличались сіи *рыцари-добыватели*, я расскажу здѣсь случившееся съ Краснощоконымъ произшествіе. Въ лѣсахъ Кубанскихъ встрѣтился онъ съ Горскимъ *Джигитомъ* (наѣздникомъ), по прозванію *Овгаромъ*, также вышедшимъ поохотиться. Богатыри знали другъ друга по молвѣ общей; желали встрѣтиться и, встрѣтились. Краснощоконъ узналъ друга по осанкѣ молодецкой, началъ стеречься, чтобы не спустить съ руки *яснаго сокола*. Близъ берега рѣки, надъ обрывомъ, у опушки лѣса, облокотясь и положа буйную голову на лѣвую руку, распростершись ницъ, лежалъ *Овгаръ* передъ огонькомъ. Казалось онъ не слышалъ свиста бури, и грѣясь, не чувствовалъ холода и ненастья. Горской рыцарь былъ не новичекъ въ своемъ ремеслѣ, почувлъ звѣря издали, а съ мѣста не тронулся; смотритъ будто на

(*) Аксакъ значить хромый. Краснощоконъ отъ прострѣла ноги пулею, хромалъ.

огонекъ, а вкось видитъ, и не торопится; выжидая, чтобы даромъ винтовки своей *не жарать*. Краснощочкову предстояло дѣло трудное, опасное; у него ружье было короткое, а у врага было далеко: но какъ податься назадъ было бы стыдно, и удалому не подѣ нравъ, то онъ подумалъ, оглядѣлся, смѣкнулъ дѣломъ; — пригнулся и поползъ густою травою, *тишкомъ* и *молоккомъ*. Приближаясь на свой выстрѣлъ, Донской Витязь принякнувъ къ землѣ, едва успѣлъ выставить въ стонѣ на подсошкѣ, свою шапочку *трухменку*, какъ пуля свиснула и пронзила ее насквозь. Тогда нашъ *Аксакъ* всталъ, подошелъ къ *Овгару*, и въ *припорѣ* ружья убилъ его на повалъ. Оружіе и и рѣзвый *аргамакъ* ^(а) доставили Краснощочкову за смѣлый подвигъ добрую добычу.

Подобные подвиги назывались Донцами забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбои ихъ въ Россійскихъ предѣлахъ и особенно по Волгѣ, имѣли въ себѣ нѣчто особенное, хотя буйное и непохвальное, но характерное; такъ напримѣръ: въ 1660 году, разбойничій Атаманъ *Васька Прокофьевъ*, прибывъ съ шайкою своею на одинъ Астраханскій *угуль* ^(б), и нашедъ его пустымъ, писалъ къ владѣльцу онаго: „Были мы Атаманы-молодцы на твоємъ *угуль*, и не нашли въ немъ

(а) Порода сего жеребца, и донынѣ сохранена въ табунахъ знатоковъ, подѣ названіемъ *Овгарской*.

(б) Перебойка чрезъ рѣку съ ловушками, для ловленія рыбы.

ничего; приказываемъ: вышли туда 50 ведръ вина, 10 пудъ меду, 50 мѣшковъ пшеничной муки, да земли и опоки, что серебро лѣютъ. Если ослушаешься, атаманы-молодцы выжгутъ твои учуги; а буде сверхъ чаянїя станешь жаловаться воеводѣ, то не пеняй на насъ.“

Знаменитые, отважные подвиги обыкновенно награждались пѣсней. Богатырскїя пѣсни о подвигахъ *Ермака*, *Краснощокова* и многихъ другихъ, по сю пору поются Казаками напѣвомъ стариннымъ заунывнымъ, съ умиленїемъ и восторгомъ неописаннымъ. Вотъ чѣмъ награждались заслути храбрыхъ витязей! Сїя почеть, воздаваемая общимъ мнѣнїемъ, почиталась, какъ и справедливо, превыше всякихъ наградъ, удовлетворяла самому алчному славолюбію и поддерживала рыцарскїй духъ въ народѣ. Каждый Казакъ, безъ различїя званїя, могъ заслужить ее единою личною храбростїю и удальствомъ.

Изъ числа славныхъ охотниковъ, Маңыцкіе Казаки: *Мингалъ*, *Козинъ*, *Хопряшкины* и *Богавцы* были послѣдними, отличавшимися отвагою и удальствомъ. Мингалъ болѣе другихъ сдѣлался извѣстнымъ и славился въ пѣсняхъ. Роспись знаменитыхъ наѣздниковъ, прославившихся во время Атаманства Алексѣя Ивановича Иловайскаго¹, около 1776 года, оканчивается двумя братьями: *Инжиромъ* и *Федоромъ Гомоновыми*, изъ коихъ послѣдній былъ живъ еще въ 1824 году.

ПОИСКИ НА МОРЬ.

Морскія предпріятія, хотя болѣе другихъ опасныя, предпочитались инымъ, какъ наиболѣе прибыточныя. Достоинно удивленія то, что самыя отважныя поиски совершались на судахъ самаго плохаго устройства. Изъ жалованныхъ грамотъ Царей видно, что Донскому войску отпускались на строеніе лодокъ *трубы*, такъ назывались вѣтловые и липовые деревья, изъ которыхъ сердцевина выколачивалась. Каждая труба распиливалась пополамъ, и составляла основаніе для двухъ лодокъ. Къ основанію или дну, изъ середины прикрѣплялись ребра; а съ концовъ выгнутыя кокоры, которыя снаружи до надлежащей высоты обивались досками. По какому размѣру строились Донскія лодки, о томъ Вице-Адмиралъ Крюйсъ, служившій Петру Великому, оставилъ довольно подробное описаніе. Суда сіи, говоритъ Крюйсъ, строятся безъ палубъ и походятъ на Неаполитанскіе *Скампавіа*, или Испанскіе *Баркелунге*. Корма и носъ у нихъ острые, длиною они отъ 50 до 70 и болѣе футовъ; а шириною отъ 18 до 20 футовъ. Донцы, такъ какъ и Запорожцы, по описанію Боилана ^(а), обводятъ лодки свои пуками

(а) Запорожскія лодки дѣлались длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12; глубиною или высотой въ 12 футовъ. Суда сіи строились безъ палубъ, ихъ снаружи конопатили, высмаливали, для большей крѣпости обивали кругомъ, отъ кормы до носа, лыжными, сѣленными съ боярышникомъ веревками; а для прикрытія отъ непріятельской стрѣльбы привязывали къ обводной лычной веревкѣ, толстыя камышовыя снопы, крѣпко поперегъ стянутые. Носъ и

тростника, которые служат имъ грудною защитою противъ ружейной пальбы, и вмѣстѣ для того, что бы на волненіи дать имъ большую *стойчивость*, т. е. меньшую шаткость. Въ хорошую погоду ставится небольшая мачта съ подъемнымъ на реи парусомъ, который подымается только при попутномъ вѣтрѣ, при противномъ же и боковомъ употребляются весла, которыхъ на каждой лодкѣ бываетъ отъ 16 до 40, а Казаковъ садится отъ 60 до 100 человекъ. Донскія лодки, также какъ и Запорожскія, имѣютъ на кормѣ и на носу по рулю, или по загребному веслу; онѣ легки на ходу и нагоняютъ не только Татарскія, но и Турецкія суда. Прежде Донскія лодки пушекъ не имѣли, но при Петрѣ Великомъ стали вооружать ихъ однимъ или двумя фалконетами; ибо по шаткости и слабому скрѣпленію судовъ, они не могли бы снести болѣе тяжелыхъ пушекъ и сильной пальбы. Нѣсколько боченковъ съ пресною водою и сухарями, просомъ, толчюю изъ сухаго хлѣба и сухой рыбы, сушенымъ мясомъ, соленою рыбою и толокномъ составляли весь запасъ. Водки брать въ походъ не позволялось, ибо трезвость почиталась необходимою при исполненіи отважныхъ предпріятій. Казаки выходили на брань въ ветхой одеж-

корма имѣли одинаковую форму, а потому, чтобы не терять напрасно времени при полномъ поворотѣ назадъ, каждая лодка снабжалась двумя рулями. Такія лодки, вооруженныя 4 или 6 фалконетами, имѣли по 10 и по 15 веселъ со стороны, ходили легче Турецкихъ галеръ. 60 плотниковъ отдѣлывали лодку въ двѣ недѣли; на каждую изъ нихъ садилось отъ 40 до 60 Казаковъ.

дѣ, на оружіи не было никакихъ украшеній; полированные ружья нарочно смачивали разсолонъ, что бы позаржавѣли: „на ясномъ желѣзѣ *играетъ глазъ*,“ говорили они. Словомъ, Казаки шли добывать *зипунъ*, имѣя самую бѣдную наружность, дабы симъ лишить непріятеля надежды чѣмъ нибудь онъ ихъ поживиться.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ, возвращеніе праздновалось съ шумною радостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ стекался къ часовнѣ (до половины XVII столѣтія церквей еще не было); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебень Чудотворцу Николаю, котораго молили о покровительствѣ подвизавшихся на брани и вышедъ на площадь пили прощальный ковшъ меда и вина. Потомъ провожали походное войско до судовъ, на берегу еще на прощаніе выпивали по ковшу, и оставались тутъ до тѣхъ поръ, пока веселые ратники, напѣвая дружнымъ хоромъ: „*ты прости, ты прощай нашъ тихій Донъ Ивановичъ*,“ терялись изъ виду. Тогда остальные, дабы, какъ они говорили, *сгладить путь-дорожку* своимъ походнымъ собратамъ, доканчивали недопитое, желая отплывшимъ побѣды и добычи.

На столь утлыхъ челнахъ, какими назвать можно Донскія лодки, кое-какъ построенныхъ, худо снабженныхъ, и еще хуже управляемыхъ; безъ карты и компаса, едва по солнцу и звѣздамъ

умѣя показать четыре страны свѣта; Казаки прешльвали бурное Черное море, громили прибрежныя селенія, брали приступомъ крѣпости^(а); а военные корабли, вооруженные громомъ и молніею, съ однимъ ружьемъ и саблею въ рукахъ брали абордажемъ, и съ великою добычею, состоявшею въ драгоценныхъ паволокахъ, камкахъ, коврахъ, шелковыхъ матерійхъ, въ золотой и серебряной монетѣ, возвращались въ низкія свои землянки. Подвиги Казаковъ на морѣ, могли бы казаться несбыточными, если бы оныя не были засвидѣтельствованы правдивою Исторіею: Самъ Петръ Великій на Азовскомъ морѣ^(б) Донскими лодками взялъ абордажемъ два линійныхъ Турецкихъ корабля. Какимъ образомъ Казаки на слабыхъ своихъ челнахъ могли проходить мимо Азовской крѣпости, у стѣнъ которой всегда стояли галеры и другія военныя суда; какимъ образомъ переходили они *божь*, во всю ширину рѣки тремя желѣзными цѣпями укрѣпленный, и съ обохъ сторонъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ защищаемый, — это и доселѣ можетъ казаться неимовѣрнымъ. Болѣе нежели дерзновенная отважность и мужество, потребны были для таковыхъ отчаянныхъ предпріятій; и Казаки совершали ихъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Обыкновенно, въ самую темную ночь, при бурномъ попутномъ вѣ-

(а) Въ 1616 году взяли городъ Синопъ, что въ Анатоліи; въ 1620 году разорили монастырь близъ Царя-града; въ 1630 году взяли въ Крыму городъ Карасовъ; а въ 1637 году Азовъ, сильно укрѣпленный.

(б) 1696 года 13 Мая во время осады Азова.

трѣ, туманѣ, и проливномъ дождѣ, прокрадывались они мимо укрѣпленій, перетаскивали лодки черезъ *божъ* между связями онаго, и мелководными *гирлами*, гдѣ военныя суда, глубже лодокъ въ грузу сидящія, не могли ихъ преслѣдовать; выходили въ море) часто безъ потери. Иногда предъ нападеніемъ, ночью, внизъ по теченію рѣки, Казаки пускали бревна, кои ударя въ божъ содержали въ безпрестанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и нерѣдко доводили его до того, что Турки пренебрегали сими *плавнями*, чѣмъ Донцы пользовались, и часто проходили крѣпость безъ выстрѣла. Наконецъ, наскуча такими усиліями, они прорыли въ 1772 г. между Каланчею и Мертвымъ Донцомъ свой *Казакій ерикъ* (каналъ), которымъ уже свободно выходили въ море. Иногда же, поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои *струшки* сухимъ путемъ на Міусъ, и сею рѣчкою выплывали въ море.

Азовскій Паша, какъ скоро узнавалъ о появленіи на морѣ Донской флотиліи, во всѣ стороны и кругомъ моря посылалъ гонцовъ для предостереженія жителей, которые заблаговременно съ имуществомъ отходили на время отъ береговъ въ степь. Но Казаки, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, иногда упреждали гонцовъ, выходили на берегъ въ скрытыхъ мѣстахъ, старались нападать въ распахъ, и смѣлымъ, быстрымъ натискомъ брали приморскія крѣпостцы и селенія; подобно партизанамъ, уклонялись отъ превосходныхъ

силъ , являлись тамъ , гдѣ ихъ не ожидали , хватали что имъ попадалось подъ руки , добычу грузили на суда и поспѣшно скрывались или отплывали далѣе на новые поиски. Атаманы ихъ всегда имѣли ту осторожность , что нападали , тамъ гдѣ возможно приобрѣсть добычу съ меньшею потерею: если нѣтъ надежды на успѣхъ , то тѣмъ же путемъ мимо Азова , возвращались на Донъ въ свои Юрты. Когда же случалось встрѣтиться съ многочисленнымъ врагомъ , Казаки отступали къ морскому берегу , входили въ устье рѣкъ , гдѣ затопляли свои суда въ камышахъ и разсыпались врознь. По минованіи опасности , снова собирались къ судамъ , выливали изъ нихъ воду , приправляли весла , и по прежнему пускались въ море.

Въ открытомъ море , брали иные осторожности: если подъ вѣтромъ показывалось нѣсколько военныхъ кораблей , то немедленно опустя парусъ и положиа мачту , изо всей силы гребли противу вѣтра , стараясь заблаговременно удалиться отъ нихъ ; и если по близости находился берегъ или мель , то уходили туда , не опасаясь нападенія. Если же , встрѣчались съ кораблемъ или галерою , не сильно пушками вооруженными , то смотря по направленію вѣтра , обходили корабль такимъ образомъ , чтобы къ вечеру солнце было позади лодокъ и прямо въ глаза неприятелю. За часъ до захожденія солнца , приближались они къ кораблю , на разстояніе трехъ или четырехъ верстъ ; по наступленіи же ночи подходили ближе , окружали

его, и неожиданные приставали къ галерѣ съ боку, а къ кораблю съ кормы или носу; и брали ихъ такимъ образомъ, частію въ расплохъ, но всегда превосходнымъ числомъ людей. При такихъ встрѣчахъ, безпечность Турковъ и осторожность Казаковъ, ручались за успѣхъ нападенія, при первомъ взглядѣ кажущагося невозможнымъ. Во время только совершеннаго безвѣтрія, когда корабли стоятъ посреди моря, подобно неподвижной громадѣ; Казаки нападали на нихъ не скрываясь, и покоряли ихъ открытою силою. При умѣренномъ вѣтрѣ, когда нѣтъ большаго волненія, купеческія безоружныя суда брали они прямо абордажемъ, не принимая никакихъ особенныхъ предосторожностей. Забравъ деньги, негромоздкіе товары, оружіе, небольшія пушки и все то, чѣмъ удобнѣе нагрузить лодку, взятый корабль со всѣмъ экипажемъ пускали на дно, прорубая подводную его часть. Сіе дѣлали они потому, что кораблемъ на морѣ править не умѣли а провезть его къ Черкаску мимо Азова, за мелководіемъ было не возможно.

При всѣхъ сказанныхъ нападеніяхъ, Казаки теряли много людей, ибо прежде нежели они успѣвали пристать къ кораблю и взойти на него, ихъ поражали картечью и меткою, въ такомъ близкомъ разстояніи, ружейною стрѣльбою. Если же по несчастію, примѣчаемы были съ кораблей, среди дня, при свѣжемъ вѣтрѣ и на открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ и мелей, когда лодки ихъ

находились у неприятеля под вѣтромъ, тогда большая ихъ часть погибала неминуемо. Военный корабль на всѣхъ парусахъ, подобно орлу, устремлялся тогда на нихъ: однихъ на ходу давилъ своимъ носомъ, и не останавливаясь въ быстромъ своемъ полетѣ, съ обоихъ бортовъ осыпалъ другихъ ядрами и картечью и пускалъ ихъ на дно, не щадя и сдававшихся. При такой злосчастной встрѣчѣ, часто на морѣ случающейся, лодки, какъ стадо робкихъ птицъ, разсѣвались и старались по возможности удалиться отъ корабля, кому куда пригоднѣе. Число лодокъ и превосходное число людей не составляло тогда преимущества, и чѣмъ они тѣснѣ шли, тѣмъ болѣе представляли кораблю вѣрную цѣль и смерти вѣрную добычу. Счастливымъ долженъ себя почесть тотъ, кто при такой бѣдѣ оставался въ живыхъ; ибо Донскія лодки плавали такъ близко одна отъ другой, что не гдѣ имъ было поворотиться.

Много лодокъ погибало отъ бурь, много и отъ малаго искусства кормчаго; но удалцы предавались опасностямъ съ постояннымъ мужествомъ, или лучше сказать, они не понимали опасностей, по невѣденію, полезному для нихъ въ семъ случаѣ. Тѣ, которые спасались отъ разбитія о скалы, и отъ недостатка воды и запасовъ, еще съ большимъ трудомъ избѣгали отъ рукъ враговъ своихъ, которые послѣ всякой бури высылали въ море военные корабли для нападенія на Казаковъ. Такимъ образомъ въ сраженіяхъ съ воен-

ными судами теряли они много людей, и рѣдко возвращались изъ похода съ потерей менѣе половины своихъ сподвижниковъ. Но сіи утраты не обезохочивали ихъ отъ морскихъ поисковъ: благоразумно уклоняясь отъ превосходной силы, въ плаваніи держась вблизи береговъ, и, принимая другія предосторожности, возвращались они домой, хотя съ чувствительною потерей; но всегда почти съ знатною добычею. Морской промыслъ долго почитался между ими прибыльнѣйшимъ; и многіе отъ него обогатились.

На возвратномъ пути, съ такимъ же затрудненіемъ прокравшись вверхъ по теченію Дона мимо Азова, Казаки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Черкаска останавливались, поровну дѣлили между собою добычу, что у нихъ называлось *Дуванъ дуванить*. Одною *асыря* (пльннхъ) собиралось иногда на Дону тысячъ до трехъ и болѣе. Цѣна выкупа за Пашей доходила до 50 тысячъ злотыхъ, рядовыхъ и простолюдиновъ вымѣнивали на Русскихъ пльнниковъ, многими сотнями приводимыхъ изъ Украйны въ Азовъ, для чего близъ нижнихъ юртъ учрежденъ былъ *окупной яръ* или размѣнное мѣсто. Женъ знатныхъ Мурзъ также отдавали на окупъ, прочихъ же привѣтливымъ обхожденіемъ пріохочивали ко всегдшнему у себя жительству, и обыкновенно, окрестя, женились на нихъ. Иногда жены зажиточныхъ Казаковъ, брали ихъ къ себѣ въ домъ для хозяйства, или въ собесѣдницы.

Если поиски Казакамъ удалось, тогда встрѣчали ихъ съ честью и особеннымъ торжествомъ. Пока возвратившіеся изъ похода дѣлили добычу, Походный Атаманъ извѣщалъ Войсковаго Атамана о своемъ прѣздѣ, и всѣ ратники, находящіеся въ Черкасѣ, и составляющія такъ называемое *главное войско*, по приглашенію Есауловъ, собирались у пристани. Побѣдители, одѣтые въ лучшія изъ добычныхъ одеждъ, съ распущенными знаменами и пѣснями, подѣзжая привѣтствовали стоящихъ на берегу ружейными выстрѣлами, имъ отвѣчали съ крѣпости пушечными. Суда останавливались противъ часовни, и по отпѣтіи благодарственнаго молебна, прибывшіе воины смѣшивались съ родными и товарищами, ихъ ожидавшими. Обрядъ сей, основанный на томъ религіозномъ понятіи, что всякій успѣхъ дѣла должно приписывать волѣ Божіей, и до сего времени постоянно наблюдается: Войско, возвращающееся изъ похода, обыкновенно идетъ прямо къ церкви. Послѣ взаимныхъ поздравленій, возвратившіеся изъ похода показывали друзьямъ свою добычу, дарили ихъ, и тутъ же у пристани, или на городской площади, усѣвшись въ кружки, пили вино и крѣпкій медъ, и подъ шумокъ, за дружескимъ ковшомъ, хвалились своими подвигами, обыкновенно для *краснаго слова* въ разсказѣ преувеличенными.

ВОЙСКОВОЙ КРУГЪ.

Войско Донское, по волѣ Царей имѣя свои права и преимущества, имѣло и особое правленіе. Собраніе всѣхъ чиновъ войска и народа, составляло такъ называемый *Войсковый кругъ*, права коего ограничивались внутренними только дѣлами войска. Каждый Казакъ, безъ различія званій, имѣлъ на кругу голосъ. Всѣ дѣла судныя, правительственныя и военныя рѣшались по большинству голосовъ. До тѣхъ поръ, пока Казаки, по снисхожденію Царей, могли своевольничать, Войсковые Атаманы самоуправствовались, и потворствомъ и уклончивостію иногда злоупотребляли общественную довѣренность. Отписки въ Посольскій Приказъ и всѣ бумажныя дѣла справлялъ *Войсковой Дьякъ*. Законовъ писанныхъ не было: Рыцари-Казаки всѣ рѣшали по своей волѣ, примѣняя ее къ старымъ обычаямъ и примѣрамъ. До начала XVIII столѣтія, Войсковые Атаманы избирались ежегодно, и любимые, умѣвшіе угождать, оставались въ должности до тѣхъ поръ, пока правленіе ихъ нравилось Казакамъ. Нерѣдко за неудачный походъ, или по причинѣ какой либо домашней смуты, Казаки смѣняли и иногда казнили смертію своихъ Атамановъ. По смѣнѣ, обращались они въ прежнее состояніе, и въ свою очередь отправляли службу рядоваго Казака.

Вотъ какимъ образомъ, народъ предприимчивый и отважный обдумывалъ свои дѣла: Коль скоро

получится Царская Грамота, или Указъ, или случится какое нибудь общее войсковое дѣло, то всѣ Казаки, по повѣсткѣ или *сполоху*, собирались на площадь къ войсковой избѣ. Когда соберется довольно много народа, Войсковой Атаманъ, окруженный людьми начальными и *бывальми*, предшествуемый *Есаулами*, и предносимый войсковыми регалиями, самъ съ булавою въ рукахъ, знакомъ своей власти, выходилъ изъ избы и становился посреди собранія. Есаулы, положивъ жезлы свои и шапки на землю, читали молитву, кланялись сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны Казакамъ. Послѣ сего брали они жезлы и шапки, подходили къ Атаману, и принявъ отъ него приказаніе возглашали: *Помолите Атаманы молодцы и все великое Донское войско!* За симъ Есаулы объясняли дѣло словесно, и наконецъ вопрошали: *Любо ли вамъ Атаманы молодцы?* Тогда со всѣхъ сторонъ Казаки кричали: *любо или не любо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ объяснялъ дѣло, толковалъ пользу его, склонялъ къ своему мнѣнію; но убѣжденій его рѣдко слушали, и воля народа исполнялась. Въ разномысліи не возможно было согласить Казаковъ къ рѣшенію прямо и очевидно полезному; въ такомъ случаѣ прибѣгали подъ руку Царя, и Его воля исполнялась безпрекословно. Приговоры круга исполнялъ Войсковой Есауль, который, пришедъ къ осужденному, объявлялъ ему, что войско требуетъ его головы, руки или ока, и казнь совершалась немедленно. Войсковыхъ Есауловъ было два: они

завѣдывали войсковыми доходами, полицією, казнями и стражею города. Есаулы почитались прежде знатыми на Дону чиновниками; нынѣ они имѣютъ титулъ безъ власти и службу безъ дѣла.

При сборѣ всего войска въ походъ по Царскому повелѣнію, или когда Казаки сами задумывали достать *Зипунъ*, и вымѣстить бусурманамъ обиду, то во времена рыцарскія, когда вольные промыслы производились безъ позволенія высшаго правительства; Войсковой Атаманъ предлагалъ *дѣло походное* всему Казачеству, обсуживать *со всего Казацкаго ума въ Войсковомъ кругу*, бывшемъ до 1775 года главнымъ ихъ Судилищемъ и Управою. Въ собраніе круга не допускались молодые Казаки и вообще всѣ вновь прибывые. При такихъ сборахъ, особенно при ожидаемомъ нападеніи враговъ, изъ *Войска* разсылались *граматки* (приказъ) вверхъ по Дону, по всѣмъ городкамъ, чтобы сходились Казаки въ Черкасскомъ для ратнаго дѣла. По сборѣ достаточнаго числа Казаковъ, Войсковой Атаманъ собиралъ ихъ *на Кругъ*, гдѣ избирали они себѣ Походныхъ Атамановъ, предпочитая умъ и знанія, опредѣляли число походныхъ воиновъ, и назначали день для выхода; потомъ, раздѣлившись на отряды и заготовивши харчи, помолившись выступали въ походъ. Предъ выступленіемъ Казаки весело *гуляли*, и пропивали или проигрывали въ зерна все что имѣли, въ надеждѣ будущихъ благъ. При сборѣ въ походъ, начальныя люди всемѣрно старались скрывать свои намѣренія; для сего въ

Кругу назначалось просто: итти на море, итти въ походъ. Скрытность была нужна, ибо Азовцы употребляли всѣ хитрости, чтобы узнать что дѣлается на Дону.

Избраніе Войсковыхъ Атамановъ и другихъ начальныхъ людей было всегда шумно, и рѣдко обходилось безъ драки. Тутъ всякой хотѣлъ поставить на своемъ, и надобно было большое умѣнье и гибкость нрава, чтобы большую часть голосовъ согласить въ свою пользу. Смыняемый Атаманъ, снявъ шапку, кланялся Казакамъ на всѣ четыре стороны, и потомъ смиренно клалъ булаву на столъ, поставленный посреди круга. Вновь избранный Атаманъ, принявъ Булаву изъ рукъ Есаула, также кланялся, благодарилъ за честь и клаяся Атаманамъ-Казакамъ не щадить жизни для отечества и радѣть объ общемъ благѣ.

Люди порочные, осужденные или чѣмъ либо наказанные, къ общему на кругѣ совѣту не допускались: имъ прощали вины съ условіемъ заслужить ее кровію, при какомъ нибудь отважномъ предпріятіи. Сіи преступники назывались *пенными*, они по приговору круга лишались права гражданства: ихъ всякій могъ бить и грабить и суда имъ въ войскѣ не было.

По смерти Петра Великаго, при постепенномъ ходѣ просвѣщенія, права Круга не могли быть терпимы: они отъ времени уже устарѣли, обстоятельства перемѣнились, такъ, что въ 1738 году, Войсковой Атаманъ былъ уже назначенъ

безъ выбора Казаковъ по Высочайшему повелѣнію, чѣмъ права круга были только ограничены; но премудрая Императрица Екатерина II, учрежденіемъ Войсковой Канцеляріи (1775 года), уничтоживъ ихъ вѣче, приуготовила преобразование; а Императоръ Павелъ I (1798 г.), сравненіемъ Войсковыхъ чиновъ съ армейскими, на вѣчныя времена утвердилъ спокойствіе сего края. Такими постепенными измѣненіями, права Круга и равенство Казаковъ, столь долго злоупотребляемыя, непримѣтно и безъ потрясенія исчезли навсегда. Нынѣ Войсковоѣ Кругѣ, не имѣя никакой власти собирается только по случаю торжествъ и церковныхъ праздниковъ; Полковоѣ Кругѣ занимается полковыми дѣлами; а Станочныя Круги завѣдываютъ своими хозяйственными дѣлами.

Изъ регалій, нынѣ въ Войсковой Канцеляріи хранимыхъ, достойны замѣчанія: *Бундукъ Бѣлой*; знамя богато украшенное; его носятъ предъ Войсковымъ Атаманомъ, когда онъ самъ бываетъ съ войскомъ въ походѣ. *Булава* и *перначь*, какъ знаки власти, вручались Войсковымъ Атаманамъ при избраніи ихъ. *Бобылевъ хвостъ*, то же что Турецкій санджакъ. Бобылемъ называли коня, чисто бѣлаго. Бобылевъ хвостъ, состоитъ изъ древка, у коего, вмѣсто набадашника, золотой шаръ, на верху украшенный двуглавымъ орломъ; бѣлый конскій хвостъ выходилъ изъ шара. Сей знакъ въ Войсковомъ кругу, означалъ *волю*.

БУДАРА.

Въ 1618 году, Царь Михаилъ Феодоровичъ, въ награду за службу Казаковъ и для вящаго поощренія ихъ къ большому усердію, положили, ежегодно отпускать изъ Московской казны Войску Донскому, 7000 четвертей муки, 500 ведръ вина, 230 пудъ пороха, 150 пудъ свинца и 17,142 рубля денежнаго жалованья; да на *Будари* (перевозныя суда) 1169 рублей 60 копѣекъ. Съ сего времени отрядъ, составленный изъ лучшихъ по службѣ Казаковъ, подъ предводительствомъ избраннаго на сей случай Атамана, называемаго *Атаманомъ зимовой станицы*, съ однимъ Войсковымъ Старшиною, какъ нѣкое посольство, отправлялось въ Москву, гдѣ, равно какъ и на пути, содержалось на казенномъ иждивеніи. По прибытіи въ Москву, въ назначенный день принимали Донцовъ съ особенными почестями и обрядами: Дьякъ или Бояринъ, выступивъ впередъ и низко поклонившись Царю говорилъ: „*Вамъ, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, Донскіе Казаки, станичный Атаманъ (такой-то) съ товарищи челомъ бьютъ.*“ За симъ обратясь къ Казакамъ продолжалъ: *Великій Государь Его Царское Величество жалуеть тебя Атамана съ товарищи къ своей Государской рукъ.*“ По совершеніи сего обряда представляющій возглашалъ: „*Великій Государь Его Царское Величество жалуеть тебя Атамана и Казаковъ и все великое войско Донское, вельмъ спросить о здоровьѣ и службу вашу милостиво похваляетъ.*“

Послѣ представленія, вся станица была угощаема во дворцѣ Царскимъ столомъ съ *удовольствомъ* и *подгивана романею*. При отпускѣ, Государь обыкновенно жаловалъ Атаману и Есаулу саблю съ своимъ портретомъ и Государственнымъ гербомъ, золотою насѣчкою на полосѣ изображеннымъ. Иногда же дарили имъ серебряный позлащенный ковшъ, на ручкѣ коего, также насѣчкою, изображался портретъ, на днѣ гербъ; а снаружи вокругъ вычеканивалась надпись, за какую службу данъ, годъ, мѣсяць и число. Казаковъ награждали сукнами и камками. Сверхъ того, Атаманъ получалъ денежнаго жалованья 143 руб. 50 коп., Есаулъ 71 рубль; каждому Казаку по 48 руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп., да на подводы Атаману на три лошади, Есаулу на двѣ, и двумъ Казакамъ на одну, считая на 10 верстъ на одну лошадь по алтыну. Такимъ образомъ каждая станица, удостоенная чести *узрѣть свѣтлыя Царскія очи*, облаканная и щедро одаренная, радостно возвращалась на Донъ. Такою политикою Цари достигали цѣли, располагали войскомъ по волѣ своей, и всегда имѣли на Дону преданныхъ и благодарныхъ имъ людей.

Жалованье Царское отправлялось изъ Москвы обозомъ, въ Воронежѣ нагружалось на *Будары* и сплавливалось внизъ по Дону до главнаго города. Въ каждой станицѣ наличные чиновники и Казаки встрѣчали *Будару*, (которая называлась также *казною*), съ стрѣльбою, потомъ молебствовали о здравіи Государя и благосостояніи Войска Донскаго; въ заключеніе станичные старики въ

гердакъ (такъ называлась комнатка посреди барки, изъ лубьевъ сплоченная), изъ пожалованнаго Походному Атаману ковша пили за здравіе Монарха, и за все Великое Донское Войско. Отъ станицы до станицы провожали *Будару* вооруженные Казаки, которые въ торжественномъ порядкѣ, съ стрѣльбою и пѣснями, слѣдовали за нею берегомъ.

По прибытіи Будары къ Черкаску, встрѣчали ее пушечною пальбою; потомъ Войсковой Атаманъ приказывалъ бить *сполохъ*. По сборѣ, Атаманъ, предшествуемый регаліями и знаменами, войску за службу жалованныя, прибывъ на площадь, привѣтствовалъ Кругъ сими словами: Государь, за службу жалуешь войско „*ръкою столбовою тихимъ Дономъ, со всми запольными рѣками, юртами и всми угодыями; и милостиво прислалъ Свое Царское годовое жалованье.*“ За симъ Атаманъ, предносимый регаліями и съ булавою въ рукахъ, въ сопровожденіи круга шествовалъ въ соборъ, гдѣ отслуживъ за здравіе Государя и Войска молебень, приглашалъ начальныхъ людей къ себѣ на пирь. На другой день гуляли въ *гердакъ*, у Атамана Зимовой станицы, и изъ пожалованнаго ему ковша въ круговую пили Царскую сивушку при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Старики и Казаки, бывшіе на сборѣ, угощались на Войсковое иждивеніе. Къ пожалованному Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ денежному и хлѣбному жалованью, въ 1779 году, Императрица Екатерина II пожаловала въ прибавокъ къ прежнему еще 3000 руб. и 3000 четвертей хлѣба.

Съ 1809 года, по представленію бывшаго Наказнаго Атамана вмѣсто хлѣба отпускается деньгами всего съ годовымъ жалованьемъ 111,311 рублей 60 копѣекъ; и праздникъ *Будари*, съ того времени болѣе не существуетъ.

ОБЫЧАИ ДОНЦЕВЪ ПЕРВАГО ПЕРІОДА.

Въ рыцарскія времена, (до 1680 г.) большая часть Казаковъ вели безбрачную жизнь, такъ, что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Казаки опасались знакомить сердце съ прелестію любви, и юноша, побѣжденный нѣжною страстію, въ кругу своихъ товарищей, преслѣдуемъ былъ колкими насмѣшками. Но къ концу перваго періода, когда умноженіемъ народонаселенія личная безопасность была довольно обезпечена, тогда Казаки охотно выбирали себѣ женъ изъ прелестнѣйшихъ плѣнницъ. Вообще семейная жизнь такъ правилась Казакамъ, что дѣтсей у женатаго нянчили всѣ его станичники; за всѣмъ тѣмъ немногіе вѣнчались по уставу Церкви; всѣ прочіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Для сего женихъ и невѣста приходили вмѣстѣ въ собраніе народа на площадь или предъ станичную избу. Помолясь Богу, кланялись они на всѣ стороны, и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: *ты будь мнѣ жена*. Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала также, называя его по имени: *а ты будь мнѣ мужъ*.

Послѣ сихъ словъ цѣловали другъ друга, и принимали отъ всего собранія поздравленіе. Утвержденное такимъ образомъ супружество почиталось законнымъ. Сей обрядъ въ старину былъ всеобщій у Казаковъ, и даже тѣ, кои въ послѣдствіи сочетавались по правиламъ Церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить.

Сколь легко было, по обычаямъ Казаковъ, заключать супружество, столь же легко было и разорвать его. Отправляясь въ дальній походъ, или просто подъ предлогомъ, что жена ему не нравилась, Казаки обыкновенно бросали свои землянки, а женъ продавали. Для сего выводили ихъ на зборъ и говорили: *не люба!* а кому она нравилась, продавали съ торгу, и часто уступали ее за харчи, нужные въ походѣ, и притомъ въ такомъ количествѣ, сколько можно навьючить на лошадь, не обременяя ее. Купившій *отказанную* жену, прикрывалъ ее полою своего кафтана, и по прежнему обряду говорилъ предъ народомъ: *ты будь мнѣ жена* и проч. Прикрытіе полою, Казаки почитали весьма важнымъ символомъ: оно значило снять съ отказанной жены безчестіе развода.

Власть мужа надъ женою была неограниченна,—сія общая черта въ народномъ духѣ, долго препятствовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе и на смягченіе нравовъ; долго женщины ограничивались кругомъ своей семьи, и

немногими знакомствами съ сосѣдками. Онѣ не участвовали въ бесѣдахъ мушницъ, также вели жизнь праздную, разгульную; о домѣ и хозяйствѣ не думали; и переходя изъ рукъ въ руки, столь мало уважались, что какого бы званія ни были, должны были при встрѣчѣ уступать дорогу всякому Казаку, и кланяться каждому старику.

Не подумайте однакожь, чтобы неуваженіе къ необходимѣйшему для общежитія таинству простекало отъ неуваженія къ Вѣрѣ; напротивъ, Казаки всегда были очень набожны. Отправляясь на промыслъ непозволительный, даже зазорный, (просто, сидя подъ мостомъ, грабить по дорогѣ проѣзжавшихъ), они преусердно молились Угоднику Николаю и всѣхъ Святыхъ призывали на помощь, обѣщая въ случаѣ удачи, часть изъ добычи. Для сихъ приношеній избрали они два монастыря: одинъ *Никольскій* ниже Воронежа, въ Борщевѣ; другой *Рождественской Чернлеви* въ Шацкѣ. Къ обогащенію сихъ своихъ монастырей Донцы ничего не жалѣли: для колоколовъ жертвовали отнятыми у непріятели испорченными пушками; серебро же, золото, жемчугъ и драгоценные каменя, блистая въ ризницахъ и на иконастахъ, свидѣтельствовали объ усердной вѣрѣ нашихъ набожныхъ рыцарей. Въ сихъ монастыряхъ, Казаки, потерявшіе силу воевать, посвящались въ монахи; увѣчные и раненые, какъ въ инвалидномъ домѣ, находили пріютъ, покой и содержаніе. Въ сихъ же монастыряхъ сохранялись

и частные пожитки, особенно дорогія вещи, которыхъ они не оставляли въ своихъ городкахъ, но причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Въ Черкасѣ всегда было большое стеченіе народа: кромѣ Казаковъ, собиравшихся въ главное войско, торговые люди изъ Украинскихъ городовъ, покрывали рѣку своими судами; Воевода съ Царскимъ жалованьемъ и Турецкіе Послы съ многочисленными ихъ свитами; Астраханскіе и другихъ Украинскихъ городовъ посольщики для узнанія на Дону вѣстей; Запорожцы, пріѣзжавшіе вмѣстѣ съ Казаками съ морскихъ поисковъ; наконецъ Волжскіе, Терекскіе и Яикскіе Казаки, толпами приходившіе на Донъ для *вольнаго промысла*, разнообразили картину военнаго стана, которую представляло *главное войско*. Въ сихъ многочисленныхъ собраніяхъ Казаки являлись въ одеждѣ, уборахъ и въ оружіи, принадлежавшихъ различнымъ племенамъ: на нихъ собственно своего ничего не было. Русскія, Турецкія, Черкесскія и Татарскія одежды, представляли смѣсь, нестроту, иногда пріятную, иногда странную. Одинъ въ лазоревомъ *настрафильномъ* зипунѣ и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ бархатномъ полукафтаниѣ и въ лаптяхъ; третій, въ смуромъ Русскомъ кафтанишкѣ, и въ сапогахъ золотомъ шитыхъ, съ булатною Черкескою *шашкою* и богатымъ Турецкимъ *сайдакомъ* (лукъ); на иномъ сверхъ одежды тафтяная рубашка, въ рукахъ Русская рогатина и вмѣсто плаща узорчатой ко-

верь; у всѣхъ шелковые Персидскіе кушаки, Турецкія богатые ружья и булатные ножи съ черенками рыбьяго зуба. Наконецъ, въ бархатѣ и атласѣ, чтобы блеснуть предъ прїѣзжими, преспокойно садились они посреди грязной улицы.....

Старые Донцы проводили время въ беззаботной праздности и любили повеселиться въ дружескихъ бесѣдахъ. Накормить и напоить прїѣзжаго почиталось обязанностію: въ серебряныхъ чашахъ подавали вино и крѣпкій медъ; другихъ напитокомъ не имѣли, и особенно уважали первое такъ, что для лучшей похвалы угощенія, Казаки говорятъ и теперь, „я у него былъ и вино пилъ.“

Столь же весело проводили время и во всѣхъ другихъ городкахъ: Казаки обыкновенно всякій день собирались на площадь или къ становой избѣ. Здѣсь, сидя въ кружку, они вязали сѣти и тенета, слушали во время работъ разсказъ одного изъ пожилыхъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ, и воспламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли богатырскія пѣсни, начиная каждую припѣвомъ: *Да вздунай най дуна-на вздунай Дунай*. Жили они истинно по братски: набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы, *отвѣдывали* ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества Казаковъ раздѣлялись *по сумамъ* точно такъ, какъ нынѣ въ походахъ по *кашамъ* (артелямъ). Человѣкъ

десять, двадцать или болѣе товарищей, имѣли общую суму, въ которой хранили свой запасъ и все добычное; потому Казаки еще и нынѣ называютъ товарища и друга: *односумь*. На *майдань* ^(а) старики играли въ шашки или въ зерьнъ; молодые же на площади въ кости и бабки. Посредствомъ послѣдней игры, Казаки приобрѣтали такую меткость, что пуская изъ рукъ камень, убивали птиць и зайцевъ.

Сія привольная и братская жизнь сильно вызывала Казаковъ къ родинѣ; они славили свой *тихий Донь*, называя его: *кормилецъ родимый*. Въ плѣну и на одрѣ смертномъ, Казакъ, прощаясь со всѣмъ, что имѣлъ драгоцѣннаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: *ты прости, мой тихій Донь. Ивановицъ! мнѣ по тебѣ, не ѣздити, дикаго звѣря не стрѣливать, вкусной рыбы не лавливать*.

"Такая жизнь и наружное довольство" соблазнили нашихъ простолюдиновъ: цѣлыми ватагами переходили они на Донъ: часто Русскіе торговцы, продавъ или промѣнявъ свои товары на избытки Казачьей добычи, хаживали съ Казаками въ походъ, и потомъ, полюбя и получивъ навѣкъ къ Казачьему ремеслу, оставались жить на Дону.

(а) Майданъ по Турецки значить площадь: Казаки усвоили это имя стариннымъ или ставовымъ базаръ.

IV. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

ВТОРАГО ПЕРИОДА.

ДО 1725 ГОДА.



Торговья связи съ Россійскими городами, ежегодныя посольства въ Москву за Царскимъ жалованьемъ (съ 1618 года), постоянное пребываніе Воеводы съ служилыми людьми въ Черкасскъ (съ 1643 г.), годъ отъ году совершенствовались общезжитіе Казаковъ; но болѣе примѣтная перемѣна произошла послѣ покоренія Азова въ 1637 году. Въ семь торговомъ городѣ, сблизились они съ народами болѣе ихъ просвѣщенными, привыкли къ нѣкоторой роскоши, къ удобствамъ жизни, и болѣе пяти лѣтъ проживъ въ домахъ оставленныхъ Турками и отчасти построенныхъ Генуезцами, узнали преимущество зданій выстроенныхъ по правиламъ Архитектуры, предъ своими землянками. При защитѣ Азова (1641 г.), Казаки познакомились съ истинною славою, а познакомившись, почувствовали свое достоинство, стали

гордиться именемъ *Казачества вольнаго и безстрашнаго*, и справедливо похвалялись, что взяли и отсидѣли Азовъ своимъ *дородствомъ и разумомъ*. Сіе честолюбіе было началомъ развитія между ими гражданской жизни: рыцарскія привычки стали ослабѣвать, нравы отъ прибрѣтенной славы и добычи начали смягчаться, и все, постепеннымъ, едва примѣтнымъ ходомъ, пошло къ улучшенію. Въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича, на Дону стали строить часовни, а на кладбищахъ *голубцы* ^(а), около же 1660 года въ Черкасскѣ была уже построена первая церковь Воскресенія.

Въ половинѣ XVII столѣтія на Дону было много достаточныхъ людей, Разинъ вдругъ обогатилъ ихъ такъ, что въ Черкасскомъ городкѣ было уже нѣсколько порядочныхъ домовъ, построенныхъ по Азіатскому образцу; а въ другихъ городкахъ явились деревянныя церкви, и вмѣсто землянокъ, рубленныя избы. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, лучшіе Донскіе Атаманы, приохоченные ласковымъ приѣмомъ и почестями, при Дворѣ имъ оказываемыми, часто жилали въ Москвѣ, и присмотрѣвшись къ жизни Бояръ Русскихъ, не стали чуждаться пышности, и непримѣтно удаляясь отъ старинныхъ обычаевъ, исподоволь вводили у себя разныя новости. Атаманы: Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ, Корнилій Яковлевъ и Михайло

(а) Родъ бѣсѣдокъ, строимыхъ на кладбищахъ и служащихъ вмѣсто надгробныхъ памятниконъ

Самаринъ принадлежа къ числу богатыхъ Казаковъ, сдѣлались особенно извѣстными введеніемъ новостей въ общежитіи; но Атаманъ *Фроль Минаевъ* первый, кажется, переступилъ за предѣлы простой жизни, и съ его времени, то есть, съ 1680 года, начинается второй періодъ въ отношеніи къ общежитію Донцовъ; ибо обычаи уже замѣтно измѣнились и нравы приняли лучшее направленіе. Съ смертію Разина кончился настоящій рыцарскій бытъ Донцовъ: Алексѣй Михайловичъ, встревоженный народнымъ мятежемъ, взялъ надлежащія и болѣе строгія мѣры къ удержанію буйнаго удалства и вольныя промыслы Казаковъ были нѣсколько ограничены. Петръ Алексѣевичъ положилъ имъ предѣлы еще болѣе тѣсныя.

До покоренія Азова въ 1696 году, острый бурсманскій мечъ и пламя непрерывно маячили въ глазахъ Казаковъ, и хотя они уже были богаты и довольно сильны, и вели жизнь болѣе осѣдлую нежели кочевую; но жизнь ихъ была весьма заботна, и часто тотъ, кто ходилъ въ гродетуровомъ зипунѣ, не имѣлъ куска хлѣба, и не зналъ куда голову приклонить. Служа передовою стражею противу хищныхъ Крымскихъ Татаръ, Ногаевъ, Калмыковъ и Черкесъ, которые Украинскіе наши города и селенія почитали своею вотчиною, доставлявшею имъ ежегодный, вѣрный доходъ; Казаки не могли обзаводиться прочнымъ хозяйствомъ, посему землю пахать, до времени

Петра Великаго, и сами Цари имъ не соизволяли: „дабы воинскимъ промысламъ помъшки не было,“ для исполненія чего, войско (такъ называлось Правительство Донское) учинило строгій приговоръ, „если который Казакъ станеть пахатъ, того битъ до смерти и грабить.“ Покореніе Азова и построеніе Таганрога доставило Петру Великому возможность обезпечить спокойствіе своей Украйны и вмѣстѣ съ тѣмъ смирить своевольство Казаковъ.

На какой степени просвѣщенія и нравственности находились Донскіе Казаки въ первые годы царствованія Петра I, покажетъ представляемый у сего читателямъ любопытный отрывокъ, изъ сочиненія Вице-Адмирала Крюйса переведенный съ Голландскаго подлинника, подъ заглавіемъ: *Описаніе Дона и канала предположаемаго для соединенія Волги съ Доломъ, съ картой*, издвоніемъ Его Царскаго Величества напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1703 году. Въ семъ современномъ сочиненіи, кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ ошибокъ, которыя мы выпускаемъ, заключается достовѣрнѣйшее описаніе Донскаго края, и особенно нравы Казаковъ тогдашняго времени изображены съ величайшею вѣрностію.

„При впаденіи рѣки Вороны въ Донъ, начинается Казачья земля. Городки, лежащія на Дону, весьма не корыстны, имѣютъ мало замѣчательнаго, могущаго остановить вниманіе любопытныхъ. Большая ихъ часть построены на островахъ,

обнесены двойными палисадами, въ нѣкоторыхъ есть цитадели, состоящія изъ рубленыхъ круглыхъ башенъ, защищаемыхъ достаточнымъ гарнизономъ. “

„Черкаскъ, главный изъ Казачьихъ городковъ, построенъ на острову, составляемомъ рукавами Дона; укрѣпленъ по старинному бастионами и круглыми башнями, вооруженныхъ 80 орудіями, добытыхъ Казаками съ Турецкихъ кораблей. Гарнизонъ состоитъ изъ семи или осьми тысячъ челоуѣкъ конныхъ, пѣшихъ и матросовъ. Черкаскъ имѣетъ удобную, торговую пристань. Дома, кромѣ немногихъ, по причинѣ долго продолжающейся водополи, строятся на сваяхъ, весьма тѣсно, почти безъ дворовъ и раздѣляются на два жилья. Одна половина дома съ печью для жилья зимою, въ другой проводятъ лѣто; въ сей послѣдней стѣнѣ всегда бѣлы и содержатся въ такой чистотѣ, какъ посуда. Въ Черкаскѣ Казаки держатъ совѣты о военныхъ дѣлахъ, и тутъ мѣстопробываніе ихъ Атамана. “

„Почва земли по обоимъ берегамъ Дона не одинакова: есть лѣса, каменистые бугры, песчаные холмы, мѣловые и другія горы, посему много есть мѣстъ неудобныхъ для хлѣбопашества. На низменныхъ же мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ, земля такъ жирна, что безъ унавоживанія жители получаютъ отъ работъ своихъ вдвое противъ того, что земледѣльцы добываютъ въ другихъ странахъ. При всѣмъ томъ, хлѣбопашество у Казаковъ

въ презрѣніи: имъ занимаются только невольники изъ плѣнныхъ, которые едва съютъ столько хлѣба, сколько потребно для прокормленія семействъ, къ коимъ они принадлежатъ. Здѣшніе лѣса приносятъ разные плоды, какъ то: яблоки, груши, вишни, смородину и проч. безъ всякаго присмотра. Донскіе Казаки недостатку хлѣба замѣняютъ рыбою, разнымъ мясомъ, яйцами и молокомъ; всего этого у нихъ находится въ изобиліи. Имъ стоитъ только бросить сътъ, что бы имѣть рыбу; ибо Донъ изобилуетъ осетрами, бѣлугами, стерлядями, щуками, окунями и проч. Всѣ сіи рыбы весьма вкусны и такъ дешевы, что сазана въ 24 фунта мы, (говоритъ Крюкъ), покупали за копейку. Рогатаго скота, овецъ, свиней и всякой дичи на Дону множество. Казаки, какъ и многіе Сѣверные народы, охотники до крепкихъ напитковъ; однако въ походѣ, особенно въ морскихъ поискахъ, рѣдко встрѣтите пьянаго; ибо запрещается имъ подъ опасеніемъ строгаго наказанія брать съ собою вино и водку: обыкновеніе, достойное похвалы въ такомъ народѣ, который многіе почитаютъ варварскимъ; въ семъ отношеніи Казаки превосходятъ нашихъ (Голландскихъ) матросовъ.“

„Земскіе обычаи Донскихъ Казаковъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, какъ мало извѣстные, стоятъ того, чтобы описать ихъ нѣсколько обстоятельнѣе. Они вообще бѣлолицы, сановиты и храбры. Болѣзней почти не знаютъ.

Большая часть умираетъ или въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, или отъ старости. Женщины красавицы ^(*), имѣютъ глаза темные, большія ноги, маленькія руки; волосы черные, правильные черты; очень обходительны и вѣжливы съ чужестранцами. Платье носятъ точно такое же, какъ Турчанки, съ тою только разницею, что головной уборъ нѣсколько ниже: онѣ не закрываютъ лицъ. Всѣ наблюдаютъ большую опрятность въ одеждѣ, мужчины носятъ почти Польскіе кафтаны. “

„ Казаки добродушны и щедры, не копятъ богатства; имѣютъ много ума, хитры и особенно искусны въ военномъ дѣлѣ. Никто лучше Казака не умѣетъ напасть на непріятеля быстро и нечаянно, заманить его въ засаду и воспользоваться малѣйшею его оплошностію. Они весьма храбры, равнодушно переносятъ голодъ, жажду и всѣ случающіяся въ войнѣ тягости. Жаль, что при такихъ качествахъ они легкомысленны и непостоянны, хотя въ бумагахъ и называютъ себя всегда *вѣрными*. Они любятъ вольность, и свое правленіе, въ которомъ каждый Казакъ имѣетъ равное участіе; по сей причинѣ нѣтъ у нихъ родоваго дворянства, и подчиняются одному только начальнику, который избирается ими единогласно. Они называютъ его Войсковымъ Атаманомъ, подъ нимъ участвуютъ въ управѣ Старшины и Есаулы.

(*) Большею частію изъ паланки, Черкешенокъ, Турчанокъ и Татарокъ.

Сии, также какъ и Войсковою Атаманъ избираются, и не легко могутъ отказатъся отъ поручаемой имъ должности: часто случалось, что таковыхъ, почитая измѣнниками, или недоброжелателями общей пользѣ, казнили смертію. Когда избранному объявляютъ его чинъ, онъ благодаритъ собравшихся на *Кругъ* за честь, и клянется *братьямъ* (инаго названія Казаки другъ другу не даютъ) до *исхода души своей* не падить жизни для общаго блага и быть вѣрнымъ исполнителемъ возложеннаго на него порученія. “

„ Должность Войсковаго Атамана состоитъ въ надзорѣ за правосудіемъ и въ предводительствованіи войскомъ, когда оно все выступаетъ въ походъ. Власть его хотя не ограничена закономъ, но стѣснена обычаями, такъ что малѣйшій проступокъ, особенно неудачный походъ, могутъ стоить ему головы; но тотъ изъ нихъ, который успѣетъ угодить правленіемъ своимъ Казакамъ, уже править ими самовластно. Избранный Казаками Войсковою Атаманъ, подтверждается въ своемъ званіи отъ Его Царскаго Величества, и если оно послѣдуетъ, то Атаманъ остается по смерти въ своемъ достоинствѣ. Кромѣ Войсковаго Атамана, каждый городокъ для судебныхъ дѣлъ имѣетъ своего Атамана, называемаго Станичнымъ, а для городского управления Есаула, которые перемѣняются ежегодно. Власть Есаула и уваженіе, которымъ онъ пользуется, сходны съ властію древнихъ Аѳинскихъ Архонтовъ. Есаулъ, какъ градской

глава, долженъ идти въ полъ впереди своей дружины. Хотя Казакамъ и позволено имѣть свое правленіе, избирать своихъ начальныхъ людей и разбираться въ домашнихъ ссорахъ старыми обычновеніями; но какъ Русскіе и подданные Царя, они повинуются Ему и Воеводамъ Его, какъ люди служилые. “

„ Между дозволенными правами, есть одно *иногда* употребляемое Донцами, а именно: осужденіе на смерть женъ своихъ и власть разводиться съ ними, не давая никому въ томъ отчета и не вѣдаясь съ обвиненными судомъ. Сіе дѣлается просто, слѣдующимъ образомъ: если мужъ наскучитъ женою, то онъ чрезъ *глашатая* велитъ собраться народу на рынокъ и взявъ ее за руку, вступаетъ съ нею въ кругъ, произнося слѣдующія слова: *„Друзья и братья, вѣрные Казаки! я нѣсколько времени имѣлъ женою такую-то. Она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ. Кто ее желаетъ, можетъ ее взять.“* Сказавъ сіе, онъ отнимаетъ отъ нее свою руку, и она свободна. Если кто изъ присутствующихъ, Казакъ или пришлый, захочетъ взять ее къ себѣ въ жены, тотъ платитъ мужу небольшую сумму денегъ. Впрочемъ мужъ имѣетъ безпрекословное право жену свою бить, продавать, можетъ даже за малѣйшую вину убить ее, или утопить. “

„ Воровство наказывается у нихъ весьма строго: показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей достаточно для того, чтобы обличеннаго казнить смертію.

Сіе производится слѣдующимъ образомъ: въ верхнемъ кафтанѣ преступника зашиваютъ рукава, набиваютъ ихъ пескомъ, а потомъ связавъ руки и ноги бросаютъ въ Донъ, безъ малѣйшаго отлагательства времени. “

„ Между Казакамъ и мало находится художниковъ, ремесленниковъ, или людей, которые жили бы торговлею. Кромѣ починки оружія и сбруи, они сами для себя ничего не дѣлаютъ, и все добываютъ грабежемъ, особенно морскими поисками, въ чемъ съ дѣтства прилежно упражняются. Женщины сидятъ за пряслицею, вообще болѣе трудолюбивы, но также любятъ наряды и праздность. Казаки прилежно ухаживаютъ за конскими и верблюжьими табунами, ибо сіи животныя нужны имъ для дальнихъ походовъ, а особенно съ Татарами, Калмыками и за-Кубанскими Горцами, которые всѣ воюютъ на коняхъ. Оружіе Казаковъ состоитъ изъ луковъ и стрѣлъ, саблей и винтовокъ, которыми стрѣляютъ очень мѣтко и скоро. Пушекъ кромѣ крѣпостей, въ полѣ не употребляютъ и обходятся съ ними не умѣютъ. “

„ До 1703 года, Казаки побѣждали одною храбростію, теперъ сражаются они съ болѣшимъ искусствомъ; ибо служа при арміи, научились отъ войскъ Его Царскаго Величества строиться и дѣлать разные повороты: раздаваться, смыкаться и удваивать ряды; стрѣлять поочередно, проходить въ интервалы и проч. Нынѣшніе Казаки въ чистотѣ движеній и дѣйствіи ружьемъ подходятъ

къ Нѣмцамъ, даже *Голландцамъ* (писалъ Голландецъ) и другимъ народамъ. Подъ предводительствомъ Атамановъ и Есауловъ своихъ, они раздѣляются теперь на полки и сотни, и состоятъ изъ пѣхоты и конницы. При осадахъ Азова, Шлиссельбурга и прочихъ крѣпостей, они служили какъ драгуны и рейтары, и дѣйствуя правильно, въ полной мѣрѣ оказали свою храбрость.“

Сіе свидѣтельство иностранца, даетъ полное понятіе о жизни и свойствахъ Казаковъ временъ Петровыхъ. Доблій сей Царь, при осадѣ Азова ближе познакомившись съ домашнимъ бытомъ Донцовъ, рѣшился измѣнить его какъ не приличный для воиновъ, при тогдашнемъ же положеніи Государства, ненужный для политики, и вредный для ихъ самихъ. Онъ приступилъ къ тому съ удивительнымъ для юноши благоразуміемъ и осторожностію: предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе Нѣмецкаго платья и бритье бороды, не наложилъ сихъ обязанностей на Донцовъ; и не нарушая коренныхъ обычаевъ и древней простоты ихъ нравовъ, Государь, съ добрымъ сердцемъ и благою мыслию приступилъ ко введенію между Казаками урядства и гражданственности: постепенно, не торопясь.

Во первыхъ, для исправленія ихъ нравственности, Государь своимъ иждивеніемъ построилъ по городкамъ нужное число церквей и часовень, далъ все нужное для содержанія ихъ, приказалъ совершать браки по уставамъ Церкви, и строго

запретилъ наложничество, самовольный разводъ съ женами и вѣнчаніе по старому Казачьему рыцарскому обычаю. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Бургундскіе винодѣлы, близъ Цымлянскон станицы, насаждали виноградъ, приказано по всей Донской землѣ разводить сады и огороды, и непремѣнно сѣять столько хлѣба, сколько нужно для ежегоднаго содержанія всего населенія Донской земли. Важнѣйшее измѣненіе старины, начавшейся съ 1700 года, состояло въ преобразованіи Войсковой управы, которой въ настоящемъ значеніи еще не было; ибо шумныя и безчинныя собранія *Войсковаго круга*, гдѣ всякой вошелъ и требовалъ исполненія того, чего ему хотѣлось, не лзя было назвать правительствомъ благоустроеннымъ. вмѣсто прежней *неурядицы*, вошедшей въ пословицу, учреждено *Правленіе Старшинъ*, посредствомъ коего власть правительственная перешла, изъ рукъ буйной толпы, въ руки Войсковаго Атамана и многихъ Старшинъ, составившихъ Управу Войска, въ званіи представителей и ходатаевъ, избранныхъ отъ всѣхъ городковъ, или станицъ Казачьихъ, и дѣйствовавшихъ во всемъ по повелѣнію Верховной власти. Сіи *Старшины*, подъ предсѣдательствомъ Войсковаго Атамана, рѣшали гражданскія дѣла и объявляли приговоры свои, основанные на совѣсти, здравомъ смыслѣ и принятыхъ издревле понятій и обычаевъ: законовъ писанныхъ Казаки все еще не имѣли. Исполненіе Царскихъ указовъ, всѣ походныя назначенія и наряды очередной при арміи службы, и вообще

всѣ военныя дѣла, съ сего времени стали производиться по распоряженію Войсковаго Атамана и Старшинъ. *Войсковые же круги* сколь можно рѣже сзывались въ случаяхъ особенной важности, и то только тогда, когда члены Правительства найдутъ то нужнымъ. По волѣ Войсковаго Атамана, и то вѣроятно для того, чтобы не вдругъ измѣнить прежній обрядъ, иногда для разсужденія о походномъ дѣлѣ, приглашались на совѣтъ люди *разумные, бывалые*. Войсковое правленіе въ семь періодъ называлось *Канцелярією войсковыхъ дѣлъ*, въ немъ *Войсковой Есаулъ* докладывалъ дѣла, а *Войсковой Дьякъ* подписывалъ ихъ. Исполнительная власть принадлежала Войсковому Атану. Не смотря на многія другія благодѣтельныя и полезныя учрежденія, Казаки, недовольные желаніемъ Государя, остановить бродяжничество, переселеніе раскольниковъ изъ Россіи на Донъ, бѣгство ихъ на Кубань; и ограничить самовольное распространеніе границъ Донской земли, и построеніе новыхъ городковъ не на показанныхъ мѣстахъ, по наущенію дерзновеннаго Буловина, тайно руководимаго Мазепою, взбунтовались. Гнѣвный Государь, не терпѣвшій никакихъ безпорядковъ, а паче неподчиненности, усмиривъ строптивыхъ и непокорныхъ, заплатилъ имъ новыми благодѣніями. Послѣ Буловинскаго бунта, избранный вольными голосами въ Войсковые Атаманы Максимъ Фроловъ, сынъ знаменитаго Фрола Минаева, утвержденъ Государемъ въ семь званіи на всю жизнь. Нѣкоторые полагаютъ, что не прежде 1717 года

другой сынъ Минаева, Василій Фроловъ, былъ утвержденъ Государемъ въ званіи Войсковаго Атамана на всю жизнь. По свидѣтельству же Крюйса, какъ болѣе вѣроятному, должно почитать, Дукьяна Максимова (около 1700 года) первымъ, который, по избраніи его вольными голосами, былъ Государемъ утвержденъ въ званіи Войсковаго Атамана по смерти. Симиъ средствомъ власть Атамановъ упрочена, и они, не имѣя болѣе нужды, для поддержанія себя, потворствовать вольницамъ, приобрѣли болѣе уваженія отъ народа и сдѣлавшись значительнѣе, могли исполнять Высочайшия повелѣнія съ большею настойчивостію. Наконецъ, въ 1721 году, Донское войско изъ вѣденія Сената поступило въ вѣденіе Военной Коллегіи, и съ сего времени исполненіе ея указовъ сдѣлалось точнѣе и рѣшительнѣе.

Въ царствованіе Петра Великаго, Казачьихъ городковъ или станицъ считалось 121; изъ коихъ 30 лежали по Донцу, 20 по Хопру, 11 по Медвѣдицѣ, 10 по Бузулуку, прочія по Дону. Въ сіе же время народонаселеніе Донской земли простиралось до 60,000 человекъ. Въ мирное время только 10,000 изъ нихъ, а въ военное отъ 15 до 20,000 отправляли службу. Съ 1711 года при объявленіи Турціи войны, 14,266 человекъ, бывшихъ въ походѣ стали получать содержаніе отъ казны ^(*).

(*) См. Голыкова Дополн. XXII, 264.

Фроль Минаевъ, котораго Государь за отличную службу, вмѣсто Фролки сталъ называть *Минаичъ*, не менѣе двадцати разъ былъ избираемъ въ Войсковые Атаманы и въ продолженіе 50 лѣтъ дѣятельной, воинской жизни, успѣлъ приобрѣсть значительное богатство. Проживши при дворѣ Петра Великаго довольно долгое время, онъ въ старости своей любилъ показывать у себя заимствованную отъ Русскихъ вельможъ пышность. Обширный домъ его, лучший въ Черкасскѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Пѣнные Татара и Турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюшнею, за псовой охотой; безъ гостей были обыкновенными его собесѣдниками, обѣдали и ужинали съ нимъ виѣстѣ; а при гостяхъ, вмѣстѣ съ тремя его сыновьями служили ему за столомъ. Хозяикъ уже не запрещалось показываться гостямъ, и Фроль Минаичъ, кажется, былъ первый на Дону, у котораго общество украсилось присутствіемъ женщины. Всякой Казакъ говорилъ ему просто: *ты Фроль Минаичъ или твоя милость*. Къ нему приходилъ всякой кто хотѣлъ, безъ зова. Старики рассказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ сторонѣ, со вниманіемъ слушали. Часто рассказы сіи, столь близкіе къ сердцу каждаго Казака, напоминали объ отличномъ подвигѣ котораго нибудь изъ собратій; тогда являлась стойка пѣнистаго меда, и сыновья Фрола, а иногда и самъ онъ, подносили старикамъ задравные ковши и воспламенѣнные сими старцы запивали

богатырскія пѣсни. Угощеніе его доказывало избытокъ. Комнаты въ домѣ его были устланы богатыми Персидскими коврами, вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой простого дерева раздвижныя стулья; на кон, для знаменитыхъ только гостей, клались подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому атласу; на стѣнахъ развѣшано было богатое оружіе и конская збруя; за столомъ, отъ стакановъ до чашъ и блюдъ, все было серебряное.

По усмирении Буловинскаго бунта, рыцарскія времена и промыслы для Казаковъ миновали. Государь, какъ мудрый властитель, не смотря на упрямое сопротивленіе и закоренѣлую привычку жить *вольно*, не покоряясь никакому порядку и закону, шелъ не останавливаясь, шелъ исполнскими стопами отъ улучшенія къ улучшенію; и, какъ заботливый хозяинъ, не упустилъ ни единой возможности сдѣлать добро, и извлечь пользу изъ предмета, по видимому безплоднаго. Великій Царь, съ свойственною только Ему дѣятельностію, трудился съ такимъ постоянствомъ и силою *воли*, что Казаки вскорѣ, почти невзначай, увидѣли себя въ лучшемъ положеніи, въ новомъ быту; и по неволѣ должны были жить какъ велятъ, а не какъ хочется. Кругъ занятій, увеселеній ихъ развинулся; домашняя, семейная ихъ жизнь сдѣлалась разнообразнѣе; въ строеніяхъ оказалось болѣе удобства и чистоты; и Казаки мало по малу начинали обзаводиться, и радѣть о сель-

скомъ хозяйствѣ. Постепенное пріобрѣтеніе собственности, постепенное и образованіе вводило; нравы и обычаи сообразно сему также измѣнялись. При Атаманѣ Васильѣ Фроловѣ ^(а) (1716 г.) виднѣется уже нѣкоторая прочностъ въ обсьдо-сти и домоводствѣ; но своеволіе народнаго управленія, и привычки рыцарскихъ временъ, еще долгое время останавливали ходъ просвѣщенія и вредили вводимому порядку.

(а) Дѣти знаменитаго Минаича, вѣрнаго Царю слуги, по обычаю предковъ, приняли фамилію *Фроловыхъ*.



V. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА.

по 1775 годъ.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВЪ.

По смерти Петра Великаго общежитіе Казаковъ быстро начало усовершенствоваться. Сему наиболѣ способствовали нѣкоторыя обстоятельства, измѣнившія отношенія Донцовъ къ ихъ сосѣдамъ. Правительство запретило Казакамъ, (исключая военнаго времени) производить морскіе набѣги, и для вѣрнѣйшаго ихъ удержанія отъ сего, въ 1729 году, ниже Черкаска построена была крѣпость *Святая Анны*. Вскорѣ затѣмъ Азовъ былъ взятъ и срытъ до основанія (1739 г.) а годомъ прежде, безъ выбора народнаго по Высочайшей волѣ пожалованъ изъ Старшинъ Войсковымъ Атаманомъ *Данило Ефремовъ* ^(*), человекъ преданный Двору, который, имѣя болѣе своихъ предѣстниковъ власти и довѣренности, умѣлъ смирить строптивыхъ и устранить многіе безпорядки, тяготившіе внутреннее правленіе. Его стараніемъ и умомъ *Правленіе Старшинъ* заслужило общую довѣренность и уваженіе; и самъ онъ сдѣлался истиннымъ главою, Начальникомъ, служащаго войска. При его атаманствѣ *воля* народная уже ни въ чемъ не про-

(*) Тотъ самый, который уговорилъ Калмыцкаго Хана Дундукъ-Омбо возвратиться съ Кубани на Волгу.

являлась. Съ сего времени Казаки, не находя для себя ниши въ немногихъ военныхъ занятіяхъ внѣ жилищъ, по неволѣ обратились къ семейной жизни и прилежнѣе стали заниматься домоводствомъ. Старики охотнѣе стали перенимать новости, кои ненарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и Русскія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Умный *Ефремовъ*, имѣя, по тогдашнему времени, хорошій вкусъ, и съумѣвъ пріобрѣсть значительное богатство, самъ любилъ боярствовать, любилъ жить весело и поощрялъ къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время на Дону жили, какъ говорится, припѣваючи. Въ нижнихъ юртахъ всегда было большое стеченіе народа; здѣсь царствовало веселіе. Весною и лѣтомъ, кромѣ Казаковъ, обыкновенно собиравшихся въ Черкасскъ, для очередной службы, по тяжбынымъ и торговымъ дѣламъ, Русскіе купцы изъ Воронежа, Бѣлгорода, Валукъ, Ливенъ, Ельца, Оскола и другихъ, покрывали Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, холстину, вино, медъ, порохъ и свинець. Въ то время кипѣла въ Черкасскѣ торговая дѣятельность; избытки Казачей добычи уже не въ такомъ количествѣ, какъ въ прежнія времена, шли въ мѣну. Калмыки и Ногайцы пріѣзжали на Донъ или для продажи *асыря*, лошадей, скота, или для того, чтобы погулять съ знакомыми имъ Казаками.

Важнѣйшее измѣненіе старины, послѣдовавшее при *Ефремовѣ*, состояло въ томъ, что хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли

показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не смѣли онѣ вмѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своею любезностію. Дѣвицы пользовались еще меньшею свободою: воля ихъ ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ, они только на свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, все прочее время проводили онѣ въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу своихъ подругъ. Занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смотреніемъ за кухнею. Немного труда и искусства потребно было, чтобы получить званіе *гиберки*, (которое давалось досужимъ швеямъ), сшить *кубилекъ*, выстегать узорами одѣяло или кафтанъ, выстрочить *ожерелокъ* кривымъ *танкомъ*, *бурсакками*, *разводами* и проч. Этому обучали ихъ Татарки, и до сего времени почитающіяся на Дону славными *гиберками*. Весьма немногія обучались читать по Псалтырю или по Акафисту; писать же вовсе не учили, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами, изъ коихъ впрочемъ весьма немногіе умѣли читать и писать, большая же часть съ трудомъ могли подписывать свою фамилію. Каждый праздникъ, дѣвицы въ нарядномъ платьѣ ходили вмѣстѣ съ бабушками или нянюшками, къ заутренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; и только тутъ и на свадьбахъ могли онѣ украдкою взглядывать на мужчинъ, а говорить съ ними, Боже оборони! Ввечеру садились онѣ или расхаживали на крыльцахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодого мужчину. Иногда собрав-

пшсь, -играли онѣ въ *кремешки*, въ *жмурки*, въ *лапту*, пѣли и плясали подѣ пѣсни, подѣ варганѣ или подѣ гребешокѣ. Иногда подѣ надзоромѣ старухѣ чинно и стройно водили хороводы по улицѣ. Мужчины, стоя-поодаль, могли только въ нѣкоторомѣ разстояннн любоваться играми дѣвицѣ. Игры снн и пляски во всемѣ сходствовали съ Русскими. Зимой дозволялось дѣвушкамѣ кататься на *каталкахѣ*, т. е., съ разбѣгу скользить по льду на ногахѣ. Всѣ снн радости оканчивались за-свѣтло; и если бы которая, хотя немного запоздала, то мамушка нѣсколько дней сряду твердила бы ей: „не стыдно ли дѣушкѣ, до-позднн таскаться, что женихи скажутѣ?“

При Ефремовѣ, строгое затворничество женщинѣ примѣтно стало ослабѣвать. Въ собранннхѣ подругѣ, молодая хозяйка, держа въ одной рукѣ стаканѣ съ медомѣ, а другою подбоченившись, уже *дерзала* пристукивать каблуками своихѣ туфель, и припѣвать: „*туфли къ милому глядятѣ, полюбить его хотятѣ.*“ Дѣвицы же присвоили себѣ свободу выходить на улицу, то есть, сѣвши подлѣ *рундука* (помость, отѣ котораго начинается лѣстница) смотрѣть на нее, погрызывая арбузные или тыквянныя жареныя семена. Тутѣ же, на раскинутомѣ коврѣ, жены старшинѣ, сдѣлавѣ складку, и пославѣ *лырку* ^(а) купить меду въ кабакѣ;

(а) Пльнны Турчанки и Татарки употреблялись для услугѣ; и теперь старообычными старушки называютѣ горничныхѣ *лырками*.

передавая изъ рукъ въ руки кружку, выхваляли старину и пѣли духовныя стихиры. Проходилъ ли мимо ихъ мужчина, онъ привѣтливо поклонившись, приглашали его: *подойди къ намъ роднинькой*, и подчивали его медомъ, а тотъ выпивъ до дна и поблагодаривъ, клалъ имъ на поднось деньги. Молодыя женщины позволяли себѣ еще болѣе: онѣ уже начали выходить на улицу, посидѣть и полюбоваться общимъ веселіемъ народа, т. е. просто, посмотрѣть на мужчинъ и себя показать въ праздничныхъ *кубелекахъ*. Не смотря на сію *вольность*; женщины обязаны еще были, на узкихъ помостахъ грязной улицы, уступать мѣсто всякому вооруженному Казаку, почтительно кланяться всякому пожилому, и не прежде садиться, какъ когда онъ отходилъ на довольное разстояніе. Молодые люди стыдились сдѣлать при старикѣ малѣйшую непристойность; иначе старецъ могъ наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Въ еемъ періодѣ, въ бесѣдахъ даже и женщины любили говорить по Татарски, что принималось за знакъ хорошаго образованія.

Воспитаніе дѣтей было истинно военное: новорожденному, всѣ родные и знакомые отца приносили въ даръ *на зубокъ*, стрѣлу, патронъ, пулю, лукъ, ружье и т. п. Когда по истеченіи сорока дней, мать, взявъ въ церкви очистительную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ волосы въ кружокъ, и воз-

вращая сына матери, поздравлялъ ее съ *Казакомъ*. Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать, посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Іоанну воину о томъ, что бы сынъ ихъ былъ *храбрымъ Казакомъ*. Первые слова, которымъ научали малютку были: *ту* (ѣхать) и *пу* (стрѣлять). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошади по двору, а въ пять лѣтъ безстрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣтскихъ маневрахъ.

Прадѣды Донцовъ любили попить и поѣсть: на званыхъ пирахъ бѣдный и богатый ставили на столъ непременно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *кругликомъ* (пирогомъ) съ рубленнымъ мясомъ и перепелками; за нимъ слѣдовало 8 или 10 холодныхъ: студень, сѣкъ, *лизни* (языки), приправленные солеными огурцами; цолотки изъ поросенка, гуся, индѣйки, часть дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый журавль, все на разныхъ блюдахъ. Послѣ холодныхъ подавали горячія, также блюдо до 10: щи, похлебку изъ курицы, свареной съ сарацинскимъ пшеномъ и изюмомъ, борщъ, *моркву*, т. е. супъ изъ баранины съ морковью; *шурубарки* (ущки), *дулму*, изъ капусты съ рубленнымъ мясомъ съ огурцами и батлажанами; лапшу, супъ изъ дикой утки и пр. Всѣ супы приправлялись лукомъ. Соусовъ вовсе не знали, а послѣ суповъ тотчасъ подавали жаркія: гуся, индѣйку, поросенка съ начинкою, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы,

дрюфы, дикихъ утокъ и другую дичину, все также на особыхъ блюдахъ. Между простымъ народомъ и теперъ ѣсть телятину почитается за грѣхъ. Въмѣсто пирожнаго подавали: блинцы, лапшевникъ, кашникъ, молочную кашу, и наконецъ уре, кашу изъ пшена на кисломъ молокѣ приготовляемую, молоко сіе также называлось по Татарски *сюзьмою*. По милости, вѣчной памяти достойнаго Петра Алексѣевича, къ десерту подавали вкусныя абрикосы, персики, виноградъ, вишни, бергамоты, яблоки и Царскія или Персидскія груши. За всякимъ кушаньемъ подавали медъ и вино, а дабы никто не отговаривался и выпивалъ до дна, то съ перваго стакана начинались тосты: первый, за здравіе Государя, хозяинъ возглашалъ: „*Здравствуй, Царь Государь въ Кременной Москвѣ, а мы Донскіе Казаки на тихомъ Дону.*“ Потомъ слѣдовалъ тостъ войска Донскаго: „*Здравствуй, Войско Донское съ верху до низу и съ низу до верху.*“ Потомъ пили здорově Атамана, и по очереди всѣхъ гостей.

Въ старину на Дону не знали экипажей: Казаки всегда ѣздили верхомъ; однѣ только женщины употребляли простыя таратайки, покрытыя узорчатымъ войлокомъ. Въ повозки сіи запрягались кляченки, неспособныя къ верховой ѣздѣ: Казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый *рыдванъ* появился въ домъ Атамана Данилы Ефремова безъ рессоръ, на ремняхъ; усѣянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею

такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда Атаманша ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ, крича: *сама ѣдетъ*. Вскорѣ показалась у Ефремовыхъ *коляска* и *зимній возокъ*, росписанный яркими красками, обитый войлоками, бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею посрединѣ. Экипажи сіи запрягались изувѣченными лошадьми; Калмыкъ занималъ мѣсто кучера; а дородная дѣвка босикомъ на запяткахъ вмѣсто слуги. Казакъ ни за что въ мірѣ не согласился бы поѣхать съ женщинами; это почиталось такимъ безчестіемъ, котораго ничемъ нельзя было загладить. Старшина Пав. Фом. Кирсановъ ^(*), уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, первый выѣхалъ въ *саняхъ* на бѣгунѣ съ пристяжными, что изумило весь городъ. Спустя нѣкоторое время, другой Старшина, Мартыновъ, показался въ *одноколкѣ* на гордомъ конѣ.

Въ семь періодъ, въ семейной жизни, Казаки не различались по званію, или по состоянію: простой Казакъ, лѣтами и заслугами почтенный, въ частныхъ обществахъ равныя имѣлъ права съ Старшиною. Чинолюбіе было въ началѣ своемъ, оно еще не заразило, не испортило простоты. Чины, какъ рѣдкость, какъ малое исключеніе Царской милости къ весьма немногимъ, не

^{*)} Сыну котораго обязанъ я многими любопытными свѣдѣніями о Дойскомъ бытѣ.

составляли еще предпочтительнаго достоинства; умъ и храбрость болѣе уважались. Знаменитый *Краснощокъ* не по чину своему, а по удалству и наѣздничеству почитался на Дону первымъ, и не смотря на то, что онъ не былъ Войсковымъ Атаманомъ; но мнѣніе его въ важныхъ войсковыхъ дѣлахъ предпочиталось всѣмъ другимъ. Хотя званіе Войсковаго Атамана перестало быть избирательнымъ, и власть его сдѣлалась значительнѣе, прежнее обхожденіе не измѣнялось. Атаманы: *Данило Ефр. Ефремовъ*, бывший уже Генералъ-Маіоромъ и послѣ Тайнымъ Совѣтникомъ; сынъ и преемникъ его *Степанъ Даниловичъ* (1753 г.); и *Алексій Ива. Иловайскій* (1774 г.) люди уже знатные и чиновные, не чуждались общества Казаковъ, и даже въ военное время не отвергали во многихъ случаяхъ совѣта рядоваго Казака. Къ нимъ всякій приходилъ какъ къ своему товарищу и за-просто говорилъ имъ *ты*. Въ Рождество старики и знатные Старшины ^(а), ходили вмѣстѣ изъ дома въ домъ *Христа славить*, начиная обыкновенно съ Войсковаго Атамана. Самъ Атаманъ приставалъ къ обществу Старшинъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ ко всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они: *Христосъ раждается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплатить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги, иные отдавали въ церковь; дру-

(а) До 1754 года, Старшины избирались и сменялись народомъ, безъ отношенія къ высшему Правительству; съ сего же года избранныя Старшины подтверждались въ своемъ званіи Военною Коллегіею.

гіе покупали на нихъ медь и отъенное Царское вино для бесѣдъ своихъ.

СМОТРЪ ВОЙСКУ И ВОЙСКОВОЙ СУДЬ.

Въ третьемъ періодѣ, *все великое Войско Донское* уже не всегда собиралось къ Черкаску; и не было въ томъ надобности: набѣги и военные промыслы производились только частно, одними *отвагами*. Но какъ Казаки, особенно *Низовые*, еще не привыкли къ тихимъ домашнимъ упражненіямъ, то Войсковые Атаманы старались забавлять ихъ, пользуясь всякими приличными къ тому случаями. Когда полки, назначенные для смѣны другихъ, находившихся въ пограничной стражѣ и въ обоихъ Столицахъ для посылокъ и ночныхъ разъѣздовъ, становились лагеремъ для смотра, жители города оживлялись воспоминаніемъ древнихъ рыцарскихъ своихъ потѣхъ. Всякой день, пока полки оставались близъ города, въ присутствіи Войсковаго Атамана обучались они, и повторяли всѣ обороты, употребляемые ими противу непріятеля. Полки, въ Черкаскѣ находившіеся, строились лавою на ударъ, нападали съ *гиномъ* и стрѣльбою, разсыпались, наѣздничали, перестрѣливались; и на всемъ скаку стрѣляли въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ.

Въ Маѣ многолюдство въ городѣ увеличивалось; ибо въ сіе время *все великое войско Донское*

разсматривало дѣла станицъ и распредѣляло Казаковъ. Для сего Войсковой Атаманъ съ Старшинами, составлявшими Правительство, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потоплялись бывающими въ семь мѣсяцъ разливами Дона, и тамъ, разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ просьбами объ отставкѣ, о поновленіи границъ, о которыхъ выходилъ между Станицами споръ; и ни одинъ не отходилъ недовольнымъ. Изувѣченный на войнѣ, получалъ отставной листъ и небольшую награду; спорное же дѣло, сомнѣ старѣйшинъ поручалъ одному изъ среды своей разобрать на мѣстѣ; тотъ склонялъ тяжущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе старожила. Сей, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ съ иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу; и дѣло кончалось, безъ дѣяка, безъ проволочки, скоро, рѣшительно, безъ большихъ издержекъ; но къ сожалѣнію, не лзя сказать, чтобы всегда справедливо: человѣческій судъ не можетъ быть правдивымъ, нелицепріятнымъ, беспристрастнымъ. За всѣмъ тѣмъ, тяжбныхъ дѣлъ было еще мало. Вообще всѣ Казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ Станицахъ ⁽⁶⁾, поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и тяжбы. Тамъ Станичные Атаманы и старики, избираемые тяжущимися, рѣшали дѣла словесно, сами кланялись

(6) Въ семь періодъ городки назывались уже Станицами.

въ ноги тяжущимся, чтобы они помирились и не ѣздили судиться въ Черкасскъ. Обличенные въ какомъ либо насиліи, тутъ же среди Круга на сходкѣ наказывались *насыками* ^(а) Есауловъ, которые всегда находились при Атаманахъ, и подобно Римскимъ лекторамъ, впереди ихъ ходили. Если станичные Атаманы не успѣвали примирять тяжущихся, то высылали ихъ въ Черкасскъ. Спорщики сѣвши на коней, степью, или на *каюкъ* Дономъ пускались въ Черкасскъ; но наскучивши дальнею дорогою, уединеніемъ, и боязнію издержекъ, выпивши по чаркѣ, будто неумышленно заводили между собою разговоръ; выпивши по другой, забывали о враждѣ, и съ половины дороги возвращались домой примирившись.

Старѣйшины главнаго судилища занимались дѣлами только до полудня, а остатокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сіи имѣли общій характеръ, свойственный народу воинственному. Потѣснотѣ улицъ въ Черкасскѣ, толпы веселаго, дѣятельнаго народа выходили за городъ къ палисаднику, которымъ обнесенъ былъ весь городъ, или въ сады. Здѣсь молодежь, одни съ ружьями, другіе съ луками и стрѣлами, размѣривъ мѣсто, разставляли цѣли, и вотъ: первая стрѣла вонзилась надъ кругомъ, вторая вошла въ кругъ, третья въ самую середину круга. Пули одна другой мѣтче: рѣдкая возвысится или понизится на

(а) Трость съ серебрянымъ набодашникомъ и донскія употребляемая во время церемоніаловъ Станичными Атаманами и ихъ Есаульцами.

палецъ. Яйцо броненное вверху, на лету разбиваемо было въ дребезги. Военственные юноши проводили въ сихъ забавахъ большую часть дня, непрерывное упражненіе въ стрѣльбѣ доставляло имъ удивительную мѣткость: были между Казаками такіе стрѣлки, которые выбивали пулею монету, положенную между пальцами, не зацѣпивъ держащаго ее. Рассказываютъ, что Государь Петръ Первый, во время похода подъ Азовъ, остановившись въ Верхне-Курмоюрской Станицѣ, и замѣтивъ утку, плавающую подъ противоположнымъ берегомъ Дона, изволилъ спросить: итъ ли тутъ Казака, который застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пицаль и убилъ утку не цѣлившись. *Исполать, Казакъ!* сказалъ Государь, *и я убью, но только поцѣлюсь.*

Въ продолженіе смотра Войску, мальчики выходили изъ города цѣлыми легіонами: они раздѣлялись на двѣ арміи, выбирали себѣ предводителей и близъ цалисадника строили лагерь изъ камыша. Въ бумажныхъ шанкахъ и лядункахъ, съ бумажными знаменами и хлопущками, на палочкахъ вѣрхомъ, сходились, высылали стрѣлковъ и *нальѣтниковъ-забіякъ*, нападали, сражались, рубились лубочными саблями, кололи другъ друга легкими тросточками, отбивали знамена, брали въ плѣнъ; и съ трофеями побѣды, при звукѣ трещетокъ, тазовъ, сковородъ, съ пѣснями и грѣбешковою и дудочною музыкою, торжественно возвращались въ городъ. Старши и самъ Ала-

манъ подзывали къ себѣ проворнѣйшихъ, ласкали ихъ, и въ награду дарили лакомствами.

Старики, размѣстившись въ бѣсѣдахъ, подлѣ рундуковъ или въ голубцахъ, и усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ ендову крѣпкаго тройнаго *касилъятаго* меда и разнося кружки за упокой усопшихъ, и въ честь живущихъ, пѣли священные гимны и богатырскія пѣсни, повторяемыя всею бесѣдою, съ присказкою по окончаніи каждой пѣсни: „*Да! заслужили наши Казаки Богу, Государю и всевеликому войску Донскому!*“ Иногда пускали по Дону деревянные поплавки, съ прирѣзленною къ нимъ цѣлю. Стрѣлки собирались къ станичнымъ избамъ, которыхъ по числу Станицъ города Черкаска было девять. Избы сіи были построены на берегу Дона: начиналась стрѣльба со всѣхъ станичныхъ избъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, ту прочія станицы обязаны были угощать свиушкою и медомъ.

При смотрѣ войска, ежедневно послѣ обѣда, нѣсколько Казаковъ, въ угожденіе Начальникамъ, на короткомъ разстояніи пробовали коней своихъ на скачкѣ, на поворотахъ, гарцовали предъ ними, стрѣляли въ цѣль и т. п. Иногда для потѣхи Атамановъ-молодцовъ, Калмыки, приписанныя къ войску, приводили въ лагерь своихъ силачей-борцевъ. Богатыри сіи обнажались до половины и вымазывались жиромъ: побѣдителемъ признавался изъ нихъ тотъ, который противника своего

бросить на землю вверхъ лицомъ. Борьба сія часто стоила жизни или увѣчья одному изъ подвижниковъ; но это не мѣшало побѣдителю и державшимъ за него закладъ пировать на счетъ побѣжденнаго и его стороны. Непримѣтно вечеръ заставалъ пирующихъ, и все собраніе расходилось по домамъ на-веселѣ.

ПЕРЕПИСЬ МАЛОЛѢТКОВЪ.

Малолѣтками называются юноши, достигшіе девятнадцати-лѣтняго возраста, срока, въ который ихъ переписываютъ для приуготовленія къ службѣ, на два года отпускаютъ домой, а послѣ сего времени они уже поступаютъ въ дѣйствительную службу, и несутъ ее въ свою очередь наравнѣ съ прочими. Для переписи ихъ, для приведенія къ присягѣ на вѣрность службы и внесенія ихъ въ списки, Войсковой Атаманъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе станицъ, Атаманъ съ выборными стариками, и всѣ *малолѣтки* на лучшихъ коняхъ и въ полномъ походномъ вооруженіи.

Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣли по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи Войсковаго Атамана, продолжались военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей; другая на семь скаку стрѣляла въ цѣль; тамъ удалцы перекинувъ черезъ сѣдло стремена, стоя на ногахъ,

неслись во весь опоръ, на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь саблею, или цѣлясь ружьемъ; либо разостлавъ на землю бурку, и бросивъ на нее плеть, монету и т. п. хватали ихъ на всемъ скаку. Наконецъ, выѣзжали поединщики и начинали бой плетями. За симъ открывалось новое зрѣлище: большая часть молодыхъ воиновъ неслись толпою къ рѣкѣ, стремглавъ, съ крутизны бросались въ воду, и безвредно переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, мѣткостію въ стрѣльбѣ, ловкостію и удалствомъ, Войсковой Атаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и прочее. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

СТАНИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Праздники станичные во всѣхъ девяти станицахъ, къ Черкаску приписанныхъ, отправлялись одинаковымъ образомъ. Они состояли въ скачкѣ, стрѣляннн въ цѣль, и маневрахъ, легкому войску свойственныхъ. Каждое увеселеніе оканчивалось *попойкою* на станичный счетъ, предлогъ, въ старья времена, по необходимости почитавшійся полезнымъ, а нынѣ оставленный, исключая отпускъ воиновъ въ походъ, и встрѣчу, по возвращеніи оныхъ въ дома.

Въ день Чудотворца Николая (6 Декабря), молебень служили по всѣмъ станичнымъ избамъ

съ особеннымъ обрядомъ. На столъ ставили большую чашу вина, и вокругъ четыре подсвѣчника со свѣчами. Когда Священникъ съ причетомъ начинали величаніе Угодника, четыре старика брали чашу, и припѣвая величаніе, качали оную надъ свѣчами. По окончаніи молебна подносили чашу попу, потомъ пили изъ нее старики и другіе по очереди. Пированіе на Николинъ день продолжалось по цѣлой недѣлѣ.



VI. НЫНѢШНІЙ БЫТЪ

ДОНЦЕВЪ.

ПРАВЫ И ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ПРОСТАГО НАРОДА.

Настоящій переломъ въ нравахъ и обычаяхъ начался съ 1775 года, т. е., съ того времени какъ учреждена Войсковая Канцелярія, кою равенство Казаковъ и права ихъ *Круга* и *Вла* были совсѣмъ уничтожены. Съ того же времени, какъ зины войска Донскаго (1798 г.) сравнены съ армейскими чинами, все на Дону измѣнилось; и улучшенія быстро слѣдовали одни за другими. *Тилій Донъ*, въ самое дѣль пріутихъ, успокоился: исчезли дерзновенные охотники, не стало славныхъ *рыцарей-добывателей*; каждый носить уже свой *зипунъ*, одѣвается по формѣ, ходитъ вытянувшись, смотреть фрунговымъ; и заботливость о хозяйствѣ дошла уже до того, что и послѣдняя копейка, какъ говорится, трудомъ достается. Прежнія безпорядки

и неустройства, подобно землетрясенію все на Дону такъ превратили, что въ настоящемъ положеніи Донская сторона представляетъ нестройную глыбу земли, еще не вездѣ обработанную и необросшую произрастеніями. Не удивительно, что старики не узнаютъ новаго поколѣнія: народъ раздѣлился на два сословія: въ простомъ много уже бѣдныхъ, и не смотря на улучшеніе въ правленіи и домоводствѣ, явилось много ябедниковъ, а вина и съѣстныхъ припасовъ въ половину противу прежняго не издерживается; новое же дворянство уже боярствуетъ и составляетъ самую слѣсивую аристократію. Теперь на Дону чинолюбіе составляетъ первенствующую страсть, а слѣпая подчиненность главную черту ихъ характера.

Новому преобразованію Донскаго быта, безпрекословно, всѣхъ болѣе способствовалъ знаменитый Атаманъ Графъ Матвей Ивановичъ Платовъ. Сей достойный всякаго уваженія мужъ, родившись отъ незнатныхъ и небогатыхъ родителей, съ одною Русскою грамотою, безъ дальнѣйшаго образованія, одними природными своими способностями, умѣлъ пробиться сквозь толпу равныхъ, стать на первую степень достоинства въ своемъ отечествѣ, и потомъ, играть предъ цѣлымъ свѣтомъ самую блистательную роль. Платовъ учился въ школѣ одного долговременнаго опыта, умѣлъ пользоваться счастіемъ, удачею, заслугою; смѣло и умно шелъ по

слѣдамъ слѣпой Фортуны; умѣлъ угодливіостію и простотою обращенія заслужить вниманіе первыхъ вельможъ и любимцевъ трехъ царствованій, и по счастью для него, образовался *по своему*, сдѣлался *человѣкомъ нашего вѣка*. Жилъ бариномъ, умѣлъ нравиться Двору, любилъ и дѣлалъ добро для одного добра, и оставилъ по себѣ память добраго человѣка, храбраго воина и добродѣтельнаго гражданина.

Гостепріимство, набожность, почтеніе къ родителямъ и старшимъ людямъ, слѣпое повиновеніе начальникамъ и особенно, благоговѣніе къ Царскому сану, составляютъ нынѣ отличительныя добродѣтели всѣхъ сословій Донцовъ. Они любятъ пустынные свои степи также, какъ Швейцарцы свои снѣжныя горы: достойныя вѣроятія люди увѣряли меня, что Казаки, отправляясь въ походъ, берутъ горсть земли, и хранятъ ее въ узелкѣ на шеѣ, дабы, умерши на чужой сторонѣ, лечь въ могилу съ перстію родной земли. Между ими есть много, такъ называемыхъ разумныхъ головъ; при всей наружной простотѣ, они хитры и ведутъ себя по извѣстной старинной пословицѣ: „*ползкомъ, гдѣ низко; тишкомъ, гдѣ склизко*.“ Вообще, иногда слишкомъ высокомерны, иногда слишкомъ уклончивы; хвастливы и искательны; корыстолюбивы и не совсѣмъ скупы; имѣютъ умъ тонкій, гибкій и оборотливый; — и, по одному навыку разсуждаютъ о дѣлахъ выше своего состоянія умно и основательно. Казаковъ, не лѣзя

равнять съ простою чернію: они люди служивые, много видѣвшіе, много испытавшіе, и если они не научились многому полезному, то по крайней мѣрѣ приглядѣлись къ нему.

Можно сказать, что всѣ Казаки крѣпкаго сложенія: между ними много статныхъ, великорослыхъ молодцовъ, и такихъ *пілкъ*, которые готовы гулять по нѣсколько дней сряду, оставаясь на ногахъ. Вообще они веселаго нрава, живы, добры, въ нуждѣ терпѣливы, и весьма многіе достигаютъ глубокой старости, къ чему способствуетъ здѣшній климатъ, весьма здоровый, особливо людямъ, въ немъ родившимся. Кромѣ лихорадокъ въ низовыхъ частяхъ Дона, происходящихъ отъ остающейся по мѣстамъ стоячей воды, здѣсь нѣтъ почти никакихъ другихъ болѣзней.

Казаки предпочтительно занимаются скотоводствомъ, и хотя не привыкли еще къ земледѣлію, и не любятъ изнурять себя полевыми и другими тяжелыми работами; но вообще пользуются довольствомъ. Много есть богатыхъ, но къ сожалеанію не мало и бѣдныхъ; во первыхъ потому, что богатые и властные люди, завладѣвъ лучшими землями, бѣдныхъ и безгласныхъ притѣснили; во вторыхъ отъ переменъ образа войны, которая прежде доставляла имъ добычу, и наконецъ потому, что оставя простоту, познали нѣкоторую роскошь. Казаки въ хозяйствѣ бережливы, пищу употребляютъ питательную, здоровую, дома содержатъ въ чистотѣ; впрочемъ ведутъ жизнь до-

вольно праздную и занимаются только чѣмъ-либо легкимъ. Женщины ихъ, по частой отлучкѣ мужей, пашутъ, сѣно косятъ, продаютъ вино, и кромѣ внутреннихъ домашнихъ обязанностей, отправляютъ почти всѣ работы, приличныя мужчинамъ. Напротивъ, не ткутъ и не прядутъ, и ни въ какихъ почти женскихъ рукодѣліяхъ не упражняются. Бѣдныя сіи женщины не могутъ похвалиться красотой: имѣютъ черты грубыя, мужскія; но тѣ изъ нихъ, которыя пользуются довольствомъ; вообще очень не дурны собою; ибо не роскошь, а довольство благопріятствуетъ красотѣ.

При расположеніи станицъ не думали о правильности и умѣстности; строенія въ нихъ представляютъ кучу уютныхъ домиковъ и бѣдныхъ мазанокъ, кое-какъ разбросанныхъ. Улицъ въ нихъ нѣтъ, а какіе-то закоулки узкіе и кривые. Большая часть станицъ, построенныхъ по берегу Дона, отъ разлитія, терпятъ немалые, но по привычкѣ, сносные убытки. Вообще они расположены на мѣстахъ выгодныхъ для обороны, но неудобныхъ для нынѣшняго быта; ибо хотя гумна и скотные дворы построены позади избъ, и въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, но по причинѣ разбросаннаго положенія дворовъ и тѣсноты, отъ пожара ни мало симъ не охраняются. Только нынѣ Войсковое Правительство стало заботиться о томъ, что бы селенія имѣли правильное расположеніе; для чего большая часть станицъ получили планы и въ случаѣ новой постройки, дома должны строиться

не по произволу, а на показанномъ мѣстѣ. Деревни, чиновникамъ принадлежащія, построены еще хуже: каменныхъ домовъ нѣтъ, деревянныхъ мало, а глиняныя мазанки вообще тѣсны и весьма рѣдкія имѣютъ поль.

Порядокъ жизни и времяпрепровождение нарушаются только особенными праздниками. Казаки встаютъ съ восходомъ солнца, по утру рано *спядаютъ*, предъ полуднемъ обѣдаютъ, послѣ трапезы отдыхаютъ, около 6 часовъ *полуднуютъ*, а по закатѣ солнца *вечеряютъ*. Пища Казаковъ состоитъ нынѣ изъ смѣси Русскихъ и Малороссійскихъ блюдъ, къ тому переняли они много отъ Татаръ, какъ то: *сюзьму*, *режукъ*, *крутъ* и *мандрыки*, приготовляемые изъ молока. Напитки составляютъ подобную же смѣсь: сивушка и Татарская буза, иногда медъ и Архипелажскія вина; квасъ и пиво не употребляются. Вечеркомъ всѣ выходятъ на улицу: старики, сидя на прилавочкахъ, бесѣдуютъ о старинѣ и своемъ житье-бытьѣ; молодыя женщины и дѣвки поютъ, и тихо, плавно водятъ хороводы, по Русскому обычаю. Нынѣ женщины допускаются въ мужскія общества, и нѣтъ уже бесѣды, ни праздника, въ коихъ бы онѣ не участвовали; но будучи допускаемы, забавляются однако же особо. Молодцы напротивъ, живо, скоро и развязно пляшутъ казачка подъ балалайку, или подъ пѣсни плясовыя, извѣстныя и нашимъ крестьянамъ. Иногда поютъ пѣсни богатырскія (любовныхъ никогда), про до-

брыхъ коней и поле чистое; иногда же забавляются другими играми: въ чехарду, горѣлки, борются, бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ мячи, перекидываются колесомъ и тому подобное. Нѣкоторыя игры и инструменты заимствованы также отъ Татаръ, какъ то: *айдангики* ^(а) и *кумысь*. Въ сельскихъ скрышачахъ-самоучкахъ недостатка нѣтъ.

Татара, приписанные къ войску, достойны еще большаго уваженія, нежели Калмыки, по праву своему, кроткому, правдивому и по искусству во многихъ ремеслахъ. Они занимаются земледѣлемъ и садоводствомъ, живутъ въ домахъ, любятъ порядокъ и опрятство, къ тому трудолюбивы и по вѣрѣ своей весьма благочестивы. Женщины ихъ почитаются лучшими швеями и руководѣльницами на Дону.

РАЗДѢЛЕНІЕ ПО ПРАВАМЪ И ОБЫЧАЯМЪ.

Донскіе Казаки во нравахъ и обычаяхъ, весьма различествуютъ между собою. Различіе сіе произошло отъ времени переселенія ихъ на Донъ, и отъ измѣненій, послѣдовавшихъ по сношеніямъ съ сосѣдними народами и иновѣрцами. Въ общемъ

(а) Кости изъ бараньихъ ножекъ.

миѣній, существующемъ на Дону, Казаки раздѣляются на три касты.

Низовые, почитаются первыми основателями общества Донскихъ Казаковъ, первоначально составившагося изъ Русскихъ крестьянъ, тогда вольныхъ и имѣвшихъ право переходить изъ страны въ страну, отъ помѣщика къ помѣщику. Сѣмъ удалцы, искавшіе лучшихъ приволой, и любившіе свободу буйную, неподчиненную никакой власти; много переняли отъ пограничныхъ съ ними воинственныхъ племенъ, особенно Татаръ и Калмыковъ. Уклоненіе отъ природныхъ Русскихъ обычаевъ, болѣе замѣтно между *Низовыми*: въ употребляемомъ ими Русско-Малороссійскомъ нарѣчїи, много есть словъ Татарскихъ, Калмыцкихъ и Турецкихъ; самый обликъ ихъ представляетъ смѣсь иноплеменную. Кавказскія красавицы не рѣдки теперь на Дону: женщины высшаго круга и болѣе зажиточныя, имѣютъ прїятныя черты, станомъ стройны и ростомъ высоки. Все повѣствуемое въ Русской Исторїи о Казакахъ, главнѣйше должно относить къ *Низовымъ*, которые и теперь менѣе другихъ занимаются земледѣіемъ, не упражняются въ ремеслахъ; но безъ труда и многихъ заботъ получая значительный доходъ отъ скотоводства и рыбной ловли, всю жизнь проводятъ въ праздности, любятъ понить, покричать и табачку покурить. Жены ихъ также любятъ погулять на досугѣ, къ любви склонны, а къ нарядамъ страстны. По

частымъ и долгимъ отлучкамъ, мужья ихъ также не слишкомъ ревнивы.

Серединцы, обитающіе отъ Бесергеновской вверхъ по Дону до Островской Станицы, считаются вторыми переселенцами, перешедшими на Донъ въ слѣдъ за низовыми. Они происходятъ, какъ думаютъ низовцы, отъ крѣпостныхъ крестьянъ и разнаго званія вышедшихъ изъ Россіи людей. Нѣкоторые полагаютъ, что сіи послѣдніе смѣшались съ оставшимися на Дону до прихода ихъ племенами, Скивами, Волгарами и Казарами; но это несправедливо и неосновательно, подобнаго смѣшенія не было и быть не могло. Они стройны, пригожи, имѣютъ быстрый умъ, способны къ легкоконной службѣ, и во всѣхъ обычаяхъ своихъ мало различествуютъ отъ низовыхъ Казаковъ.

Верховыми Казаками называются жительствующіе на верховьяхъ Дона отъ Островской Станицы до Березовской, по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Иловлѣ; они имѣютъ свойства народа смежныхъ съ ними Губерній. Между ними много есть раскольниковъ, бѣжавшихъ на Донъ въ началѣ царствованія Петра Великаго. Сіи Казаки, въ домоводствѣ рачительны, занимаются хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ; сильны, тучны, пасмурны, расчетливы, на конѣ тупы, и считаются не слишкомъ способными къ Казачьей службѣ; ибо держатъ плохихъ лошадей и сами неповоротливы. Къ привилегіямъ и обычаямъ своихъ

собратій не имѣють они большой привязанности. Верховые Казаки, мало обращались въ торговль, а потому мало приобрѣли и людкости. Женщины ихъ также права тяжелаго, въ любви равнодушны, въ обращеніи однообразно холодны.

ОДЕЖДА И ОРУЖІЕ.

Немногія изъ семействъ дворянскихъ старо-обычныхъ, и пристрастныхъ ко всему бывалому, до сихъ поръ одѣваются по старинному. Одежда сія состоитъ изъ смѣси Польскаго, Русскаго, Татарскаго и Черкесскаго покроя.

Мужскую одежду составляетъ *кафтанъ*, который спускается ниже колѣнъ; онъ дѣлается изъ парчи и дорогихъ матерій и застегивается плочами (родъ пуговиць) серебряными и позолоченными; подпоясывается *поясомъ*, протканнымъ золотомъ и съ золотою бахрамою. Сверхъ кафтана надѣвають *Черкеску* суконную съ разръзными рукавами и *заковражьями* (обшлага), обложенную кругомъ золотымъ позументомъ съ блестками; на груди сумки, по образцу Черкескихъ; на поясѣ *кинжалъ* на *гайтань*. На кафтанномъ поясѣ носятъ *шашку*, сафьянныя ножны коей, вышиваются золотомъ и серебромъ, и украшаются бляхами и камнями. *Сапоги* изъ краснаго и желтаго сафьяна, Астраханскаго покроя. *Исподнее платье*, изъ матеріи, широкое, снизу вбирается въ сапоги.

Рубаха полотняная, разрѣзанная на двѣ полы Калмыцкимъ покроемъ; застегивается дорогою *запанкою*; галстуговъ не носятъ. *Шапка* съ собольимъ околышемъ, верхъ коей, изъ краснаго или голубаго бархата, вышивается золотомъ въ узоръ и обкладывается позументомъ. Въ зимнее время носятъ *шубы* изъ лисьихъ и собольихъ мѣховъ, покрытыя бархатомъ, и по краямъ опушенныя бобромъ или сободемъ. Въ осеннюю погоду, сверхъ черкески носятъ *киреи* съ шелковыми петлицами и мохрами; другіе надѣваютъ *азямы* длинныя и широкія, родъ бекеша съ прямыми рукавами; верхомъ же употребляютъ черныя Индейскія *бурки*, изъ шерсти овечьей и надерганья; на шапкѣ *башлыкъ* Черкесской.

Женской нарядъ составляютъ: *повойникъ*, парчевой, 6^т вершковъ вышиною; сверхъ повойника повязывается платокъ, къ которому прикалываются цвѣты, или разноцвѣтныя строусовыя перья. Въ праздники носятъ *шапки* собольи съ четверугольнымъ верхомъ изъ малиноваго бархата, въ узоръ вышитаго жемчугомъ, алмазами и яхонтами. Изъ подъ шапки висятъ надъ ушами *гикилики*, вынизанныя въ сѣтку жемчугомъ; *повязка* (налобникъ) изъ розоваго атласа, тоже вышитая жемчугомъ. *Перла*, родъ нагрудника доходящаго до пояса, унижается жемчугомъ, на плечахъ банты изъ позумента украшаются драгоценнымъ камнемъ съ осыпью. Верхъ *рубашки* дѣлается изъ шелковой матеріи; широкія оплечья и рукава

изъ парчи; низъ рубашки отъ пояса до подола изъ полотна; ожерелокъ и рукава застегиваются дорогими *запанками*. Штаны атласные, или изъ какой-либо другой легкой и прозрачной матеріи, подобные тѣмъ, какіе носятъ Турчанки. *Кубелекъ*, родъ тюника, немного ниже колѣнъ, украшается подъ мышками *ластавками*; по поясицѣ *уперами*; на грудяхъ *капнагежь*; который застегивается только до пояса, золотыми или жемчужными *площами* въ видѣ сливы. *Кавракъ* (кафтанъ), для выхода изъ дома надѣвается сверхъ кубелека, застегивается также только до пояса. *Билезики* (браслеты) золотые, жемчужные, или состоятъ изъ бриліантоваго фермуара. *Иитки* или сапожки *машинные* и сафьянные, въ подъемѣ простроченные серебромъ или мишурою, по Турецкому образцу употребляются вмѣсто чулокъ; на нихъ надѣваются разныхъ цвѣтовъ сафьянныя *туфли*. *Поясъ* бархатный, выложенный жемчугомъ, камнями, золотыми или серебряными бляхами, застегивается крѣпками.

Дѣвицы украшаютъ косу лентами и *торкатежь* (платкомъ), коимъ обвязавъ голову, длинные концы опускаютъ по косѣ, которая *аки труба по плегамъ лежаху*. *Челоухъ*, шапка или кокошникъ, родъ камилавки изъ краснаго бархата, вышивается жемчугомъ и камнями; *косникъ* изъ золотыхъ цѣпочекъ и червонцевъ. Прочіе наряды дѣвицъ, тѣ же что у женщинъ.

Жены и дочери рядовыхъ Казаковъ, и вообще

люди старые и богатые одѣваются по старинному. Для стариковъ сей великолѣпный нарядъ весьма приличенъ; старушки, въ своихъ кубелекахъ и шапкахъ, какихъ я видѣлъ, походятъ на монахинь. Молодыя женщины теряютъ весьма много: странный вообще нарядъ, и особенно великое количество бѣлилъ и румянъ скрываютъ природныя ихъ прелести, какъ бы подъ маскою. Лучшее украшеніе прекраснаго пола, грудь, узкіе кубелеки съ длинными и широкими спинками, сжимаютъ, сплющиваютъ и станъ совершенно безобразятъ. Сколь ни страненъ сей нарядъ, но къ дѣвицамъ съ длинною косою и торкачемъ очень идетъ; Пушкинъ справедливо сказалъ:

А дѣвушкѣ въ пятнадцать лѣтъ,
Какая шапка не пристанетъ.

Кромѣ немногихъ старинныхъ домовъ, всѣ дамы и дѣвицы высшаго сословія одѣваются нынѣ по образцамъ Французскихъ модъ; изъ старины оставили онѣ себѣ богатые украшения изъ жемчуга и драгоценныхъ камней, и, къ сожалѣнію, бѣлила и румяна; къ сожалѣнію потому, что здѣсь молодыя женщины и особенно дѣвицы вообще отъ природы румяны и довольно бѣлы лицомъ. Мужчины всѣ вообще носятъ мундиры, а отставные иногда Черкесскаго покроя кафтаны. Одежда рядовыхъ Казаковъ состоитъ изъ короткаго синяго кафтана, шароваръ и шапки. Большая часть оставляютъ только усы, а тѣ изъ нихъ, которые

носить бороду, наиболее сохраняютъ свою народность. Мундиръ ихъ представляетъ нарядъ самый приличный и красивый для кавалериста, и думаю, онъ столько же былъ бы приличенъ и удобенъ для всякаго Русскаго воина. Въ непогодъ, будучи дома, Казаки носятъ бурки, въ походъ при арміи сѣрыя шинели съ синимъ воротникомъ. Простыя Казачки, и самыя небогатыя, одѣваются по праздникамъ въ шелковыя *кубелеки*, только вмѣсто повойника носятъ разноцвѣтные *колпаки*, повязанные *торкагемъ*; дѣвки отличаются только косою, лентами украшенною. Прислугу въ господскихъ домахъ одѣваютъ по Русскимъ модамъ, какъ у нашихъ сельскихъ господъ.

Оружіе Казаковъ состоитъ изъ *ружья*, *двухъ пистолетовъ*, *сабли* и *пики*; послѣднюю съ наибольшею выгодною они употребляютъ умѣютъ. Пики вообще дѣлаются одинаковой длины и формы; прочее оружіе, все разнокалиберное, какое кто достать можетъ. Сверхъ того, Казаки носятъ на себѣ рогъ съ порохомъ, другой съ пулями, на труску и плеть для коня и для плохаго противника. Въ сѣдельную подушку укладывается бѣлье и запасное платьѣ. Двѣ переметныя сумы для походнаго харча увязываются въ *таракалъ*. Въ походъ дальній Казаки запасаются: *толькою* изъ толченыхъ сухарей и сухой рыбы; *бужининою*, (такъ называется сушеное на солнцѣ, баранье или козлиное мясо) и *секомъ* изъ пшена, по Татарски изготовляемаго. Для спутыванія лошади упо-

требляютъ ременной *треногъ*. Седло на ночлегъ служить имъ изголовьемъ, а *митюкъ* (войлочный потникъ) постелью.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВЫСШАГО СОСЛОВІЯ.

Въ частной жизни Донскаго Дворянства, борьба стараго съ новымъ еще не кончилась; нынѣшній модный бытъ и стародавніе обычаи, лѣтъ сто назадъ существовавшіе; непринужденность, простота въ обращеніи, вмѣстѣ съ пышнымъ горделивымъ этикетомъ, представляютъ странную пестроту. Каждая семья въ своей домашней жизни являетъ нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ; но при всемъ разнообразіи въ частности, есть нѣчто общее у всѣхъ. Я постараюсь описать здѣсь главные черты.

Высшее сословіе, состоящее изъ Дворянъ чиновныхъ и богатыхъ; ведутъ жизнь веселую и беззаботную, немногимъ различествующую отъ образа препровожденія времени Русскаго Дворянства, живущаго по деревнямъ. Занятія, столы, прислуга, экипажи, вина, меда, наливки, даже строеніе и меблировка домовъ во всемъ сходствуетъ; кромѣ небольшихъ отличій едва замѣтныхъ; — и все это завелось и устроилось не далѣе, какъ въ царствованіе Императора Александра Павловича. Здѣсь, также какъ и въ на-

пихъ провинціяхъ, нѣтъ хозяина скупаго для гостей: всякой, какъ говорится, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, гость дѣлается хозяиномъ, а хозяинъ всѣмъ слугою, у котораго гдѣтъ ничего за вѣтнаго, лишь бы нилось да блось. Кромѣ именинъ, церковныхъ и другихъ праздниковъ, на которые сосѣдей *скликають*, нѣтъ времени назначеннаго для прїѣзда; во всякое время гостю рады. Каждый, кому вздумалось прїѣхать во время или не во время, принимается какъ родной, угощается какъ рѣдкой гость. Если случится, что съѣдутся нѣсколько гостей, то для хозяина праздникъ, для хозяйки иногда много досады, заботы и бѣготни; для гостей же всегда большой пиръ, продолжающійся съ утра до вѣчера.

Едва только проснутся, подають чай и кофе, немного послѣ, ставятъ на столъ въ гостиной сытную закуску, водку сладкую, травникъ запеканку, отъемное царское вино и мадеру. Закуска состоящая изъ разныхъ препаратовъ, по вкусу и состоянію хозяина приготовленныхъ, не снимается со стола до самаго обѣда. За столомъ сытнымъ и преизобильнымъ, сначала подають мадеру и другіе вина, послѣ жаркаго начинаются тосты: сколько гостей, и сколько у кого друзей и прїятельницъ, отсутствующихъ и присутствующихъ пьютъ за здоровье шипячимъ Донскимъ виномъ; подчиванье заключается разными наливочками съ ногъ сбивательными. Послѣ обѣда подають кофе и ставятъ на столъ разные ва-

ренья, пастилы, конфекты, *инжирь* ^(*) и фрукты. Между небольшими антрактами, подаютъ разныхъ сортовъ меда, водицу на подобіе шампанскаго, только поспиртоватѣ онаго. За чаемъ рѣдко пуншъ, а болѣе *варенуху*, родъ глентвенна, отъ котораго также какъ и отъ стакана рома, скорехонько въ ушахъ зазвенить. За ужиномъ тоже подчиванье. Любимымъ, или почему либо предпочитаемымъ гостямъ, ихъ людямъ и лошадямъ корму на отвалъ, прочимъ вдоволь. Словомъ, здѣсь тароватаго съ богатымъ не различишь; и не у богатаго или чиновнаго, а у привѣтливаго и угостительнаго гостей болѣе собирается.

Такіе пиры, безъ сборовъ и приуготовленій, часто продолжаются по недѣлѣ; но не вездѣ однакожь оныя случаются. Въ Міускомъ Начальствѣ, гдѣ нѣтъ Казачьихъ станицъ, а живутъ одни помѣщики, по близости сосѣдства и посѣщенія бывають чаще; въ другихъ же Начальствахъ, особенно въ верховыхъ, Дворяне живутъ разсѣянно, по отдаленности рѣдко другъ друга посѣщаютъ, ведутъ жизнь уединенную и держатся старыхъ обычаевъ. Донскіе Дворяне ведутъ жизнь совершенно сельскую, никто изъ нихъ, для препровожденія времени въ Москву не ѣздитъ; и въ свою столицу Новочеркасскъ, если только нѣтъ какого-либо тяжебнаго дѣла, никто съ семействомъ не пріѣзжаетъ. Впрочемъ это зависитъ отъ Атамана:

(*) Сухіе привозимые изъ-за границы фрукты, какъ-то: *кивиши* *ягоды*, *ягоды*, *миндаль*, *флижки* и проч.

капиталы въ Банкѣ. Не всѣ богатые люди выпи-
сываютъ изъ Москвы, мебели, экипажи и дороги
Французскія вина: мебели, слѣдую модѣ не пере-
мѣняются ежегодно, а остаются на своихъ мѣ-
стахъ пока ихъ вѣка станеть. Не столь богатые
довольствуются домашними наливочками и недо-
рогими Архипелажскими винами, экипажи и мебе-
ли употребляютъ такіе, какіе могутъ сдѣлать до-
машніе мастера. Впрочемъ всѣ дома снабжены
нужною мебелью, содержатся въ чистотѣ и при-
слуга одѣта прилично. Въ нѣкоторыхъ домахъ,
которые еще не сняли старинныхъ одѣждъ и
крѣпко держатся дѣдовскихъ обычаевъ, въ ме-
блировкѣ и ливреѣ людей является нѣчто готи-
ческое, однако же содержимое въ такой же опрят-
ности, какъ и у другихъ. Немногіе старики и
старухи, сихъ старообрядныхъ семействъ, какъ
миѣ сказывали, придерживаются еще раскола,
однако же тайно, какъ бы стыдяся сего званія.
Дамы не гоняются за послѣдними модами, и не-
многія выписываютъ ихъ изъ Москвы. Кромѣ не-
вѣсть, наряжаемыхъ Кузнецкимъ мостомъ, и лав-
ки *Зилбермана*, у котораго покупаютъ много бри-
ллантовъ и жемчугу, для чего честный сей ино-
странецъ имѣеть своего повѣреннаго въ Ново-
черкасскѣ, для приему заказовъ, скорого и вѣрнаго
доставленія вещей; всѣ прочія дамы не безпо-
коятъ Французскихъ модистокъ, а сами кроютъ
и шьютъ бальныя свои платья и наряжаются по
заповѣдальнымъ картинкамъ Московскаго Телеграфа.

ПОЛЕВАЯ ОХОТА.

До начала XVIII столѣтія, Казаки земледѣліемъ и домоводствомъ не занимались, а потому звѣриная и рыбная ловли составляли тогда промыслъ необходимый для пропитанія ихъ. Тихій *Донъ Ивановъ*, называемый ими *золотое дно*, стѣни и лѣса, нынѣ большею частію истребленныя, съ избыткомъ доставляли имъ всѣ жизненныя потребности. *Гульба*, такъ имяновали они охоту за звѣрами, была, такъ сказать, пріуготовительною школою для молодыхъ людей, готовящихся къ вѣчной войнѣ. Человѣкъ сто *гулебщиковъ*, собравшись вмѣстѣ, отправлялись на Задонскія степи, къ Тереку и къ Кумъ рѣкѣ, гдѣ *полевали* мѣсяца по два и болѣе, а иногда только къ веснѣ на Донъ возвращались. На рѣкѣ Медвѣдицѣ, гдѣ водилось болѣе звѣрей, часто пріѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (ватагъ) *гулебщиковъ* изъ нижнихъ юртъ, и проводили тамъ всю зиму. Сіи охотники для сбереженія пороха, дикихъ козъ, оленей, зайцевъ и лисицъ вдогонку нагайками убивали; *тарпановъ* (дикихъ лошадей), ловили *арканомъ*; изъ птицъ били только большихъ гусей, лебедей, дудаковъ и драхвъ; по кабанамъ же, барсукамъ, медвѣдямъ и *бирюкамъ* (волкамъ) стрѣляли изъ пистолетовъ, или кололи дротиками на скаку. Убить вепря было дѣломъ славнымъ.

Казаки, живущіе на среднихъ частяхъ Дона, охотились *капканами* и *тенетами* по берегамъ рѣкъ, что и называлось у нихъ *ходить въ рѣку*.

Сѣмъ *камышники*, ходили партіями въ степныхъ мѣстахъ, и по близости городковъ своихъ по камышамъ занимались прибытною ловлею, волковъ, зайцевъ, лисицъ и *поршнлыхъ*, родъ бобра и теперь, но рѣдко попадающихся на Дону.

Въ старинныя времена, когда военная добыча распространяла довольство на Дону, Войсковыя Атаманы [богатые и чиновные иногда забавляли войско *большою охотою*. Этотъ родъ охоты, въ Азіатскомъ вкусѣ, совершенно походить на тѣ великолѣпныя выѣзды въ отѣзжее полѣ, и нынѣ въ Крыму Татарскими Мурзами употребляемые. Для сего Атаманъ приглашалъ въ свою кампанію отличнѣйшихъ наѣзтниковъ. Собравшись по повѣсткѣ, все общество, на пробныхъ лучшихъ скажунахъ, сопровождаемое тысячею и болѣе пѣшихъ и конныхъ Казаковъ отправлялось за Атаманомъ къ курганамъ *Двухъ братьевъ*, неподалеку отъ Черкаска находящихся. Обширное *займище*, предъ курганами растилающееся, окружали цѣпью конныхъ и пѣшихъ стрѣлковъ, по мѣстамъ разставляли тенета; Атаманъ окруженный отличными стрѣлками, становился на курганѣ. Троекратный выстрѣлъ подавалъ знакъ къ началю охоты: громкій крикъ стоящихъ на цѣпи Казаковъ пробуждалъ *займище*, и уstraшенные сею тревогою звѣри поднимались. Избранные наѣзники по всѣмъ направленіямъ пускались за ними вскачь, стараясь лучшую добычу согнать къ посту занимаемому Атаманомъ, дабы доставить ему честь убить ве-

пры или барса, который изрѣдка забѣгалъ въ За-
 донскіе степи. Зрѣлище такой охоты стоитъ того,
 чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ для охот-
 никовъ. Здѣсь, лютый вепрь, посякая клыками
 камышъ, выбѣгалъ на луть; нѣсколько охотни-
 ковъ на лучшихъ коняхъ, окруживъ, стрѣляли въ
 него на скаку изъ пистолетовъ. Разъяренный
 звѣрь, съ открытымъ зевомъ, пѣною покрытымъ,
 означая слѣдъ свой кровію, кидался на дымъ, отъ
 выстрѣла произшедшій: охотники, одни проворно
 уклонялись отъ него, другіе нѣсколькими ударами
 пикъ, или вѣрнымъ изъ винтовки выстрѣломъ
 повергали его на землю. Тамъ, злобная гіена,
 гостя изъ Закубанскихъ лѣсовъ на Донъ при-
 шедшая, сама нападала на охотниковъ, и дорого
 продавала имъ жизнь свою. Тутъ, удалый наѣзд-
 никъ, поднявъ *чеканъ*, гналъ передъ собою волка;
 добрый конь, *попрашивая* поводья, утомлялъ
 звѣря своею быстротою; напрасно, оцетиня шерсть,
 озираясь, щолкалъ онъ зубами, неустрашимый
 Казакъ, нагнавъ разбивалъ ему черепъ однимъ
 меткимъ ударомъ своего чекана. Здѣсь легкая
 сайга, стрѣлою мчится по равнинѣ, и надѣясь на
 быстрый бѣгъ свой, гордо поднявъ голову и вы-
 тинувъ шею, останавливается, устрашеннымъ взо-
 ромъ выглядываетъ безопасное мѣсто, и вновь
 бѣжитъ стремглавъ. Но другой всадникъ остано-
 вливаетъ ее спереди, третій, опустивъ поводья,
 и приударивъ плетью борзаго коня, собираетъ
 на руку *арканъ*, и ловко безъ промаха накиды-
 ваетъ его на шею своей добычи. А здѣсь краси-

вам серна съ дѣтьми, испуганная шумомъ и тревогою, то бросается впередъ, то быстро возвращается къ дѣтямъ, отстающимъ отъ нее, то гонить ихъ передъ собою, то останавливаетъ и бѣжить съ ними назадъ; видя себя окруженною, какъ бы въ отчаяніи, становится на заднія ножки, торопливо вертится на нихъ кругомъ, осматривается, и въ ужасѣ, одна пускается какъ изъ луку стрѣла. Выстрѣлъ пущенный на воздухъ, останавливаетъ робкихъ ея дѣтей; мать побѣжденная чувствомъ жалости возвращается и позволяетъ взять себя не прежде, какъ дѣти ея будутъ въ рукахъ охотниковъ. Наконецъ, съ полсотни трусливыхъ зайцевъ, приложивъ на спину уши, мечутся во всѣ стороны, ищутъ спасенія во всѣхъ промежуткахъ, отъ испуга попадаютъ въ тѣнета, или подъ меткій ударъ плети, которыми охотники на всемъ скаку убиваютъ ихъ на поваль.

Въ сей забавѣ, наиболѣе приличной воинственному народу, Казачья молодежь научалась осторожности, глазомѣру, ловкости, проворству и отважной рѣшимости. По окончаніи охоты, отличившіеся удалствомъ наѣзники приглашались къ Атаману на пиръ. Тутъ послѣ первыхъ стакановъ зелена вина и крѣпкаго меда, каждый не слушая другаго, хвалился, какъ нагналъ волка на засаду, или подстерегъ лису, кравшуюся ползкомъ въ густоту камыша; или хвалился тѣмъ, чего не было и быть не могло, увѣряя, что оныя съ конемъ своимъ перепрыгнули оврагъ, сажень во сто

шириною, или руками свалилъ вепря, ... зубами перегрызъ волку горло..... Такими преувеличенными разказами, живилси разговоръ, и друзья посмѣявшись другъ надъ другомъ, расходились съ бесѣды предовольные, каждый своимъ подвигомъ. Впрочемъ, охота, какъ страсть, какъ поэтическій восторгъ, движется хвастливостію, невинною потому, что никого ею не обманываютъ.

Охотники пріобрѣтшія добычу, поочередно угощали своихъ сосѣдей, приглашая ихъ разѣсть вмѣстѣ звѣря; у кого не было дичины, тотъ подчивалъ домашнимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такимъ образомъ веселые собесѣдники переходили изъ дома въ домъ, вездѣ встрѣчая радушное гостепріимство; и одна забава занимала и радовала Казаковъ того же селенія по нѣскольку дней сряду. Остатками убитаго оленя, вепря или козы, хозяинъ дѣлился съ пріятелями, съ родными; ибо продавать съѣстное друзьямъ, было тогда не въ обычаѣ.

Нынѣ въ отѣзжія поля Казаки не ѣздятъ, Атаманы уже не забавляютъ ихъ *большою охотою* и пирами, и немногіе рядовые Казаки занимаются ловлею звѣрей, и то по близости своихъ селеній. Замѣчаютъ, что хищныхъ звѣрей въ степи, и большихъ породъ рыбъ въ Дону гораздо поуменьшилось. Всякой же дичи и понынѣ въ *займищахъ*, по *лиманамъ*, озерамъ и въ степи водится великое множество.

Съ борзыми собаками *полюють* теперь немногіе изъ Дворянъ, и то только для удовольствія и препровожденія времени. Донскіе охотники и самыя богатые, не разоряются содержаніемъ большихъ охотъ; а съ двумя, тремя борзыми, и съ однимъ или двумя охотниками, безъ гончихъ, ловятъ зайцевъ, лисицъ и волковъ, болѣе нежели наши господа, (какъ увѣрялъ меня одинъ изъ здѣшнихъ *зайцегоновъ*), съ многочисленными своими стаями гончихъ и борзыхъ. Не будучи охотникомъ, я не могу рѣшить, отъ искусства ли, или отъ множества звѣря это происходитъ?



VII. ПРАЗДНИЧНЫЯ УВЕСЕ- ЛЕНІЯ,

ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.



МАСЛЯНИЦА.

Обряды, совершаемые на сырной недѣли сохраняютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ обычаевъ. Обряды сіи совершаются на мѣстахъ битвъ, ознаменованныхъ побѣдою; на кладбищахъ близъ церкви, или на мѣстахъ злодѣяніемъ, или какимъ-либо несчастіемъ памятныхъ. Для жителей Стараго Черкаска, островъ *Али-туба* находящійся выше города, и урочище *Монастырское* находящееся ниже, служатъ обыкновенными сборными мѣстами. При Монастырскомъ урочищѣ, какъ по преданію извѣстно, Турки на возвращавшихся съ добычею изъ Азовскаго моря Казаковъ, напали въ раслохъ и всѣхъ порѣзали; но Черкаскіе жители узнавъ о семъ, догнали ихъ и добычу обратно отняли.

Въ назначенный для праздника день масляной недѣли, предварительно избирается Атаманъ ширшества, а отрядъ Казаковъ съ офицерами составляютъ поѣздъ, и отправляются съ знаменами на избранное мѣсто въ сопровожденіи духовенства, чиновниковъ, старшинъ и всѣхъ жителей. Прибывъ на мѣсто, духовенство служитъ соборнѣ панихиду по усопшимъ и на браняхъ убійнымъ. По окончаніи службы, стрѣляютъ изъ ружей; потомъ отрядъ наѣзтниковъ пріѣхавшихъ для скачки, и духовенство угощается на войсковое иждивеніе, къ коему Казаки и чиновники прибавляютъ свои напитки и закуски. За симъ наѣзники садятся на коней, становятся въ рядъ и пускаются во весь духъ верстъ на десять и на пятнадцать. Клики народа, встрѣчаютъ молодца опередившаго своихъ товарищей. Женщины, почитаютъ обязанностію *природно* угощать удалыхъ наѣзниковъ, медомъ, Донскимъ виномъ и *смазными* закусками. До поздняго вечера, молодцы толпятся вокругъ прекрасныхъ, перемѣняютъ усталыхъ лошадей, и на свѣжихъ также на всемъ скаку, стрѣляютъ въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ. Луки вышли изъ употребленія, и ника давно уже предпочтена стрѣль. Для скачки *на цѣликъ*, какъ здѣсь называютъ, употребляются лошади, имѣющія вѣрный и плавный скакъ; а для цѣли ставятъ на колѣ утвержденный сноць соломы, или камыша. Въ разстояніи 200 сажень отъ цѣли, скачку на цѣликъ открываетъ обыкновенно старикъ: пустивъ коня галопомъ и бро-

сивъ у самаго снопа поводья, онъ прикладываетъ ружьемъ, стрѣляетъ и снопъ зажженъ. За нимъ летитъ юноша, который на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву выхватываетъ другою изъ за пояса пистолеть, стрѣляетъ въ цѣль и въ мигъ на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгиваютъ чрезъ разложенный на землѣ огонь. Иной, притворяясь падающимъ съ несущейся лошади, хватаетъ съ земли монету, и бросивъ впередъ, ловитъ ее рукою на лету. Вечеромъ Войсковой Атаманъ или кто-либо изъ почетныхъ, приглашаетъ на *вечерницу*; гдѣ старики усердно *гуляютъ*, вспоминая молодость; молодые разсуждаютъ о происшествіяхъ дня, похваляются удальствомъ, также пьютъ, курятъ трубки, и изрѣдко кружатся вокругъ пригожихъ женщинъ, ища одобрительной ихъ улыбки, или благосклоннаго взгляда. Въ хорошее зимнее время, въ станицахъ при рѣкахъ находящихся, дѣвки и ребятишки катаются съ горъ на лубкахъ, или на округленной глыбѣ льда; молодцы же на рысистыхъ лошадяхъ въ одиночку на санихъ катаются по расчищенному льду. Праздники сырной недѣли почитаются самыми приятными и веселыми; главное ихъ отличіе состоитъ въ скачкѣ, катанье и стрѣльбѣ. Скачки на дальнее разстояніе нынѣ что-то перевелись и не составляютъ уже общественнаго увеселенія; только заводчики и охотники изрѣдка съѣзжаются для пробы своихъ лошадей. Дѣти увеличиваютъ шумъ и суету; они скачутъ по улицамъ, стрѣляютъ

изъ пистолетовъ; другіе изъ маленькихъ пушечекъ, а за неимѣніемъ ихъ изъ просверленныхъ костей, изъ подворотъ стрѣляютъ въ проходящихъ. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на мостахъ, вездѣ толпы народа, вездѣ пальба; въ домахъ вездѣ блины и вино.

Въ прощенный день, въ воскресенье, во всякомъ знатномъ домѣ, посреди залы ставится столъ съ закусками: блины во всю недѣлю играютъ первую ролю, каждый посѣтитель по крайней мѣрѣ долженъ отвѣдать ихъ, чтобы тѣмъ сдѣлать честь хозяйкѣ. Въ прощенный день и въ другіе праздники въ нѣкоторыхъ домахъ наблюдается этикетъ, нимало не сходствующій съ простотою нравовъ и радушнымъ гостепріимствомъ вообще всѣми наблюдаемымъ. Хозяйка съ дочерьми принарядившись, садится за столъ и принимаетъ посѣтителей по чинамъ ихъ или по богатству. При входѣ однихъ не трогается съ мѣста, другимъ небрежно киваетъ головою; иныхъ сажаетъ на кресла по правую себя руку, иныхъ по лѣвую, другимъ же показываетъ стулъ подалѣе отъ себя; наконецъ, знатныхъ встрѣчаетъ у дверей, вмѣстѣ съ мужемъ вводитъ ихъ въ комнату подъ руки, провожаетъ даже за крыльцо смотря по чину, или по важности занимаемаго имъ мѣста. Чиновный ея мужъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, принимаетъ съ ласкою только высшихъ себя, и съ важностію равныхъ или по чему-либо нужныхъ ему людей. Старики дѣлаютъ посѣщенія не изъ свѣт-

скаго приличія ; ибо просить прощенія въ винахъ и грѣхахъ своихъ почитается здѣсь , какъ и во всей Россіи долгомъ Христіанскимъ , обрядомъ истинно священнымъ . Молодые ѣздятъ прощаться по иному побужденію : сорвать поцѣлуй , что по обычаю допускается . Люди званія низшаго , торговцы и офицеры , не принадлежащіе къ именитымъ родамъ дворянства , приносятъ въ даръ почетнѣйшимъ , коихъ покровительство можетъ когда-либо имъ пригодиться , большой пряникъ или что-либо изъ сластей . Въ послѣдній день масляницы , по всѣмъ улицамъ изъ дома въ домъ , бѣгаютъ , суетятся ; пьяные и трезвые , пѣшіе и конные ; стрѣляютъ , кричатъ и поютъ . Городъ какъ бы въ мятежѣ , но жители съ миромъ и любовію провожаютъ масляницу и *прощенный день* , подобно тому , какъ Греки и Римляне нѣкогда праздновали Вакханаліи . Въ понедѣльникъ Великаго поста , съ крестомъ и земнымъ поклономъ принимаются за грибки и капусту ; но отъ винца не отказываются ; имъ , какъ говорятъ , *промываютъ ротъ* . Въ отдаленныхъ станицахъ , гдѣ нѣтъ высшаго начальства , не смотря на запрещеніе въ первые дни поста , силачи сѣзжаются на кулачный бой . Для избѣжанія несчастнаго случая знаменитымъ богатырямъ не позволяютъ принимать въ ономъ участія .

КУПАТЬ НА ВЕРБНОЕ.

Бросать въ воду тѣхъ, которые проспали заутреню на великіе праздники, по лѣности или по нечестію, ведется на Дону изъ стари. Обычай сей присвоенъ ѡныи Вербному воскресенію. Вышедшіе изъ церкви, раздѣлившись на партіи, спѣвають по домамъ отъискивать спящихъ, и нашедъ, секутъ ихъ вербами, припѣвая: *верба хлестъ, бей до слезъ; не я бью, верба бьетъ!*“ Потомъ схватываютъ лѣнивца, выносятъ изъ дома на рукахъ, и погружаютъ его въ первую попавшуюся лужу или обливаютъ его нечистою водою. Днемъ *пируютъ по лѣнвицѣмъ*, то есть приходятъ къ наказаннымъ пить и пировать. Татара и другіе иновѣрцы, которымъ на канунъ сего дня случится ночевать въ станицѣ, что бы не подвергнуть себя смрадному погруженію, встаютъ до окончанія заутрени.

До временъ Атамана Алек. Ив. Илловайскаго, каждая станица наряжала на случай тревоги определенное число очередныхъ Казаковъ. Кто по лѣности, или нерадѣнію опаздывалъ на сборъ, также наказывался нечистымъ погруженіемъ и также поилъ своихъ товарищей.

Обряды сіи наблюдаются между низовыми Казаками, а къ верховымъ не относятся: они имѣютъ свои обычаи и игръ у своихъ собратій не перенимаютъ.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

Великимъ днемъ называется Свѣтлое Христово Воскресеніе. Донцы вообще набожны, прибѣжны къ Богу, и до благочестію своему соблюдаютъ всѣ обряды церкви, съ тѣмъ же усердіемъ къ вѣрѣ и простодушіемъ въ исполненіи Христіанскаго долга, какъ и весь Русской православной народъ. Не призвавъ Бога въ помощники, никакого дѣла не начинаютъ; во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ съ моленіемъ милосердаго Спасителя призываютъ; знаменіемъ креста и молитвою благодарятъ Создателя за всякое благо; наблюдаютъ посты строго, смиряются по духу Христіанскому чистосердечно.

Подражаніе иностранцамъ, немѣющихъ или не хранящихъ постовъ, благодареніе Богу, на Дону еще не существуетъ. Ни въ городѣ, ни въ станицахъ во весь постъ мясныя лавки не отворяются; такъ что Нѣмецъ, захватившій къ Казакамъ, можетъ умереть съ голоду. Самые роскошныя люди наблюдаютъ посты усердно и свято; даже до того, что старые люди во весь постъ не носятъ цвѣтныхъ одеждъ. Молодые люди, получившіе модное Французское воспитаніе, какихъ здѣсь весьма немного, хотя уклоняются отъ точнаго соблюденія постовъ; но дѣлаютъ это тайно отъ родителей своихъ, и не похваляются невѣріемъ, какъ нѣкою принадлежностію образованнаго челоука.

Въ великій день на заутрени, при провозглашеніи: *Христосъ воскресъ!* православные начинаютъ празднованіе цѣлованіемъ Христіанскимъ въ губы, безъ различія лѣтъ, лицъ и пола. Атаманъ пріемлетъ въ объятія свои Казака, Генераль цѣлуетъ своего слугу; хозяйку цѣлуютъ всѣ домочадцы; жены именитыя спѣшаютъ утѣшить нищаго и горестнаго. Всякаго сословія люди, даже бѣдные, везутъ и несутъ пищу заключеннымъ, искупаютъ должниковъ, раздаютъ деньги, одежду, каждый что можетъ; обиды забываются, вражда умолкаетъ и недруги для праздника примиряются. Какъ дѣти одного семейства, ликують и радуются; въ домахъ и на улицахъ, отъ утра до вечера, съ знакомымъ и незнакомымъ, христосуются, цѣлуются и мѣняются *писанками*, такъ называются крашенныя и рисованныя яйца.

Во всю Святую недѣлю, жители въ станицахъ толпятся на улицахъ и площадяхъ. Молодцы качаются на качеляхъ, дѣти бьются на кулачки, катаютъ яйца, старики на голубцахъ пьютъ медъ и вино; а дѣвицы и молодежи водятъ хороводы, поютъ, бросаютъ мячи и забавляются между собою въ *кулюжки*. Игра сія состоитъ въ слѣдующемъ: красавицы раздѣляются на двѣ партіи; первая изъ нихъ по жеребью прячется попарно въ закоулкахъ; вторая также попарно, должна отыскивать спрятавшихся, и *подозривъ*, бѣжать вмѣстѣ съ сысканными къ маткѣ, стараясь опередить ихъ. Черезъ сіе проворство, вторыя пары

приобрѣтають выгодное право прятаться. Право сіе важнымъ почитается потому, что мушцины, которымъ хочется *похристосоваться*, или слова два молвить своей любезной, внезапно нападаютъ на робкихъ красавицъ въ сокровенныхъ мѣстахъ и, не смотря на крикъ и смѣхъ, дерзновенно похищаютъ лишній, непозволенный поцѣлуй, или передають другъ другу то, что и для читателей моихъ должно остаться тайною.....

ТРОИЦКІЯ СВЯТКИ.

Въ Маѣ и Іюнѣ, Казаки любятъ гулять по лугамъ и полямъ, покрытымъ цвѣтами. Семействами садятся они по пригоркамъ или укрываются подъ тѣнію рощи, или собираются въ саду подъ кудрявою грушею. Одну изъ прекрасныхъ, какъ *царицу праздника*, украшаютъ вѣнкомъ. Она подчуетъ всѣхъ и отъ стараго до малаго, всѣмъ подноситъ медь *кандѣйкою*^(*). Кто выпиваетъ до дна, того награждаетъ поцѣлуемъ. По обнесеніи всѣхъ, красавица передаетъ свой вѣнокъ доброму молодцу, или красной дѣвицѣ, по своему выбору и желанію. Въ продолженіе угощенія все собраніе напѣваетъ пѣсню приличную времени и празднику:

Грушица, грушица моя,
 Грушица зеленая моя;
 Подъ грушею дѣвица стоитъ,
 Печальная рѣчи говоритъ:

(*) Родъ кружки отъ Татаръ заимствованный.

Нынчѣ худыя времена,
Сушать жень хорошіе мужья,
А двушекъ дальніе друзья.

Въ Маѣ деревья цвѣтутъ, земля покрыта бываетъ свѣжею зеленью и цвѣтами, Донъ наполненный *полою* водою представляетъ множество острововъ; между ними лодки покрытыя *кандолетами* (зонтиками), при тихомъ вѣтрѣ подѣ парусами, съ пѣснями и ликованіемъ возятъ, такъ сказать, радость и любовь, веселіе и дружбу счастливыхъ обитателей.

Всѣ сіи увеселенія, обычаи и повѣрья, сохранившіеся отъ старины, ослабѣваютъ примѣтно, и измѣнились уже столько, что старики не узнаютъ ихъ и часто въ умиленіи сердца восклицаютъ: „Счастливы и болѣе благополучны были нежели нынѣ, въ тѣ старыя времена, когда не было различія въ званіяхъ; мудрѣйшіе были почтеннѣе; добродѣтельнѣйшіе уважаемѣе. Тогда не знали ябеды, не умѣли изворотами правдоподобія заводить тяжбы; не умѣли души нѣжныя уязвлять ухищреніями низкими. Богатство, приобретаемое трудомъ и удалствомъ, всегда опаснымъ, употреблялось на искупленіе плѣнныхъ. Въ сіи-то времена, простота нравовъ, обычаи, привычки, и любовь къ родинѣ, хранились какъ золотое зерно нетускнѣющее отъ времени; тогда-то сироты безпріютныя, вдовы безпомощныя не искали покровителей; — ихъ искали для спасенія души своей, Христіане добродушные.“

VIII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

СВАТОВСТВО.

Все то, что касается до любви и женитьбы, осталось на Дону на прежнемъ положеніи, какъ водилось у нашихъ праѣдовъ безъ малѣйшей перемѣны и измѣненія. Хотя женщины и дѣвицы являются во всѣхъ обществахъ; хотя ихъ можно видѣть повсюду; но по принятому обычаю, молодые люди ни обращенія, ни знакомства съ дѣвицами имѣть не могутъ, можно только на нихъ смотрѣть, танцовать съ ними, отвести къ столу подъ ручку, и болѣе ничего. Заторнымъ почитается угождать, служить, льстить, молодой особѣ; и то, что у насъ называется волокитствомъ и кокетствомъ, примется здѣсь за дѣйствіе не только безстыдное, но даже оскорбительное. Словомъ, влюбиться вмѣняется молодцу въ укоръ; а дѣвицѣ за стыдъ и срамъ. Женить сына и выдать дочь, совершенно зависитъ отъ воли родителей и родственниковъ. Отецъ и мать выбираютъ сыну невесту, а дочери жениха, по стариннымъ своимъ связямъ: ни у того, ни у другой не спрашиваютъ согласія, а благословія говорятъ *вотъ тебѣ*

жена; вотъ тебѣ мужъ, и дѣло съ концомъ. Хотя, по принятому между нами мнѣнію, такое стѣсненіе воли дѣвицы и молодаго человѣка, въ столь важномъ для нихъ шагѣ, рѣшающемъ безвозвратно участь всей ихъ жизни, назовемъ мы несправедливымъ, даже ужаснымъ; но опытъ показываетъ совершенно тому противное. По нашимъ утонченнымъ понятіямъ, любовь есть истинное мученіе, казнь; она при всей непорочности чувства, даетъ иногда послѣдствія самыя печальныя. Здѣсь напротивъ, любовь не производитъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій, никто отъ нея не сумасбродствуетъ, не сходитъ съ ума; и она есть вѣрнѣйшій хранитель нравственности. Здѣсь нѣтъ соблазнительей, не слышно о непозволительныхъ связяхъ, о разводахъ: благородная дѣвица не выходитъ за мужъ за лакея, за плѣннаго Француза; мужъ не продаетъ своей жены, и чужую не увозить. Причины тому очевидны: отецъ и мать не могутъ желать своей дочери, или сыну зла; а имѣя болѣе ихъ опытности въ познаніи людей, безъ сомнѣнія могутъ избрать имъ и партію, лучше нежели они сами.

Что бы не подвергнуться гласному отказу и предварительно узнать мнѣніе невѣстиныхъ родителей, посылаютъ къ нимъ *свагу*. Женщины сіи, какъ необходимая принадлежность въ городахъ, составляютъ, такъ сказать, особенный цехъ. Онѣ переходятъ изъ дома въ домъ, переносятъ вѣсти,

знають на перечеть всѣхъ невѣстъ и жениховъ, имѣють вѣрныя свѣденія сколько имъ лѣтъ, какого нрава и сколько за ними приданаго; и такимъ образомъ, дѣлаясь необходимыми, служатъ основаніемъ и источникомъ всѣхъ сплетней. Сваха, пришедъ въ домъ невѣсты, искусно, стороною предлагаетъ родителямъ жениха, и предварительно освѣдомляется о ихъ намѣреніи; и если оно благопріятно, то родители жениха, выбираютъ свата изъ своихъ родныхъ, или изъ числа знакомыхъ почетныхъ особъ. Въ избраніи свата поступаютъ съ большою разборчивостію: дурной выборъ сватовъ ставится въ укоризну, и единственно по сей причинѣ, иногда отказываютъ жениху.

Свать съ такою же осторожностію какъ и сваха предварительно переговариваетъ съ родителями, на словѣ полагають, какому быть приданому и сговариваются о всѣхъ прочихъ подробностяхъ. Переговоры о семъ предметѣ между родителями жениха и невѣсты почитаются неприличными. За симъ увѣренный уже въ согласіи, въ назначенный день, который обыкновенно послѣ перваго переговора, назначается дня чрезъ три или чрезъ недѣлю, дабы въ сіе время успѣть посоветоваться съ роднею, свать отправляется съ *поыздомъ*, то есть въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей; и при входѣ въ домъ невѣсты, подноситъ отцу и матери ея, *хлѣбъ* и *соль*. Принятіе онаго означаетъ подтвержденіе согласія. Тогда свать проситъ дать ему руку: отецъ,

осѣнивъ себя крестомъ , говорить : *Дай Богъ въ добрый часъ!* и обернувъ полою своего платья руку подаетъ ее свату. Мать, положивъ три земные поклона предъ образомъ и сказавъ : „*въ добрый часъ!*“ также подаетъ руку. Тогда свать, снова переговоривъ съ родителями посылаетъ за женихомъ. По прївздѣ жениха съ нѣсколькими товарищами, ему объявляютъ о согласіи ; и онъ отцу и матери невѣсты кланяется въ ноги, За тѣмъ мать, или, старшая въ семействѣ тетка, или замужня сестра выводятъ невѣсту за руку, и ставятъ ее подлѣ жениха съ лѣвой стороны, что называется *смотромъ невѣсты*. Свать соединяетъ ихъ руки, причемъ дворовыя дѣвки поютъ : „*Ой заюшка, заюшка; ой заюшка, горностаѣ молодой*“... и другія свадебныя пѣсни. Женихъ и невѣста обносятъ родныхъ обѣихъ сторонъ, каждый своимъ виномъ, потомъ свать подчуетъ ихъ самихъ, и они прикушавъ цѣлуются. Поцѣлуй сей означалъ любовь позволенную отцемъ и матерью. Прежде водилось, что въ то время, какъ женихъ и невѣста обносятъ вино, старушки и молодыя женщины, взявшись за руки, тихо двигаются вокругъ стола, стуча въ тактъ каблуками. Молодой же человекъ изъ родныхъ жениховой стороны, съ завязаннымъ чернымъ тафтянымъ платкомъ лицомъ, вбѣжавъ въ комнату, въ присядку съ присвистомъ и поговорками плясалъ казачка.

РУКОВИТЬЕ.

двѣ молодыя женщины, называемыя *позыватыми*, отъ имени родителей жениха, и двѣ отъ стороны невѣсты, развѣзжая по домамъ приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ къ назначенному дню на *руковитье*, или *сговоръ*. По приѣздѣ жениха съ родными, его ставятъ посреди комнаты, мать или старшая въ семействѣ женщина, выводитъ невѣсту и ставитъ ее съ лѣвой стороны жениха. Родители соединяютъ имъ руки говоря: „*Доѣй! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ мой сынъ невѣста, да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ.*“ Женихъ и невѣста кланяются въ ноги. За симъ невѣста въ сопровожденіи старшихъ своихъ родныхъ обноситъ жениховыхъ родныхъ виномъ; потомъ и женихъ такимъ же порядкомъ подчуетъ своимъ виномъ родныхъ невѣсты. При исполненіи сего рекомендуются, поздравляютъ другъ друга съ новою роднею, обнимаются и цѣлуются. За тѣмъ, жениху и невѣстѣ сваты подносятъ вино и заставляютъ поцѣловаться. Сей поцѣлуй уже связывалъ ихъ на всегда. Тутъ женихъ даритъ невѣсту брилліантами или деньгами, а она его вещами своего рукодѣля, кisetомъ, или чѣмъ другимъ. Потомъ женихъ подводитъ невѣсту къ своему отцу и матери и ко всѣмъ роднымъ, которые поцѣловавъ ее, дарятъ жемчугомъ, перстнями, кольцами и другими вещами, причѣмъ свекоръ и свекровь стараются отличиться щедростію. За симъ открывается балъ. Молодые люди

остаются на весь вечеръ въ домѣ неvěсты; а родители ея съ своими родными ѣдутъ въ домъ отца жениха, гдѣ также пьютъ, поютъ и пляшутъ. На рукобитьѣ гости долго не остаются, и женщины расходясь по домамъ, поютъ: *ваюшку* для жениха, и *перепелушку рябля перушки* для неvěсты, извѣщая симъ жителей о происходившемъ.

дѣвишникъ.

Послѣ сговора, родственницы неvěсты остаются при ней безотлучно до самой свадьбы и шьютъ для нее приданое. Каждый вечеръ, женихъ съ друзьями, посѣщаетъ неvěсту и приноситъ въ домъ ея радость и веселіе. За полночь молодые люди забавляются разными играми: въ короли, въ жмурки. Общество оживляется: смѣются шутятъ, рѣзвятся; но всегда пристойно, только къ родственницамъ позволяется подходить и вступать съ ними въ разговоръ. По изготовленіи приданого за нѣсколько дней до свадьбы назначается *дѣвишникъ*. По призыву, гости съѣзжаются въ домъ неvěсты, хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ дорогихъ гостей съ привѣтствіемъ: „*просимъ вашей гести, чтобы пили да ѣли, и веселы были.*“ Праздникъ начинается баломъ, молодые танцуютъ; а старики бесѣдуютъ да пьютъ. Въ сей день, вмѣсто *торкага* надѣваютъ на неvěсту Татарскую

шапку, съ чернымъ околышемъ, за коимъ натыкаютъ множество цвѣтовъ и перьевъ. Коса же съ золотымъ косникомъ остается по прежнему.

ПОДУШКИ.

За два дни до свадьбы или наканунѣ, невѣстины *позываемыя* приглашаютъ гостей на *подушки*, или на смотръ приданого; такъ называется обрядъ, когда приданое перевозятъ въ домъ жениха. Гости собираются ввечеру въ домъ невѣсты, и разобравъ приданое по рукамъ: подушки, одѣяло, ларчики, зеркала и другія легкія вещи, несутъ въ домъ жениха съ пѣсней:

Сестрицы, подружки,
Несите подушки,
Берите перины
Сестры Катерины....

Дорогою подруги невѣсты поютъ:

Мѣсяць дорожку просвѣтилъ,
Братецъ сестрицу проводилъ;
Будь здорова какъ вода,
А богата какъ земля.....

По прибытіи жъ къ дому жениха поютъ:

Ты отвори матушка ворота,
А вотъ тебѣ невѣстка молода.....

Кровать съ приборомъ, и все приданое устанавливается въ спальнѣ, которая на сей случай убирается, какъ можно лучше. Праздникъ въ до

мѣ жениха начинается баломъ, въ продолженіе котораго *чиберки* (швей мастерицы) вызываютъ изъ танцевальной залы въ спальню, сначала жениха съ невѣстою, сажаютъ ихъ на постель, и подносятъ жениху рюмку вина, которую онъ пьетъ не торопясь, въ нѣсколько приемовъ, за каждымъ приговаривая: „*вино горько, надобно подсластить*“, и столько разъ цѣлуетъ свою суженую, сколько душѣ угодно. Выпивъ, женихъ кладетъ *чиберкамъ* деньги на поднось. За симъ всѣ гости, кому угодно, и одинъ послѣ другаго, садятся на постель и приглашаютъ изъ залы одну изъ дамъ. *Чиберки* подносятъ имъ вина или меду, за что мужья кладетъ имъ деньги на поднось, и также какъ женихъ цѣлуетъ свою избранную. Каждый мужчина имѣетъ право приглашать къ сидѣнью на постель, столько дамъ, сколько ему угодно. Смотри по деньгамъ, *чиберки* закидываютъ посаженную на постель пару подушками, приговаривая: „*и важь того желаемъ*!“ доставляя тѣмъ удобный случай молодцу сорвать лишній поцѣлуй. Иногда хитрыя сіи швей сажаютъ съ молодцомъ какуюнибудь старуху, и послѣ, когда закидываютъ ихъ подушками, подмѣняютъ ее молодой; въ такомъ случаѣ, кавалеръ долженъ дарить щедрѣе. Въ старинныя времена, только при семь обрядѣ позволялась мужчинамъ нѣкоторая свобода въ обращеніи съ дѣвицами, нынѣ къ сидѣнью на постель дѣвицъ не приглашаютъ.

ВЫДАНИЕ.

Въ старыя времена, приготовлялись къ браку съ должнымъ благоговѣніемъ: женихъ и невѣста постились. *Дружко* безотлучно находился при женихѣ и вразумлялъ его объ обязанностяхъ супруга. Наканунѣ брачнаго дня, ввечеру предъ захожденіемъ солнца, невѣста, смущенная наступающимъ для нее *страшнымъ* днемъ, одна съ нянюшкою ходила на кладбище, гдѣ въ безмолвіи гробовъ повергшись на землю ницъ, со слезами и молитвою, призывала усопшихъ предковъ, клялась имъ сохранить въ чистотѣ данный ей обѣтъ, просила отъ нихъ себѣ благословенія, представительства ихъ у престола небеснаго отца, да благословитъ Онъ новое поприще ея жизни. *Збережатой* или *водунъ*, рано по утру являлся къ жениху въ день выданья. Онъ избирался изъ такъ называемыхъ *колдуновъ*; обязанность его состояла въ предупрежденіи всякаго рода чародѣйства; и что бы въ пищѣ и напиткахъ не было какой порчи. Въ должность сію старались сыскать *упыря*, рожденнаго отъ вѣдьмы, котораго простой народъ по суевѣрію своему почитаетъ добрымъ геніемъ; предъ мудростію котораго, всѣ волшебницы и колдуны смиряются, и въ присутствіи коего, никакого зла сдѣлать не могутъ.

Дружко съ *вожатымъ* приводятъ жениха въ комнату къ родителямъ, которые благословляютъ его образами въ богатыхъ окладахъ. Затѣмъ въ

другомъ покоѣ благословляетъ его крестный отецъ; Священникъ читаетъ молитву, и помолившись, выходитъ вмѣстѣ съ женихомъ изъ дому. Женихъ садится на коня, и въ сопровожденіи *поѣзжаныхъ*, своихъ братьевъ и друзей, также верхомъ и вооруженныхъ отправляется въ домъ невѣсты. Тамъ сцена другая, болѣе трогательная: невѣста наряженная ^(а) своими подругами къ вѣнцу, благословляется родителями, при чѣмъ падаетъ къ нимъ въ ноги, и на вѣкъ прощается съ ними, съ братьями, сестрами, мамушками и нянюшками. Начинаются вопль и рыданія, какъ будто невѣсту въ гробъ кладутъ. Укротивъ печаль слезами, сажаютъ невѣсту въ переднемъ мѣстѣ подѣ святыми на стулъ, подѣ ее сажаютъ меньшаго изъ братьевъ, или кого-либо изъ дѣтей, которому даютъ въ руки *державу*, то есть шелковую плетъ.

Женихъ въ сопровожденіи Священника и благословенныхъ образовъ, вошедъ въ домъ, идетъ въ образную, гдѣ помолившись, ведомой дружкой, подходитъ къ невѣстѣ. Дружка, видя что мѣсто женихово занято, покушается прогнать маленькаго брата силою. Малютка — наученный, что долженъ дѣлать — защищается плетью по возможности и стула имъ занятаго не уступаетъ. Дружка начинаетъ торговаться съ нимъ: предлагаетъ ему конфекты, разныя сласти, деньги, вещи; и наконецъ покупаетъ мѣсто за какую-нибудь

(а) Въ старыя времена подвѣчные наряды переходили изъ рода въ родъ.

игрушку. Женихъ садится на стуль, и принимаетъ отъ брата *державу*, какъ знакъ власти надъ женою. Въ сіе время, молодые женщины и дѣвицы поютъ:

Татаринъ, братецъ Татаринъ,
Продаль сестрицу за талеръ....

Снова начинается прощаніе, плачь и рыданія, невѣсту ведутъ подъ руки, сажаютъ въ экипажъ рядою съ женихомъ, противъ нихъ садится Священникъ со крестомъ и дружокъ. Въ предшествующемъ экипажѣ, отецъ и мать посаженныя, свать и сваха съ благословенными иконами; родители остаются дома, дѣвицы подруги, наряжавшія невѣсту, наплакавшись до сыта, въ ожиданіи своей судьбы расходятся по домамъ. Весь поѣздъ, предводимый *вожатымъ*, ѣдетъ къ церкви. Почитается неприличнымъ, чтобы въ сіе время невѣста плакала: творя молитву, она въ надеждѣ радостной будущности передаетъ судьбу свою Богу. Женихъ также съ благоговѣніемъ наблюдаетъ смиренное молчаніе, до окончанія обряда.

Прибывъ въ церковь, сваха на наперть снимаетъ съ невѣсты шапку, расплетаетъ ей косу и расчесавъ ее на двое, опускаетъ по плечамъ. По совершеніи таинства, вѣнчанную выводятъ на наперть, сажаютъ на стуль и голову ея убираютъ по женски: заплетаютъ двѣ косы, и обернувъ ихъ около головы, надѣваютъ *повойникъ*. Въ томъ же порядкѣ какъ и прежде, поѣздъ отправляется въ домъ молодаго сунруга.

Родители встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, держа на рукахъ хлѣбъ и соль такъ, чтобы они могли пройти подъ онымъ. Потомъ сочтанныхъ осыпаютъ хлѣбнымъ зерномъ, деньгами, орѣхами и пряниками, дабы новая чета жила въ избыткѣ и счастіи; князя съ княгинею (такъ называютъ въ сіе время молодыхъ), вводятъ съ музыкою въ залу, и сажаютъ за приборанной столъ на первыя мѣста. Послѣ первыхъ блюдъ, *дружко*, *сваха* и *сбережатой* съ музыкою отводятъ молодыхъ на *гердакъ*, или въ спальню и кладутъ ихъ въ постель. Въ ожиданіи благопріятнаго извѣстія отъ свахи, гости остаются за столомъ, но пируютъ не весело. Если сваха въ надлежащее время (передъ жаркимъ) не выдетъ и получится неблагопріятное извѣстіе, начинается возня и шумъ, поютъ срамныя пѣсни, въ коихъ безчестно поносятъ родителей молодой. Гости развѣзжаются съ досадою и упреками: пиръ кончается. Если же сваха, къ радости всѣхъ, представитъ несомнѣнное свидѣтельство чести и непорочности новобрачной, начинается *пиръ на весь міръ*. *Дружко* и сваха скачутъ въ домъ отца и матери молодой, и одаренные ими за добрую вѣсть шелковыми матеріями, коими перевязываютъ ихъ крестообразно черезъ оба плеча, пріѣзжаютъ съ ними вмѣстѣ въ домъ веселія. Тогда молодыхъ приводятъ въ залу и сажаютъ по прежнему на первыя мѣста съ крикомъ и музыкою; мать цѣлуетъ дочь со слезами, всѣ обнимаются и ищутъ за здоровье отца и матери молодой, причѣмъ поютъ:

Ты не бойся, матушка, не бойся,
 Въ червонныи чоботы обуйся;
 Да хочь наша Марфушка молода
 Да вывела матушку со стыда.

Молодая, покрытая румянцемъ стыдливости, сидѣть потуши взоры, болѣе мертва, нежели жива. Она, можно сказать, не видитъ и не слышитъ ничего, что вокругъ ее происходитъ, и съ трудомъ выдерживаетъ остатокъ церемоніала.

Дружко отъ имени князя и княгини обноситъ гостей *короваемъ* ⁽¹⁾ приговаривая: „*прошу сыръ коровой принимать и молодыхъ надѣлять.*“ Въ слѣдъ за дружкою молодые подчуютъ гостей виномъ. При семъ родные по возможности дарятъ новобрачныхъ на новое хозяйство, что называется положить на коровой *покрывало приданого*. Родители дарятъ молодыхъ табунами лошадей, рогатымъ скотомъ, деньгами; другіе родные оружіемъ, матеріями и вещами ⁽²⁾. Собственное приданое невѣсты состоитъ въ одеждѣ праздничной и ежедневно употребляемой, въ бѣльѣ, въ домашней посудѣ и всякой рухляди. Отецъ не обязанъ выдѣлять дочери часть изъ своего имѣнія; но даетъ то, что ему Богъ на сердцѣ положить. Симъ

(1) Каждая частичка варавая украшается серебрянымъ лебедемъ или золотомъ сосенном, и на каждой кладутъ по немногу сыру.

(2) У Славянъ Далматскихъ, Краинскихъ, въ Славоніи, Кроации и Сербіи не только родные обѣихъ сторонъ; но сосѣди и знакомые снабжаютъ новобрачныхъ всею нужнымъ на обзаведеніе новаго хозяйства; такъ что и бѣдная чета, смотря по уваженію къ ихъ отцамъ, дѣлается съ перваго дня новой жизни зажиточными.

предупреждаются всякія тяжбы и союзъ родственной хранится свято и ненарушимо.

Остальную часть дня проводятъ въ самомъ шумномъ весельи. Дружки и свахи наблюдаютъ, чтобы подносимые бокалы опоражнивались до дна, и чтобы ни одинъ изъ присутствующихъ не оставался трезвымъ. Обыкновенно начинаютъ пить, за здоровье Царя, Войска, Атамана, молодыхъ, ихъ родителей и каждаго гостя порознь, потомъ пьютъ за отсутствующихъ друзей; и наконецъ, когда носы порядочно покраснѣютъ и лица повытянутся, съ слезами на глазахъ, начинаютъ пить и за здоровье усопшихъ. Тутъ каждый по возможности старается отличиться краснорѣчіемъ, даромъ слова: для разныхъ случаевъ и лицъ придуманы, общія всѣмъ извѣстныя поздравленія. На образецъ, приводимъ одно для примѣра: „Желаю здравствовать князю молодому съ княгинею, князю отцу, матери, дружку со свахами и всей честной компаніи на бесѣдѣ, не всѣмъ поимянно, но всѣмъ поравенно, что задумали, загадали, *опредѣли Господи* таланъ и счастье: слышанное видѣть, желаемое получить, въ чести и въ радости нерушимо.“ Собраніе отвѣчаетъ ему: „*Опредѣли, Господи!*“

Лакеи, горничныя, кучера и вся прислуга домашняя и приглашенныхъ гостей участвующая при выданьи, получаютъ отъ князя и княгини по шелковому платку, коими перевязываютъ имъ руки.

КУРОЧКА И ПРОВОДЫ.

На третій день брака, няня рано поутру поздравляетъ питомицу свою съ добрымъ утромъ, отъ имени отца и матери спрашиваетъ о здоровьѣ и подноситъ ей *вареную курицу*, приготовленную съ сорочинскимъ пшеномъ, на красномъ винѣ съ изюмомъ и пряными кореньями. Молодые, щедро отдариваютъ няню деньгами, и тѣмъ награждаютъ ее за воспитаніе и присмотръ въ дѣтствѣ.

Новобрачный, повидавшись съ родителями, отправляется съ дружкой по домамъ родныхъ обѣихъ сторонъ; вездѣ дарятъ и подчуютъ его. Молодая также повидавшись съ отцомъ и матерью, ѣздитъ съ свахою по всѣмъ роднымъ, ее угощаютъ сладкимъ виномъ и такъ же чествуютъ подарками.

Свадебныя угощенія продолжаются по нѣсколькимъ дней сряду у молодыхъ, у родителей ихъ, у посаженныхъ отца и матери, и по произволу у нѣкоторыхъ родныхъ. Новая родня съ чистосердечіемъ и дружбою, просто, безъ церемоніи, веселится съ радостнымъ сердцемъ. Тутъ по очереди у каждаго, пируютъ, можно сказать, до упада. Старики, сидя кружками, воспоминаютъ о минувшихъ дняхъ молодости и прежнихъ подвигахъ своихъ; старушки не отказываются отъ подносимаго имъ вина; молодые танцуютъ, поютъ и веселятся отъ всей души.

Прекрасное время простоты нравовъ еще не протекло, не миновало на Дону. Описанные здѣсь сва-

дебные обряды принадлежать собственно *Низовымъ Казакамъ*, и преимущественно наблюдаются между рядовыми людьми въ Старомъ Черкасѣ. Въ верховыхъ же Станицахъ обряды сіи измѣняются; и въ каждой, есть что-нибудь собственное, особенное. Въ высшемъ сословіи держатся модныхъ обычаевъ, старина оставлена; однако же нѣкоторые изъ обрядовъ еще употребляются, и каждый по произволу наблюдаетъ тѣ изъ нихъ, которые считаетъ болѣе приличными. Въ нынѣшнемъ быту, ни одна изъ благовоспитанныхъ дѣвицъ, конечно ни за что не согласится и не позволить *электризовать себя* приемами, наблюдаемыми при старинномъ обрядѣ *подушекъ*; и никто изъ гостей не посмѣетъ нынѣ, за столомъ и въ присутствіи дамъ, потребовать на смотръ очевидный признакъ непорочности новобрачной. Такія и симъ подобныя непристойности наблюдаются на свадьбахъ простыхъ людей; а въ лучшемъ обществѣ почли бы самымъ наглымъ нарушеніемъ приличія. Музыка и пѣсни, вино и пляски, движеніе и крикъ — заключаютъ сіи бесѣды, гдѣ все бываетъ шумно, живо и весело. Пыры сіи называются *проводами* и *отводами*.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.







ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ



	Стр.
I. СТАТИСТИКА.	
Положеніе и пространство	1
Раздѣленіе	2
Воды	6
Видъ и почва земли	8
Климатъ	9
Произведенія	10
Число жителей и Вѣра	12
Преимущества	16
Промышленность	17
Скотоводство	19
Винодѣліе и садоводство	30
Судоходство	33
Судостроеніе	35
Просвѣщеніе	39
Доходы Войска	41
II. О КАЛМЫКАХЪ ВООБЩЕ, И ОСОБЕННО О КОЧУЮЩИХЪ НА ДОНСКОЙ ЗЕМЛѢ.	
Происхожденіе Калмыковъ	46
Явленіе Калмыковъ на границѣ Сибири, 1620 года	48
Поселеніе Калмыковъ между Волгою и Яикомъ. 1636 годъ	51
Пораженіе Калмыковъ на Астраханской стени, въ 1643 годъ	53
Калмыки присягаютъ на вѣчное подданство Рос- си, 1655 года	55

	Стран.
Правленіе Аюки Хана. 1672—1724 г.	59
Грабежь въ Башкиріи и по Волгѣ. 1676 — 1682 г.	61
Разореніе Киргизской орды. 1686 г.	63
Внутреннія произшествія.	64
Переселеніе Калмыковъ на Донь.	68
Правленіе Хана Черень-Дундукъ. 1724—1735 г. . .	73
Правленіе Дундукъ-Омбо. 1735 г.	76
Правленіе Дундукъ-Даше. 1742 г.	78
Переселеніе въ Китай и на Донь.	80
Переходъ большой Дербетовой орды съ Дона за Волгу. 1800-го годъ.	82
О Калмыкахъ вообще.	83
О Калмыкахъ, приписанныхъ къ Донскому Войску	87

III. СТАРИННЫЕ ОБЫЧАИ.

Рыцарская жизнь Казаковъ.	92
Сборъ вольницы въ походъ.	99
Охотники.	101
Понски на морь.	105
Войсковой кругъ.	115
Будара.	120
Обычаи Донцовъ перваго періода.	125

IV. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ВТОРАГО ПЕРІОДА. до 1725 года. . . 129

V. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА. по 1775 годъ.

Семейная жизнь Казаковъ.	146
Смотръ войску и Войсковой Судъ.	155
Перепись малолѣтковъ.	160
Станичные праздники.	161

VI. НЫНѢШНИЙ БЫТЬ ДОНЦОВЪ.

Правы и образъ жизни простаго народа.	163
Раздѣленіе по правамъ и обычаямъ.	169

	Стр.
Одежда и оружіе.....	172
Частная жизнь высшаго сословія.....	177
Полевая охота.....	183

VII. ПРАЗДНИЧНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ, ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Масляница.....	189
Купать на Вербное.....	194
Великій день.....	195
Троицкіе Святки.....	197

VIII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Сватовство.....	199
Рукобитье.....	203
Дѣвишникъ.....	204
Подушки.....	205
Выданье.....	207
Курочка и проводы.....	213

